РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПО ИСТОРИИ

л. п. маринович АНТИЧНАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ:

К СОПОСТАВЛЕНИЮ

учебное пособие

РЕКОМЕНДОВАН НЕЗАВИСИМЫМ КОМИТЕТОМ ПО СЕРТИФИКАЦИИ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ (НКСУМ) В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ИСТОРИЯ» - 032600

УДК 321.151(07) ББК 63.3(0)32-413я7+66.3(0),1я7

M 26

Председатель редсовета серии директор ИВИ РАН, академик РАН А. О. Чубаръян

Редсовет серии:

д.и.н., проф., проректор по научной работе ГУГН М. В. Бибиков; к.и.н., в.н.с. ИВИ РАН, руководитель программы М. С. Бобкова; академик РАН Г. М. Бонгард-Левин;

д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН, проф. координатор программы В. П. Буданова; д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН, заместитель председателя редсовета И. Н.Данилевский; д.и.н., проф. МПГУ А. А.Данилов;

д.и.н., проф., ректор РГГУ Е. И. Пивовар; д.и.н., проф., зам. директора ИВИ РАН Л. П. Репина; д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН, проф. Е. Ю. Сергеев; д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН, проф. А. В. Шубин

Маринович Л. П.

М26 Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению: учебное пособие / Л. П. Маринович. — М.: КДУ, 2007.- 212 с.: ил.

ISBN 978-5-98227-183-9

Античная демократия, получившая наиболее полное развитие в Афинах, рассматривается в сопоставлении с демократией современной. Задачей данного спецкурса является ознакомление студентов с проблемами формирования и функционирования афинской демократии. Каждая эпоха обращалась к ней, восхищаясь или порицая, находя примеры для подражания или доказывая порочность самого этого строя. К тому же каждая эпоха вырабатывала новые методы исследования, ставила новые вопросы и задачи, находила новые подходы. В учебном пособии анализируется широкий круг источников: произведений древнегреческих и римских историков, политических и судебных речей, надписей и др.

Спецкурс предназначен для студентов исторических факультетов гуманитарных высших учебных заведений и широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

УДК 321.151(07) ББК 63.3(0)32-413я7+66.3(0),1я7

- © Маринович Л. П., 2007
- © Издательство «КДУ», 2007

Оглавление

Введен	ие		5	
	По	ояснительная записка	5	
	Программа спецкурса			
	Te	матический план спецкурса	10	
Лекции	1		11	
	1.	Афинская демократия перед судом истории	11	
		Взгляд сквозь века	11	
		Античная и современная демократии	27	
	2.	Основные проблемы становления и характера		
		афинской демократии	39	
		Система власти в Афинах	39	
		Аристократия в демократическом полисе	60	
	3.	Новые лидеры афинской демократии		
		в IV в. до н. э. Ликург	69	
	4.	Демосфен — политик и оратор	87	
	5.	Социальная демагогия: Демосфен против Мидия	106	
	6.	На флангах афинской демократии:		
		Гиперид и Эсхин	125	
		Гиперид — лидер радикального крыла	125	
		Эсхин — главный политический противник		
		Демосфена	135	
	7.	Гражданин Афин перед судом	149	

Оглавление

	8. О характере политической борьбы во второй	Í
	половине IV в. до н. э.	163
	Фокион — приверженец прошлого	163
	Политические группировки в Афинах	172
	Список сокращений	183
	Список источников и литературы.	184
Приложение		205
	Примерные темы курсовых работ	205
	Темы рефератов	208
	Контрольные вопросы по материалу лекций	208

ВВЕДЕНИЕ

Пояснительная записка

Спецкурс «Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению» предназначен для студентов исторических факультетов гуманитарных высших учебных заведений.

Задача современной России — построение подлинно демократического государства как основной политической организации общества. Инструментом этого может стать изучение предшествующих демократических обществ. К их числу прежде всего относятся античные Афины — первая в истории человечества демократия, которая к тому же лучше других освещена в источниках, включая замечательное произведение великого Аристотеля «Афинская полития».

Целью данного спецкурса является глубокое ознакомление студентов с формированием и функционированием афинской демократии в V-IV вв. до н. э., ее особенностями и проблемами.

Особая тема — оценка афинской демократии в последующие времена вплоть до современности. Каждая эпоха обращалась к античной демократии, восхищаясь ею или порицая ее, находя примеры для подражания или доказывая порочность этого строя, вырабатывала новые методы исследования, ставила новые проблемы и задачи, находила новые подходы.

В отечественной научной литературе, к сожалению, уделяется недостаточное внимание теоретическим проблемам античной демократии. В учебниках и учебных пособиях основное место обычно занимает изложение конкретных событий и деталей политических движений и конституционных реформ, но в то же время теоретические проблемы освещаются мало. Еще меньшее внимание уделяется историографическому аспекту проблем истории афинской демократии. В данном спецкурсе автор стремится обрисовать существенные черты афинской демократии как прямой демократии, уделяя особое внимание двум историческим периодам ее развития — начальному и завершающему, так как в последние годы особенно активно изучались именно эти два периода и именно они вызвали наиболее горячие дискуссии среди специалистов.

Данный спецкурс поможет понять особую, самую раннюю форму демократии, ее историческую обусловленность и ее влияние на дальнейшее развитие демократической идеологии.

Здесь представлены лидеры различных направлений политики как личности со всеми их сильными и слабыми сторонами, характером и взглядами, идеями и сульбой.

Темы спецкурса подразумевают анализ широкого круга источников: произведений древнегреческих, эллинистических и римских историков, сочинений трагиков и комедиографов, политических и судебных речей ораторов, а также разного рода надписей — постановлений экклесии и других памятников эпиграфики.

Существенной особенностью спецкурса является его обращенность к современной западной литературе, в каждом разделе анализируются наиболее важные и актуальные исследования, сопоставляются разные точки зрения и выявляется их обоснованность.

Спецкурс построен по проблемно-хронологическому принципу, что позволяет выделить наиболее существенные проблемы изучаемой темы и показать эволюцию отдельных институтов демократии. Программа спецкурса

Курс состоит из восьми тем. В их числе — темы, вызвавшие наибольший интерес и споры среди антиковедов в последние годы, в частности дискуссионная проблема смены парадигмы «власти народа» парадигмой «власти закона» и вопрос о времени основания афинской демократии (роль Клисфена).

Спецкурс составляет органическую часть изучения дисциплин исторического цикла. Он дополняет основные лекционно-семинарские курсы по истории древнего мира, источниковедению и историографии. Работа с источниками будет также способствовать выработке у студентов методов их анализа.

Более углубленное понимание проблем, рассматриваемых в данном спецкурсе, может быть достигнуто посредством самостоятельной работы студентов над рефератами и курсовыми работами. Возможные темы их представлены в конце книги.

Форма отчетности — зачет или экзамен (по плану деканата). Объем данного спецкурса — 24 часа лекций.

Программа спецкурса

1. Афинская демократия перед судом истории (4 часа)

Значение исторического опыта для строительства современного демократического общества. Оценка афинской демократии в Древней Греции и в эпоху Римской империи. Рождение современной историографии античности и место Афин в общих концепциях исторического процесса.

Оценка афинского опыта идеологами революций XVIII в. Начало переоценки роли античной демократии и ее причины. Дж. Грот. Дискуссии конца XIX — первой половины XX в. Господство либеральных концепций сущности афинской демократии. Начало нового этапа дискуссий: 3. Лауффер, А. Джонс, М. Финли.

Празднование 2500-летия демократии (Клисфен — отец демократии в Афинах) и его причины. Новые подходы к проблематике. Афинская демократия и другие демократические режимы Греции. Современные дискуссии о прямой и представительной демократии, об альтернативных путях развития общества, правах человека в демократических Афинах, о власти закона.

2. Основные проблемы становления и характера афинской демократии (4 часа)

Концепция гражданства. Политическая структура (народное собрание, Совет пятисот, гелиэя, магистратуры) и меры ее защиты. Экклесия: идеал и реальность. Основные принципы функционирования афинской демократии. Античная концепция свободы. Свобода гражданина: исономия и исегория. Политические и личные права. Проблема взаимоотношения коллектива и личности. Концепция свободы слова. Недостатки прямой демократии как политической системы.

Проблема соотношения демократической системы и демократической идеологии. Современные дискуссии поданной проблеме. Характерные черты аристократической идеологии. Процесс интеграции аристократической идеологии в демократический менталитет.

Аристократия ранней Греции. Роль аристократии в становлении демократического строя. Перикл и Клеон. Отход аристократии от политической деятельности. Демагоги и «новые политики».

Участие граждан в политической жизни классических Афин: идеальная схема и реальность.

3. Новые лидеры афинской демократии в IV в. до н. э. Ликург (2 часа)

Основные особенности политической борьбы в Афинах. Проблема «партий» и ее современные решения. Оратор, стратег и политическая группа. Ликург, Демосфен, Гиперид, Эсхин, Фокион.

Политическая группа Ликурга. Современная литература, посвященная Ликургу. Источники для понимания его политической деятельности. Связь с традициями аристократических «простатой народа». Экономические аспекты деятельности Ликурга. Попытки морального возрождения. Внешняя политика и отношение к Македонии.

4. Демосфен — политик и оратор (2 часа)

Дискуссии относительно характера деятельности Демосфена. Источники по теме. Вступление оратора в политику, начало противостояния Македонии. Демосфен как практический политик, дипломат и оратор. Оценка Демосфеном современной ему политической системы Афин. Роли гелиэи. Защита богатых граждан. Мир эмпория и сторонники Демосфена.

Демосфен и Персия. «Дело Гарпала» и проблема характера морали демократического политического деятеля Афин. Последний этап жизни оратора.

5. Социальная демагогия: Демосфен против Мидия (2 часа)

Фактические обстоятельства дела Демосфена против Мидия. Характеристика Демосфеном личных качеств Мидия, их обусловленность его статусом. Богатый гражданин как угроза социальному миру. Круг политических и личных друзей Мидия, их место в афинском обществе.

Оратор как естественный защитник бедняков, согласно Демосфену. Причины успеха социальной демагогии. Нарастание подспудных противоречий внутри гражданского коллектива.

6. На флангах афинской демократии: Гиперид и Эсхин (4 часа)

Гиперид как политический деятель и оратор. Оценка его деятельности в историографии. Источники по теме. Состав и характер группы сторонников Гиперида. Взаимоотношения с Демосфеном, «дело Гарпала». Гиперид в период Ламийской войны.

Эсхин как политический деятель и оратор. Оценка его деятельности в историографии. Источники по проблеме. Ранняя политическая деятельность. Отношение к Македонии, причины его особой позиции. Конфликт с Демосфеном. Дело «о венке». Эмиграция.

7. Гражданин Афин перед судом (2 часа)

Судебная процедура в Афинах. Политическая роль гелиэи. Типичные обвинения и способы самооправдания: заслуги перед коллективом, доблестные предки, военная служба, литургии, помощь согражданам. Право и судебная практика. Теория «дара» и ее пережитки в условиях демократического режима. Проблема морального оправдания богатства.

8. О характере политической борьбы во второй половине IV в. до н. э. (4 часа)

Политическая группа Фокиона. Источники и историография по проблеме. Миролюбие Фокиона в политике и его причины. Олигархические концепции и их практическое осуществление. «Конституция предков» в политической борьбе IV в. до н. э.

10 Введение

Характер политических группировок в Афинах позднеклассического времени. Модернизация процесса в историографии и попытки ее преодоления. Связь политических групп с определенными социальными кругами. Гетерии и их трансформация.

Основные особенности политической борьбы в условиях прямой демократии. Гражданский коллектив и его трансформация, дробление интересов и усиление внутренних противоречий. Личностный момент в политических коллизиях. Сопоставление античной прямой демократии и современной представительной демократии.

Тематический план спецкурса

№ темы	Тема, подтема	Тип занятия	Кол-во часов
1	Афинская демократия перед судом истории	Лекция	4
	Взгляд сквозь века		2
	Античная и современная демократии		2
2	Основные проблемы становления и характера афинской демократии	Лекция	4
	Система власти в Афинах		2
	Аристократия в демократическом полисе		2
3	Новые лидеры афинской демократии в IV в. до н. э. Ликург	Лекция	2
4	Демосфен — политик и оратор	Лекция	2
5	Социальная демагогия: Демосфен против Мидия	Лекция	2
6	На флангах афинской демократии: Гиперид и Эсхин	Лекция	4
	Гиперид — лидер радикального крыла		2
	Эсхин — главный политический противник Демосфена		2
7	Гражданин Афин перед судом	Лекция	2
8	O характере политической борьбы во второй половине IV в. до н. э.	Лекция	4
	Фокион — приверженец прошлого		2
	Политические группировки в Афинах		2
Итого			24

<u>ЛЕКЦИИ</u>

1 Афинская демократия перед судом истории

Взгляд сквозь века

Основная задача современной России — построение подлинно демократического общества и государства. Одним из инструментов этого является знание предшествующих демократических обществ. К их числу, несомненно, следует отнести Афины эпохи классики, которые в историографии Нового времени обычно рассматриваются как совершенная форма государства, созданного в классической древности. Обращение к афинскому опыту объясняется тем, что политическая организация и функционирование афинской демократической системы освещены в источниках с наибольшей полнотой, в силу чего очень часто, когда современный автор говорит об античной демократии, он прежде всего имеет в виду Афины. «И хотя политический опыт античности не может быть механически пересажен на почву

Нового времени, в интересующем нас плане — в плане строения и достижений демократического строя — он заслуживает пристального внимания и изучения» (Фролов. Э. Д. Парадоксы истории. С. 147).

12

Демократия античной эпохи была объектом пристального внимания историков и политологов последующих времен. На каждом из этапов развития общества обращались к опыту античной демократии, восхишаясь ею или порицая ее. Сопоставление демократии античной и современной мы видим и в наши дни.

Все это делает понятной и обоснованной тему данного спецкурса — «Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению». Истории и особенностям демократии Афин посвящено столько исследований, что историографическое рассмотрение их само могло бы стать содержанием отдельного курса. Однако в настоящем спецкурсе мы рассмотрим только самые общие вопросы. не вникая в детали.

Одной из главных трудностей в постижении сущности и особенностей афинской демократии, очевидно, следует считать отсутствие развернутых теоретических построений у сторонников демократического строя. Действительно, кроме «Надгробной речи» Перикла в труде Фукидида и немногих сведений о взглядах Протагора, пожалуй, никакой иной достоверной информации о демократической политической теории у нас нет. В то же время все наиболее яркие представители теоретической мысли Афин в той или иной степени были противниками демократии или по крайней мере радикальной демократии. Говоря словами С. Г. Карпюка, «...в отличие от своих оппонентов (противников демократии), сторонники демократии не смогли (или не хотели?) создать стройной теории, а попытки ее реконструкции скорее всего так и не смогут увенчаться успехом» (Общество, политика и идеология классических Афин. С. 10). Ни Геродот, ни Фукидид не уделяли большого внимания теоретическим вопросам, связанным с функционированием демократических институтов. Фукидид явно был сторонником олигархического правления в умеренной форме. В его картине истории Афин демос характеризуется сугубо отрицательно, он считается, в частности, органически не способным принимать рационально взвешенные решения.

Сократ, Платон, Исократ, Аристотель — все они осуждали правление «толпы», каковой считали афинский демос. Эта схема оказала огромное влияние на развитие более поздней историографии. Антидемократическая традиция была воспринята теоретиками эпохи эллинизма и римского времени. В эллинистическую эпоху решительным критиком афинской системы являлся Полибий, определявший Афины как хаотическое государство, которое не было способно выдержать серьезные испытания. Столь же отрицательно относился к афинскому строю Циперон: он особо подчеркивал «неблагодарность» афинской толпы по отношению к своим лидерам. Хотя Ливий прямо не писал об Афинах классического периода. но и он способствовал созданию их негативного образа благодаря характеристике римского плебса, который постоянно уполоблялся афинскому демосу. Резко критичен по отношению к политическому строю Афин Диодор. Плутарх — наиболее важный на протяжении нескольких столетий источник для реконструкции греческой истории классического периода — видел в афинской политике действия безответственных демагогов и преследования наиболее выдающихся лидеров толпой.

В средние века афинская демократия практически была неизвестна. Эпоха Возрождения, казалось бы, должна была привлечь внимание к политическому опыту Афин, но уровень знаний гуманистов часто бывал недостаточным для каких-либо теоретических построений. Макиавелли и Гвиччиардини идеальный образ античного государства видели скорее в Спарте, чем в Афинах.

Несколько иной была ситуация в более северных странах. Сочинение французского гуманиста Жана Болэна «Шесть книг о государстве», опубликованное в 1576 г., приобрело широчайшую популярность. Здесь впервые с античных времен особое внимание уделялось Афинам. Их государственный строй Болэн определял как образеи «народного государства» и на примере Афин доказывал его «зло». «Требовать совета у множества — это все равно что требовать мудрости у сумасшедшего», — писал Бодэн, называя афинский демос «звероподобным». Бодэн оказал значительное влияние на английского роялиста XVII в. Роберта Филмера, произведение которого имело весьма красноречивый подзаголовок: «Защита естественной власти королей против неестественной власти народа». Для него Афины служат примером зла народного правительства. По его словам, «власть народа более кровава, чем власть тирана».

15

В XVIII в. в Англии к Афинам обратились в ходе дискуссий о так называемом «ответственном правительстве». Первым в эту дискуссию вступил Джонатан Свифт своим эссе под названием «Рассуждения о спорах и несогласиях между знатью и простым народом в Афинах и Риме и о тех последствиях, которые они имели для обоих этих государств». Свифт, как считают, был первым, кто широко черпал аргументы из афинской истории в дискуссиях с современниками. Хотя Афины уже имели своих защитников в Англии, господствующее мнение все же оставалось резко враждебным, и тогдашних английских министров сравнивали с Периклом, который «развратил народ подкупами».

Во Франции в XVIII в. плохо знали Афины, но тем не менее афинский строй чаще порицался, чем восхвалялся. Автор первого пособия по древней истории, написанного для юношества. Шардь Роллэн полчеркивал, что «непостоянство и изменчивость были основными чертами афинян» в V в., а в IV в. «любовь к покою и удовольствиям почти полностью уничтожила любовь к славе, свободе и независимости», и этот процесс начал Перикл — «первый протагонист дегенерации и коррупции». Позднее подобные обвинения повторяли Мабли и Бартелеми. Бартелеми в своем многотомном сочинении «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» резко нападал на Афины, а Мабли видел настоящую демократию в Спарте. Очень резко об афинском опыте высказывался и Руссо, считая, что «спартанцы — скорее полубоги, чем люди». Негативная оценка давалась Афинам и в «Энциклопедии». К числу немногих защитников Афин и ее демократии принадлежал Вольтер. Он прославлял государство афинян за его покровительство искусству, красноречию, свободе и торговле и возражал против широко распространенного мнения, согласно которому любовь к роскоши, имеющая своим результатом развитие торговли, неизбежно приводит к упадку.

Революционеры и в Америке времени борьбы за независимость, и во Франции в годы Великой революции мало обращались к примеру Афин. Хотя в дальнейшем сравнение американской и афинской демократии стало общим местом в науке, первоначально даже сам вопрос о необходимости классического образования и знания далекого прошлого был объектом жарких дискуссий. Следуя советам англичанина Пристли и француза Дидро, многие

даже достаточно образованные американцы отвергали необходимость изучения древней истории и мертвых языков как абсолютно ненужных в Новом свете. Особенно активны были в этом отвержении квакеры. Бенджамин Франклин упрекал своих соотечественников за то, что они ищут политическую мудрость у греков и римлян, хотя было бы лучше, если бы они искали ее в своих собственных душах. Было бы полезнее, по его словам, чтобы они привезли из своих итальянских путешествий рецепт пармезана, чем копии древних надписей.

1. Афинская демократия перед судом истории

Отцы-основатели Соединенных Штатов Америки видели в Афинах скорее негативную модель и резко отвергали афинский опыт, и только немногие из них рассматривали Афины как образец для подражания. Мэдисон различал американские республики и «буйные демократии Древней Греции и современной Италии». Согласно Джону Адамсу, народный суверенитет представлял угрозу собственности. Другая линия критики ими афинян заключалась в том, что они основали «антихристианскую цивилизацию», направив всю свою энергию на военные предприятия, и ставили славу выше добродетели. Когда во Франции и отчасти в Германии уже начали осознавать, что существует прямая связь между культурными достижениями Афин и их демократическим строем, американская интеллектуальная элита, следуя английским образцам, продолжала видеть в деятельности афинской демократии сцены непрекращающихся беспорядков и бедствий.

Французская революция для своего идеологического обоснования нуждалась в исторических прецедентах. Многие будущие революционеры отмечали, что толчком к их идейному республиканизму стало классическое образование. Однако представления об античной эпохе у них были достаточно смутными, в них смешивались Спарта, Афины, республиканский Рим. Якобинцы взывали к спартанскому опыту, жирондисты обычно отвергали и Спарту, и Афины, особенно же сильное влияние на них оказал республиканский Рим, и любимым героем стал Брут. Только очень немногие революционеры обращали свои взоры к афинянам. Например, Демулен называл их «самым демократическим народом мира». Излюбленной темой были упреки в адрес афинян за то, что они никогда не оценивали по заслугам своих вождей. Об этом, в частности, писал Робеспьер, сравнивая себя с Аристидом. Ожидая в тюрьме казни, он вспоминал Сократа

и Фокиона — мучеников, пострадавших от неправого народного суда. Монархисты же, ссылаясь на революционный террор, находили полное сходство революционной Франции с древними Афинами.

16

В Англии, долго боровшейся с революционной и постреволюционной Францией, неприятие афинской демократии побуждало видеть в ее деятелях прообразы отчаянных революционеров. Так представляли себе жизнь древних Афин не только писатели и журналисты, но и историки. В многотомной «Истории Греции», написанной Митфордом, подчеркивалось сходство между Афинами и революционной Францией. Митфорд, в частности, сопоставлял революционный трибунал Комитета общественного спасения времени Робеспьера с тиранией тридцати.

Только несколько позднее в образованном европейском обществе намечается перемена в отношении к Афинам. Начинается это движение в Германии, и связано оно со взглядами Винкельмана, который показал, что источником высочайшего искусства в Афинах стал их демократический строй. Аналогичные идеи мы находим у Шиллера, Гердера и других. Особенно велико было значение трудов Гегеля. Для развивавшегося английского либерализма слово «демократия» также перестало быть жупелом. Соответственно, происхолит резкое отвержение взглядов Митфорда и на первый план выходят идеи Джона Стюарта Милля и его друга и единомышленника Дж. Грота автора знаменитой «Истории Греции». Очевидно, в значительной мере благодаря ему на Западе распространился взгляд на афинскую лемократию как совершенную форму госуларства. Именно с этого времени начинается триумфальное шествие идеи об афинской демократии как наиболее последовательном и ярком проявлении самого духа античной цивилизации, как прямой предшественнице современных демократических режимов и демократической идеологии. Античное искусство объявляется недосягаемым образцом (тезис Винкельмана: «Если хочешь быть неподражаемым, подражай грекам»), а вершиной античного искусства (со времен дискуссий о мраморах лорда Элгина) — искусство эпохи Перикла.

Афины воспринимаются как естественный и почти единственный центр всей культуры Эллады. Соответственно все, что было после Перикла или в лучшем случае после IV в. до н. э., рассматривается как упадок. Данный комплекс идей не остался достоянием узкого круга интеллектуальной элиты, а благодаря средней школе

(в первую очередь классической) получил широчайшее распространение, став одним из краеугольных камней современного западного менталитета. Викторианская эпоха зашла очень далеко в уподоблении Англии того времени Афинам. Джон Пентланд Магаффи писал в 1874 г., что если бы образованного человека его времени внезапно перенесли в Афины эпохи Перикла, «он нашел бы жизнь и нравы странно похожими на наши собственные, странно современные».

Все вспоминали слова Перикла об Афинах как о «школе Эллады», откуда проистекало стремление ряда крупных городов объявить себя «новыми Афинами», прямыми наследниками древних Афин. Если в эпоху Возрождения граждане Флорентийской республики называли свой город «новыми Афинами», то теперь Виттенберг хотел считаться «Афинами на Эльбе»; на роль «новых Афин» претендовал также Эдинбург, а Богота стремилась заслужить славу «Афин Латинской Америки», но особенно много претендентов на эту роль было в Соединенных Штатах Америки, где первым выступил Бостон; Трансильванский колледж в Кентукки объявил себя Афинами Запада, а Афинами Юга называли себя Атланта и Нашвилль, но, правда, только последний построил свой собственный Парфенон.

Образ афинской демократии как своего рода идеал эксплуатировался самым беззастенчивым образом. Например, П. Клоше в 30-е гг. XX в., в период расцвета Французской колониальной империи, сопоставляя Афинский морской союз и Французскую колониальную империю, с чувством глубокого удовлетворения писал, что демократический строй метрополии — наиболее благоприятный режим для создания колониальных империй.

Конечно, были отдельные голоса, так сказать, «диссидентов», не согласных с господствующей схемой. Особенно сильно они звучали в германской историографии конца XIX — начала XX в. (И. Дройзен, К. Белох, Э. Дреруп). Для них афинский демократический режим — это «республика адвокатов», Демосфен — злейший враг прогресса, находившего выражение в «национальном единстве», к которому стремился Филипп II, а позднее Александр Македонский. Однако их голоса подавлялись преобладающим хором либерально мыслящих историков. Особенно усилились эти тенденции в 40-60-х гг. ХХ в. Благодаря тому, что немецкая официальная пропаганда отождествляла Германию со Спартой (в частности, поражение под Сталинградом сравнивалось с гибелью 300 спартанцев при Фермопилах),

естественно, что интеллектуалы Запада взывали к афинскому примеру. То же самое наблюдается и позднее, в годы «холодной войны»: Америка (и вообще Запад) — это современные Афины, а Советский Союз — современная Спарта.

18

Для чего нужно это краткое историографическое введение? У него две задачи. Первая — показать, что каждый исторический период ставил перед собой вопрос: как соотносятся между собой античный мир и современность? Внутри него был другой, более конкретный вопрос: как соотносятся между собой античная (в первую очередь афинская) демократия и современность? Вторая — показать, что на протяжении веков оценка афинской демократии была скорее негативной, чем позитивной, и современный пиетет по отношению к ней — это результат конкретной исторической ситуации, а не нечто безусловно данное, лежащее в области аксиоматических положений. Все это позволит более рационально, sine ira et studio, рассмотреть некоторые проблемы афинской демократии в современной науке.

Конечно, невозможно коснуться всего, о чем следовало бы сказать. Я постараюсь выделить только самые, как мне представляется. важные работы последних десятилетий и наметить некоторые более общие тенденции в научной литературе, особенно под углом соотношения античной, в первую очередь афинской демократии и демократии современной.

Можно, видимо, считать, что нынешний этап дискуссий о характере афинской демократии был начат докладом известного немецкого ученого 3. Лауффера на Международном конгрессе историков в Стокгольме в 1960 г. — «Рабство в греко-римском мире». Возникновение античного рабства Лауффер напрямую связывает с демократической формой государственного устройства, считая образцами демократических полисов в этом отношении не только Афины, но также Коринф и Эгину. В полисах, стремившихся к экономической и политической экспансии, рабство было средством освободить граждан для выполнения стоявших перед ними политических задач. При этом Лауффер подчеркивает, что «рабство никоим образом не было ни экономической необходимостью, ни основополагающим элементом общественного порядка» (с. 84). Экономически необходимым он считает рабство только в немногих торгово-ремесленных полисах классического периода, в том числе в Афинах. Наличие здесь значительного и все увеличивающегося числа рабов Лауффер объясняет экономическими и политическими причинами: созданием новых отраслей производства, а также проникновением Афин в другие области и подчинением их.

1. Афинская демократия перед судом истории

Следующая работа, о которой следует сказать, — книга Джонса «Афинская демократия», имеющая явно апологетический характер. Горячий поклонник афинской демократии, автор прямо указывает, что своим исследованием он преследовал одну основную цель: разбить обвинения в ее адрес, выдвигаемые и древними авторами, и современными историками. Джонс стремится доказать, что в Афинах не было резкого имущественного расслоения, и основой гражданства был «средний класс». По его подсчетам, примерно 10-15 % гражданства составляли подлинно бедные, примерно столько же — очень богатые, большинство же граждан (не менее 60 %) — люди среднего достатка, живущие своим трудом. Джонс решительно критикует тех ученых, которые считают значительную часть граждан Афин паразитическим элементом, живушим чуть ли не исключительно за счет государственных выплат. По его мнению. расходы на оплату не были особенно велики и в мирное время свободно покрывались из внутренних доходов полиса. Столь же решительно Джонс отвергает взгляды тех, кто настаивал на тезисе о «государственном паразитизме» афинской демократии, т. е. ее существовании в период расцвета за счет эксплуатации полисов. входивших в Афинский морской союз. Что касается рабовладельческого характера афинской демократии, о котором писали многие исследователи, то Джонс отрицает сколько-нибудь серьезное экономическое значение рабовладения. По его мнению, рабов здесь было немного, они не играли практически никакой роли в сельском хозяйстве и относительно небольшую — в ремесле, и только Лаврийские рудники знали массовое применение рабского труда. Основная масса рабов — это домашняя прислуга.

Таким образом, очишенные от обвинений в эксплуатации союзников и рабовладельческом характере, Афины оказываются подлинной демократией — правлением огромного большинства граждан. не владевших рабами, а работавших либо на своих маленьких участках, либо в качестве ремесленников, торговцев, рабочих. Джонс зашишает также теоретические принципы афинской демократии от нападок олигархически настроенных греческих философов, стремясь доказать, что все демократические принципы действительно проводились в жизнь и государственный строй Афин представлял собой крайнюю демократию, при которой народ был суверенен и простые люди, жившие трудом своих рук, пользовались политическими правами во всей полноте.

20

Следующая работа, которую я бы назвала этапной, — это небольшая книга М. Финли «Демократия древняя и современная». Автор этой книги в 60-80-х гг. XX в. являлся самым авторитетным антиковедом и его взгляды на концептуальные проблемы истории греко-римского мира оказывали сильнейшее влияние на ученых. В названной книге было поднято несколько важных проблем, которые определили характер последующих дискуссий. В их числе — специфика афинской демократии, отличие которой от современной заключается, в частности, в том, что современная демократия — представительная, тогда как античная была прямой. Автор ярко характеризует основные черты афинской демократии, отмечая ее историческую обусловленность. Она существовала и функционировала в относительно небольшом face to face обществе.

Финли подчеркивает широкое участие граждан в принятии политических решений, поскольку всякому решению предшествовало его активное обсуждение в неформальной обстановке, а выполнять это решение должны были сами граждане. Отличие же афинских политических деятелей от современных, по мнению Финли, кроется в том, что политики Афин не были группой, в известной степени отделенной от рядовых граждан (как в современных обществах). Он отмечает также полное отсутствие бюрократического аппарата в системе управления полиса, также в отличие от современности. В общем, сравнение античности и современности по ряду параметров почти всегда оказывается не в пользу современной демократии.

Обращаясь к Первому Афинскому морскому союзу также в связи с проблемой демократии, М. Финли приходит к выводу, что само становление и развитие демократии в Афинах теснейшим образом связано с существованием империи. Основную выгоду от этого получали низшие слои общества (оплачиваемая служба во флоте, основание клерухий, использование фороса на внутриафинские нужды: большие строительные работы и др.), но свою долю выгоды имели и представители имущественной верхушки. Самый же главный результат — снижалась степень напряженности в отношениях между различными слоями гражданства, в результате на протяжении

двух веков (за исключением двух эпизодов в конце Пелопоннесской войны) политический процесс развивался без серьезных конфликтов; в отличие от других полисов, в Афинах никогда не раздавались призывы к кассации долгов и перераспределению земли.

Конечный итог работы М. Финли: Афины при демократическом режиме на протяжении почти 200 лет представляли наиболее процветающий, наиболее могущественный, наиболее стабильный и далеко превосходящий всех остальных по культуре полис.

Наконец, последний период особого внимания антиковедов к проблемам античной демократии начался в конце 80-х — начале 90-х гг. ХХ в. Едва ли не главная причина резко возросшего в эти годы интереса к демократии лежит во вненаучной сфере (как это признают некоторые ученые). Именно в эти годы происходило резкое ослабление, а затем и падение социалистических режимов в Восточной Европе и СССР, что воспринималось как полная победа демократической идеологии и демократических институтов, к тому же в их либеральном истолковании.

Старшее поколение прекрасно помнит этот взрыв либерального энтузиазма. В конце 80-х — начале 90-х гг. была проведена мировая, как сейчас говорят «пиаровская» акция: торжественно отмечалось 2500-летие демократии, ее рождением решили считать реформы Клисфена, происходившие в 508/7 г. до н. э. В числе прочих мероприятий прошло и несколько международных конференций о самом феномене древнегреческой демократии и о древнегреческой демократии как источнике влохновения для демократии современной: конференция в Афинах в декабре 1992 г., затем — конференция в Вашингтоне в апреле 1993 г., выставка в Национальном архиве там же в июне 1993 г., к которой был приурочен специальный выпуск журнала Prologue (Quarterly of the National Archives), летний семинар в Калифорнийском университете (Санта Круз) в 1992 г. и др.

Кроме того, было издано несколько специальных сборников, осуществлен новый перевод на английский язык классической книги П. Левека и П. Видаль-Наке «Клисфен-афинянин», не говоря о многочисленных статьях в научных и общественно-политических журналах. Главным организатором всех этих мероприятий выступала Американская школа классических исследований в Афинах, пользовавшаяся значительной финансовой помощью со стороны Национального фонда образования США.

В действительности же главной причиной послужило празднование паления социалистических режимов в Восточной Европе. чего. кстати говоря, не скрывали и сами организаторы, и участники этих мероприятий. Соответственно, преобладающим тоном основной массы произведений было бесконечное прославление афинской демократии и, отметим это особо, подчеркивание значения ее достижений для современной демократии. Особенно ярко эту идею выразил Дж. Обер в книге «Массы и элита в демократических Афинах»: «Афинский образец дает современному миру представление о природе и возможностях демократии как формы социальной и политической организации». Лалее он дополняет свою мысль утверждением, что афинская демократия может служить «инструментом политического анализа и действия для тех. кто является или хотел бы являться гражданином демократического государства» (Ober. 1989. P. 9). Идея о возможности использования опыта античной (в первую очередь афинской) демократии для совершенствования современной также стала предметом обсуждения.

В лавине литературы о демократии, помимо собственно научных трудов, есть немало книг и статей, написанных «на потребу дня».

Однако анализ и собственно научных исследований — задача нелегкая, прежде всего в силу весьма значительного их количества. Вторая трудность заложена в тех методологических основах, которые все шире проникают в западное антиковедение. Антиковеды постоянно сталкиваются с критикой со стороны ученых, занимающихся изучением других исторических эпох. Их обвиняют в том, что антиковедение является «заповедником», где по-прежнему господствует старая позитивистская методология.

Стремясь стать «современными», ряд исследователей античной эпохи начинают широко применять методы, заимствованные у социологии и политологии. Иногда это заимствование чисто внешнее, проявляющееся в насыщении текста терминами из лексикона соответствующих наук, иногда же влияние социологической и политологической методологий проникает гораздо глубже, затрагивая саму суть исследования. Как правило, такие работы оказываются глубоко дезориентирующими, поскольку в них совершенно не учитывается специфика античного общества, его политической и социальной структуры. Для изучения античности применяются социологические методы, отработанные на примитивных обществах Океании,

горных районов Индии, глубинных регионов Африки и т. п. Понятно, что нередко выводы, к которым приходят ученые, работающие в подобной манере, далеки от исторической реальности.

Еще более дезориентирующими бывают работы, созданные на базе политологии. Берется какое-либо правило политологии (к примеру, «Великий принцип равенства» Р. Даля или «Железный закон олигархии» Р. Мичелса), полученное при анализе современных индустриальных и постиндустриальных обществ, и данные источников начинают жестоко уродовать, стремясь согласовать их с уже заданными выводами.

Тем не менее эти трудности не должны отвращать нас от попыток поставить некоторые вопросы и даже попытаться получить ответы. Первый из них — проблема даты. В связи с этим необходимо отметить одно обстоятельство, которое ярко подчеркивает именно вненаучный импульс к столь широкому празднованию 2500-летия демократии. За отправную точку взяли один из эпизодов в истории Афин — реформы Клисфена. В какой мере это правильно? Сами афиняне «выдвигали» на роль основателя демократического строя трех своих соотечественников: Клисфена, Солона и Тезея. В современной науке кандидатура последнего, естественно, отвергнута, но взамен добавлено несколько других: Эфиальт, Перикл и те афинские деятели, которые «ревизовали» политическую систему полиса в начале IV в. до н. э.

Следовательно, Клисфен — только один из возможных претендентов на роль творца демократического строя в Афинах. Той стадии развития, когда Афины действительно стали истинной демократией (т. е. когда все граждане, независимо от состояния, участвовали в управлении полисом), они достигли только к середине V в. до н. э. И хотя афиняне классической эпохи считали Клисфена основателем их демократии (Геродот. VI, 131, 1), его «демократия» существенно отличалась от современной им. По сравнению с «истинной», «крайней» демократией (ακριτον δημοκρατίαν — Плутарх. Кимон. XV), установленной Эфиальтом, Клисфенова система была ближе к «аристократическому строю» и обладала чертами, сближавшими ее со многими исономными полисами.

Вопрос второй — относительно причин возникновения демократического строя и обстоятельств, с ним связанных. Те из ученых, которые считают именно Клисфена создателем афинской демократии,

склонны преуменьшать значение реформ, произведенных 50 годами позднее; те же, кто считает, что демократия в Афинах окончательно сформировалась в результате реформ 462 г. до н. э., отводят Клисфену только роль «предшественника».

Естественно, что наряду с точкой зрения о сознательном стремлении к демократии у Клисфена или Эфиальта высказана и прямо противоположная: демократия как случайный результат борьбы «партий» и принятия конкретных решений по конкретным вопросам.

В данном контексте целесообразно остановиться на недавней работе Э. Робинсона «Первые демократии». Оставляя в стороне другие поднятые в его книге вопросы, я коснусь только одного. Э. Робинсон стремится доказать, что уже в архаическую эпоху в Греции существовал ряд государств с демократическим режимом и Афины не были ни первой, ни наиболее типичной демократией. Особая роль Афин определяется только состоянием источников, обилие которых приводит к известной аберрации, особенно сильной для более ранних периодов. Соответствующую часть своего труда Э. Робинсон начинает с признания значимости выводов И. Морриса, который доказывает на основе анализа погребальных комплексов наличие сильных тенденций к равенству, которые распространяются по всей Греции начиная с VIII в до н. э. Хотя критика концепции Морриса, по словам Робинсона, была довольно суровой и часто справедливой, тем не менее его основной вывод не может вызвать серьезных сомнений: тенденция к равенству, как показывают археологические материалы, действительно существовала. Политическая история архаической эпохи реконструируется на основе очень небольшого числа источников, что весьма затрудняет исследование, но тем не менее имеется возможность говорить о существовании демократического строя в 18 государствах. Достаточно полные, по мнению автора, свидетельства есть для 11 из них (Ахайя, Кротон, Акрагант, Амбракия, Аргос, Хиос, Кирена, Гераклея Понтийская, Мегара, Наксос и Сиракузы). Кроме того, можно предполагать, что подобный строй существовал и в некоторых других местах. Эти свидетельства говорят о наличии институтов, характерных для греческой демократии: механизмы контроля над магистратами, отсутствие имущественного ценза или низкий его уровень, представительный совет, активное участие демоса в судах. В некоторых случаях источники свидетельствуют по крайней мере о том, что демос был χύριος в государстве, что является в конечном счете самым важным критерием.

Э. Робинсон обращает также внимание на время возникновения этих режимов в течение архаического периода: к началу VI в. до н. э. или даже более раннему времени относятся Ахайя, Хиос; к середине VI в. до н. э. — Амбракия, Гераклея Понтийская, Мегара, Кирена, к концу этого века — Акрагант, Кротон, Наксос, к первому десятилетию V в. до н. э. — Аргос, Сиракузы. Это хронологическое распределение показывает, что не было внезапного «взрыва» демократического движения внутри какого-то определенного десятилетия или двадцатилетия. Что касается времени возникновения демократических конституций в других государствах, о которых нет столь твердой уверенности в подобном изменении государственного строя (Халкида, Книд, Кос, Элида, Мантинея, Метапонт, Самос), то и здесь хронологическая схема носит аналогичный характер: Метапонт — конец VII в. до н. э., Самос — начало VI в. до н. э., Халкида, Кос, Книд, Элида и Мантинея — вероятно, конец VI в. до н. э. Существовали, возможно, и другие демократии, например в Ионии в 490-х гг., поскольку, согласно Геродоту, Мардоний установил демократии вместо ионийских тираний. Правда, эти государства находились под властью Персидской империи, однако более раннее введение исономии Аристагором (в начале ионийского восстания) не было следствием действий персидской власти (Геродот. V, 37, 2).

1. Афинская демократия перед судом истории

Следовательно, в середине VI в. до н. э. демократия уже существовала в целом ряде греческих государств; более того, вполне возможно, что кое-где она появилась еще раньше. В начале V в. до н. э. демократия — уже хорошо устоявшийся феномен. Выводы Э. Робинсона кажутся вполне обоснованными.

На этом фоне Афины представляют один из довольно большого числа аналогичных им по политическому строю полисов, хотя, естественно, каждому присущи свои особенности. Но ведь и каждое из современных государств, которые мы считаем демократическими, имеет таковые. Состояние источников не позволяет дать скольконибудь точного ответа на вопрос об основной причине появления демократических режимов в различных полисах Древней Греции. Нельзя найти ответа, обращаясь к характеру экономики, поскольку среди ранних демократий присутствуют как государства преимущественно аграрные (Элида, Амбракия, Метапонт), так и государства с экономикой, имеющей уже торговую направленность (Хиос, Мегара). Не является причиной также величина государства, так

как есть государства и маленькие (Кос, Книд, Гераклея Понтийская), и со значительным по древнегреческим масштабам населением (Аргос, Сиракузы). Нет и сознательной политики распространения демократических режимов, как это делали Афины в период своей империи. Единственная общая черта в ранних демократиях — они рождались в результате острого политического кризиса.

Широкие социальные и экономические изменения, которые имели место в Греции в середине и конце архаического периода, нуждались в расширении числа участников политического процесса за счет новых классов общества, но это не происходило механически. Ахайя, Амбракия, Аргос, Халкида, Наксос уничтожили автократическое правление, тогда как Книд, Кротон, Самос и Сиракузы свергли олигархию. Замена тиранов в Ионии демократией в сложный период ионийского восстания находится в рамках того же самого процесса.

Главное, что можно поставить в упрек Э. Робинсону, заключается в том, что проблему становления демократического устройства он изучает вне контекста проблемы формирования и развития полиса. Полис, как указывают его теоретики (в первую очередь Платон и Аристотель), представлял собой коллектив граждан, который обладал правом верховной собственности на все земли полиса. В рамках полиса существовала взаимная обусловленность права собственности на землю и гражданского статуса, совпадение в принципе социальной и политической структур, что приводило к тому, что сограждане (в идеале) являлись равными соучастниками в политической жизни и суверенитет принадлежал народному собранию полноправных граждан (они же и земельные собственники).

Соответственно, как подчеркивает ряд современных исследователей, общей тенденцией в развитии полиса была тенденция к демократии. Эту тенденцию уловил уже Аристотель, который называл демократию своего рода конечной фазой в развитии полиса (Аристотель. Политика. 1286b, 14-21).

Отметим также, что Э. Робинсон совершенно недостаточное внимание уделил проблеме перераспределения земельной собственности в период становления ранних демократических режимов. Демос, как правило, требовал не только равенства политических прав, но и более справедливого распределения земли. Второе обстоятельство, на которое я хочу обратить внимание, — это практически повсеместное распространение демократических режимов в эллинистическую

эпоху. Исходя из этого следует полагать, что общая тенденция развития греческого общества с эпохи архаики до эллинизма — это тенденция в сторону развития демократии. Данное положение отстаивали В. Эренберг и Э. Билль, а в нашей науке — Ю. В. Андреев и Г. А. Кошеленко.

Еще один вопрос в кругу рассматриваемых в связи с юбилеем: как оценивать, так сказать с «качественной» точки зрения, реформы Клисфена: являются ли они одним из этапов (пусть и важнейшим) на долгом пути эволюционного развития или представляют собой качественный «революционный» скачок?

Одну из крайних точек зрения представляет И. Моррис, который начало процесса демократизации афинского (и вообще древнегреческого) общества относит еще к VIII в. до н. э. С другой стороны, Дж. Обер полагает, что события 508/7 г. до н. э. представляли собой настоящую народную революцию, Клисфен же, с его точки зрения, не сыграл никакой серьезной роли в происшедших событиях. Его имя оказалось включено в контекст событий благодаря свойственной древнегреческой историографии особенности — связывать все решающие события в истории с деятельностью «великих людей». В действительности же Клисфен в лучшем случае выступал как «интерпретатор» действий масс и их требований. Для понимания характера и особенностей этой революции Обер считает необходимым использовать сравнительный материал: американскую революцию (т. е. Войну за независимость американских колоний), Французскую революцию конца XVIII в. и русские революции 1917 и 1989-1991 гг.

Итак, в западной историографии наблюдаются углубляющиеся расхождения между исследователями относительно важнейших проблем рождения афинской демократии. Они касаются предпосылок этого процесса, времени ее рождения, обстоятельств и характера происшедших перемен, роли Клисфена. Отмечу одно обстоятельство: я не могу найти точек соприкосновения между событиями времен реформ Клисфена и августом 1991 г. в СССР. Мне кажется, что подобные сопоставления, если их использовать как методологический прием, приведут к совершенно ложным выводам.

Античная и современная демократии

Есть, очевидно, только один вопрос, в решении которого до недавнего времени царило почти полное единодушие между учеными.

Я имею в виду принципиальное различие между античной и современной демократиями: античная демократия была прямой, а современная — представительной. Этот тезис особенно защищался и развивался М. Финли. Для него прямая демократия — естественный результат существования face to face общества, каковым был греческий полис. Тезис этот, правда, подвергался некоторым сомнениям. В частности, указывалось, что таким обществом мог быть только коллектив с числом членов не более 10 тысяч. Поскольку количество афинских граждан явно превосходило названную цифру, то Афины нельзя включить в эту категорию.

Другой пример атаки на устоявшиеся взгляды — книга Р. Осборна, посвященная афинским демам. Он решительно отвергает представление об античной (в первую очередь афинской) демократии как прямой демократии, называя такое определение «абсурдной моделью». По мнению Осборна, нужно различать теоретическую схему и реальное воплощение ее в жизни. Теоретически все граждане были равны и сами верили в это, однако на практике они обладали далеко не равными правами из-за различий в имущественном положении и расстоянию до Афин, где проходили заседания экклесии (что он особо подчеркивает). На основании анализа примерно 80 псефисм, принятых народным собранием в середине IV в. до н. э., Осборн приходит к выводу, что предложения по ним вносили только две категории граждан: 1) живущие в самих Афинах или поблизости; 2) очень богатые граждане, обладавшие двумя домами: одним — в отдаленном деме, а вторым — в Афинах.

Главную роль в функционировании демократического строя играли демы: именно демы принимали в число граждан сыновей демотов, управляли общественным имуществом, проводили свои собрания (по типу заседаний экклесии в Афинах), у них были свои выборные должностные лица, наконец, они влияли на подбор кандидатов для Буле. Именно демы являлись школой демократии и ее основой. Согласно Осборну, прямая демократия (характерная для face to face общества) в Афинах существовала только на уровне демов, а в целом функционировала не прямая демократия, а «утонченная форма представительной демократии».

Бесспорно, ряд наблюдений Р. Осборна заслуживает пристального внимания, но его основной тезис был отвергнут большинством антиковедов. Для них по-прежнему афинская демократия — это пря-

мая демократия и, соответственно, по-прежнему главное место отводится народному собранию как воплощению афинской демократии. Афинский гражданин никому не передоверял своих суверенных прав. экклесия всегла являлась единственным источником власти.

/. Афинская демократия перед судом истории

Вместе с тем у этой проблемы имеется и обратная сторона. Как уже упоминалось, некоторые участники дискуссий о демократии утверждают, что прямая демократия возможна и в современном обществе. Система аргументации опирается на следующее рассуждение: рождение представительной демократии взамен прямой вызвано только иными масштабами современных государств. В небольших полисах античной эпохи, где практически возможно было собрать на заседание экклесии большинство граждан, действовала прямая демократия, иное дело — современные государства, для которых в силу самих их размеров единственно возможный строй — представительная демократия. Но в настоящее время в связи с развитием технических средств есть способ вновь вернуться к прямой демократии: с помощью телевизора все граждане следят за дебатами по политическим или экономическим вопросам, а голосуют с помощью своего персонального компьютера. Технически можно обеспечить этот процесс, включая меры зашиты от повторного голосования и иных нарушений процедуры. Кстати, в некоторых научно-фантастических романах именно таким образом функционирует политическая система будущего.

Однако вряд ли стоит допускать существование и функционирование такой системы. Весь исторический опыт говорит против этого. Ни одно из самых крошечных государств наших дней, таких как Монако или Лихтенштейн, не перешло к системе прямой демократии, а осталось верным демократии представительной. Современная жизнь настолько усложнилась по сравнению с древнегреческой, что прямая демократия, если она была бы осуществлена, немедленно привела бы государство к гибели под напором некомпетентных предложений и решений. Кроме того, если даже подобная «теледемократия» будет создана, то она все равно не станет такой же, как античная демократия, поскольку невозможно обеспечить равное участие в дискуссии всех граждан.

Практически для всех современных исследователей античная демократия неотделима от полиса. В последние десятилетия для понимания феномена полиса особенно много сделано Копенгагенским

центром по изучению полиса (Copenhagen Polis Centre). Центр был создан в 1993 г., его инаугурация произошла в начале 1994 г. В его рамках осуществлялись многочисленные исследования по этой важнейшей проблеме античной истории (список работ, опубликованных Центром за 10 лет, и их анализ см. в обобщающей статье М. Г. Хансена: Historia. Bd. 52. Heft 3, 2003. S. 257-282). В ходе дискуссий был поднят вопрос и о том. насколько сам полис типичен для античного общества.

30

«Бесконечный назойливый шум» относительно демократии вообще и древнегреческой в частности вызвал интеллектуальный протест, и одной из форм его стало создание совместного проекта Лидского и Манчестерского университетов — семинар по исследованию древнегреческой истории под названием «Альтернативы демократическому полису» под руководством Роберта Брока и Стефена Ходкинсона.

Главная задача, по словам участников проекта, состояла в том, чтобы снять опасность «туннельного видения» проблемы, при котором «игнорируются разнообразие древнегреческих государственных форм и многообразие их конституционных устройств». Среди тех выводов, которые сделали участники проекта, отметим несколько. Прежде всего, рождение современных демократических режимов никак не связано с влиянием представлений об афинской демократии, эти режимы никогда не несли на своих знаменах ее имени. Появление идеи об афинской демократии как реальной предшественнице современной демократии связано с конкретной ситуацией в Англии в середине XIX в. и с огромным влиянием книги Дж. Грота.

Бросается в глаза некоторая ограниченность данного вывода. Сейчас действительно можно с достаточной долей уверенности утверждать, что на процесс становления современной демократии афинский пример никак не повлиял и само обращение к Афинам как примеру демократического строя было скорее всего результатом поиска идеологического обоснования и оправлания демократии Нового времени. Однако нельзя думать, что дальнейшее развитие демократических идей и институтов проходило вне всякого влияния афинского примера, преломленного через труды и действия руководителей и идеологов демократии различных направлений. Кроме того, участники этого проекта, делая выводы, обратили недостаточно внимания на социальные основы либерально-демократических

концепций XIX в., которые уже давно и твердо установлены, — классический капиталистический строй того времени. Несомненно, что книга Дж. Грота могла появиться, получить большую популярность и пользоваться большим влиянием только в Англии его времени. Распространение капитализма и либеральной демократической идеологии в Европе и Америке автоматически приводило и к распространению «гротовских» идей.

Второй вывод участников проекта в значительной мере перекликается с выводами авторов целого ряда конкретных исследований. Особое внимание уделяется неполисным формам политической организации в Древней Греции. Одна из таких важнейших форм — этнос. Этносы как политически организованные единицы охватывали Ахайю, Аркадию, Фессалию, Македонию. Сам факт их широкого распространения, очевидно, свидетельствует о том, что они играли важную роль в истории античной Греции, чему, однако, не отвечает степень их изученности. Как справедливо подчеркивал в свое время Э. Снодграсс в работе об архаической Греции: «Во многих работах по Древней Греции этнос почти полностью игнорируется, поскольку он рассматривается как сохранившийся пережиток более примитивной эпохи, либо потому, что его вклад в великую интеллектуальную революцию V в. кажется неизмеримо меньшим, чем вклад полиса» (Снодграсс, 1980. С. 42).

Этнос часто сопоставляется с полисом, и это сопоставление обычно бывает не в пользу первого: его считают более примитивной, «племенной», дополисной формой организации общества, где основной формой населенного пункта остается деревня, а не город, где существует очень ограниченное число общих функций и, соответственно, функционеров. В общем, этнос обычно рассматривается как более простая форма организации общества, характерная для более отсталых областей Эллады. Однако современные ученые, которые стремятся без предвзятости изучить этот тип общества, приходят к иным выводам, обращая внимание, в частности, на то, что многие этносы в позднеклассический и эллинистический периоды трансформировались в конфедерации, которые смогли противостоять самым крупным полисам Эллады.

Но более важным представляется другое. Сейчас подчеркивается сложность организации этноса, в рамках которого находились даже полисы. Например, такая ситуация наблюдается в классической

Аркадии, где в рамках этноса было несколько небольших полисов: Гортина, Орестасион, Трапезунт, и граждане этих полисов воспринимали себя не только как аркадян и граждан соответствующего полиса, но также как представителей более мелких подразделений, как, например, кинурийцев или паррасиан. Тем самым этнос предстает как сложное, многоуровневое политическое образование, которое отчасти противостоит полису, но самое главное в нем другое — это «государственное единство, которое представляет собой сложную ткань социальных групп, городов и других поселений».

32

Вопреки обычным представлениям, эти политические организмы временами выступали в роли передовых центров в процессе развития ранней Греции, например в создании важнейших святилищ и росте ранних городских центров. Важная особенность подобных политических организмов заключается в том, что осознание собственного единства, как правило, предшествовало возникновению сильной политической организации; это характерно для конца V — начала IV в. до н. э. Особое внимание в последние десятилетия уделяется также и таким политическим образованиям, как Фессалия, Эпир и Македония. Для них характерно длительное сосуществование достаточно сильной центральной политической власти (в том числе монархической) и отдельных полисов. Политическая власть царей в Эпире и Македонии обычно определяется как типологически близкая власти гомеровских басилеев, и в силу этого в классическую эпоху существование ее рассматривается как исторический пережиток, свидетельствующий об отсталости этих обществ.

Итак, с точки зрения определенной группы исследователей, полис нельзя рассматривать как ведущую форму политической организации древнегреческого общества, полис — только одна из многих форм, реально существовавших в эллинском мире. Второй тезис, который защищают сторонники этого направления, — положение о том, что демократический полис — достаточно редкая и, может быть, даже наименее типичная форма государственного строя полиса. Не буду сейчас приводить все их аргументы, укажу только на одну работу — она посвящена конституционному строю Сиракуз в 446-406 гг. до н. э.: Н. К. Раттер «Сиракузская демократия: более всего похожая на афинскую». Пример весьма показателен, поскольку современник, отличающийся огромной наблюдательностью и здравым смыслом — Фукидид (VIII, 96, 5) говорил о сиракузской

демократии «как более всего похожей на афинскую». Однако внимательное изучение источников показывает, что при всем сходстве Афин и Сиракуз имеются и значительные различия, которые заставляют думать, что даже среди типологически близких Афинам демократических режимов афинский строй отличался наибольшей демократичностью. Афины в любом случае остаются исключением.

При всей убедительности вывода Раттера все же возникают определенные сомнения в его справедливости, если рассматривать проблему более глобально. Я имею в виду два обстоятельства: первое связано с процессом становления демократии, второе — с распространенностью демократического режима. Сошлюсь на упоминавшуюся выше книгу Э. Робинсона и те соображения, которые были высказаны в связи с ней.

Есть еще одна проблема, в рамках которой происходят оживленные дискуссии сторонников сближения античной и современной демократий и их противников, — это проблема прав человека. Сильнее всего противоречия выявились в сборнике «Лемократия», где впрямую столкнулись противоположные взгляды (Hansen, 1996). Автор одной из опубликованных в нем статей М. Г. Хансен считает. что в современной науке слишком большое внимание уделяется различиям между античной и современной демократиями, что не отвечает действительности. Поэтому свою задачу он видит в том, чтобы указать на поразительное сходство античных демократических идей и институтов с современными. И в античной, и в современной концепциях свободы есть две стороны — то, что может быть названо «позитивной» свободой и свободой «негативной». Первая означает свободное участие гражданина в управлении государством, вторая своболу от вмешательства в его личную жизнь. Особое значение, по мнению Хансена, имеет второй аспект свободы, наличие которого предопределено существованием частной сферы жизни, отличной от обшественной. Афины уже знали обе формы свободы (несмотря на то, что многие оспаривают это), однако, с его точки зрения, нельзя считать, что свою концепцию современное общество унаследовало от античного — она родилась из сходных условий.

Иные идеи развивает в том же сборнике Р. Уоллес. Начав с тезиса о значительном сходстве между Афинами и современными Соединенными Штатами Америки в отношении прав человека, он вместе с тем указывает на некоторые существенные различия. Первое из них

состоит в том, что зашита прав человека в Афинах была более слабой, чем в США, что объясняется нечеткостью многих формулировок законов. Второе: в Афинах уделялось гораздо больше внимания защите интересов коллектива, чем в США, где основное внимание в законодательстве уделено защите прав личности. В Афинах в любой момент права личности могли быть отброшены, если демос решал, что его интересы находятся под угрозой. Для грека интересы коллектива всегда превалировали над интересами личности. Подобное поведение гражданского коллектива проявлялось не только в исключительных случаях (например, суд над Сократом), но и в институализированных формах, например, в ограничении свободы выбора при браке и др.

Вполне вероятным кажется, что последний взгляд более справедлив, чем упрошенно-апологетическая картина, нарисованная М. Г. Хансеном.

Назовем еще одну проблему, которая в современной дискуссии об афинской демократии рассматривается явно недостаточно, но которая еще сравнительно недавно была одной из самых острых в научных спорах — проблемы реального участия граждан в политической жизни. Как известно, самые важные вопросы жизни полиса решались на заседаниях народного собрания, а экклесия, например, в Афинах заселала примерно 40 раз в году, некоторые же вопросы обсуждались в течение двух дней. Естественным будет вопрос: обладал ли средний афинский гражданин, особенно крестьянин. возможностью отрываться от повседневной трудовой деятельности для участия в политической жизни или это было исключено? Я уже упоминала о Джонсе, который доказывал, что основная часть афинян — это люди, живушие трудом своих рук, а масса афинских рабов — домашняя прислуга. Тем самым он создал парадоксальную картину: афинянин трудился для того, чтобы кормить свою прислугу. На это внутреннее противоречие критики Джонса с большим удовольствием неоднократно указывали.

Данный вопрос тесно связан с другим — о плате гражданам за выполнение общественных обязанностей, т. е. иными словами: воспринимали ли афиняне плату за участие в заседании экклесии или суда как приятный, но все-таки дополнительный «приработок», или получаемые ими оболы составляли основу их пропитания в дни, когда они выполняли свой гражданский долг? В конечном счете речь идет о степени обеспеченности среднего и бедного афинянина при демократии. Естественно, что этот вопрос — один из острейших, если мы будем исследовать не лозунги и теории, а реальный процесс функционирования демократии.

1. Афинская демократия перед судом истории

В современной литературе весьма сильна тенденция представлять афинское крестьянство в виде массы людей, живущих чуть ли не на грани физического вымирания. Наиболее последовательно эту концепцию отстаивает Э. Вуд, которая считает, что в аттическом сельском хозяйстве рабов практически не было. Правда, ее вывод построен не на анализе источников, а главным образом на сопоставлении сельского хозяйства Аттики с сельским хозяйством «традиционных обществ». О непродуктивности полобных сопоставлений я уже говорила.

Близки выводы и Т. В. Гэлланта, который полагает, что крестьянские хозяйства размером в 4-6 га (по его мнению, типичное зевгитское хозяйство) весьма часто лишь с большим трудом могли произволить продовольствие в объеме, достаточном для того, чтобы прокормить членов ойкоса (включая рабов). В целом, средние крестьяне, очевидно, стремились владеть рабами, богатые, как правило, их имели, но бедные — никогда. Между этими полюсами находилось большинство ойкосов, хозяева которых периодически покупали рабов, когда имели такую возможность, но столь же регулярно и продавали их. Конечный вывод Гэлланта: среднее хозяйство почти всегда находилось на самом пределе жизнеспособности, положение крестьянства в целом было всегда непрочным.

Беда этих исследований в том, что они построены на моделях, не имеющих ничего общего с аттическими реалиями. Исследователи отталкиваются от представлений о замкнутом, самообеспечивающемся хозяйстве весьма примитивных народов и переносят эти схемы в Древнюю Грецию. Прежде всего, если положение аттического крестьянства было столь тяжелым, почему никогда не раздавались призывы к переделу земли? Самое же основное состоит в том, что мы имеем дело с высокоспециализированным хозяйством, ориентированным на рынок, и к такому хозяйству примитивные модели совершенно неприменимы. Что касается рабов в сельском хозяйстве, то хочу сослаться на результаты исследовательского проекта Безансонского университета. Согласно им. белные крестьяне имели 1-3 рабов, занятых в производстве, средние — до 5-7. Что обеспечивало продуктивность рабовладельческого хозяйства? Участие крестьянина в трудовом процессе вместе с рабами, но самое главное — его роль как организатора. Следовательно, средний крестьянин вполне мог на какое-то время покинуть свое хозяйство для участия, например, в заседании народного собрания, и никакой хозяйственной катастрофы из этого последовать не могло. Еще более этот вывод верен в отношении ремесленников. Уже давно никто не оспаривает факт довольно широкого распространения рабского труда в ремесле. Насколько можно судить, уровень жизни афинского ремесленника был достаточно высок, чтобы он сам мог принимать участие в политической жизни Афин.

Из сказанного следуют два основных вывода. Первый: рабство действительно являлось базой афинской демократии. Только применение рабского труда давало возможность крестьянам и ремесленникам в той или иной степени принимать участие в политической жизни полиса. Второй: именно участие их в политической жизни гарантировало прочность демократическому режиму, средние слои создавали реальную опору демократии. Тем самым античная демократия по этому параметру оказывается близкой современной демократии.

Правда, нередко утверждается, что пороком афинской демократии является недостаточное участие граждан в политическом процессе. Однако если мы вспомним, какой процент населения в современных демократических обществах обычно принимает участие в голосовании, то этот упрек утрачивает свою силу. Учтем к тому же, что голосования в наши дни происходят гораздо реже, чем заседания народного собрания Афин.

Последняя из проблем, о которой необходимо сказать, — динамика развития афинской демократии. Вопрос ставится так: была ли афинская демократия на протяжении примерно двух веков ее существования неизменной или она эволюционировала?

Особое значение в этой связи имеет работа М. Оствальда «От суверенитета народа к суверенитету закона». В ней впервые в столь острой форме поставлен вопрос о принципиальной разнице между афинской демократией V и IV вв. до н. э. Основная идея состоит в том, что после олигархических переворотов конца V в. до н. э. афиняне, учтя тяжелый опыт, изменили свою конституцию и на протяжении следующего столетия в полисе господствовала стабильность, достигнутая благодаря тому, что на смену суверенитету народа пришел суверенитет законов, ограничивавший волю народного собрания. Близкие мысли выска-

зывали и другие исследователи, в частности Р. Сили, утверждавший, что «афиняне достигли, наконец, власти закона» (Sealey, 1987. Р. 146). М. Г. Хансен, который уже давно писал о том, что в IV в. до н. э. народный суд в Афинах значил больше, чем экклесия, в конце концов пришел к заключению, что афиняне изменили свою конституцию так, что поставили под определенный контроль ранее неограниченную власть народного собрания (Hansen, 1987. С. 296-320). На смену представлению о демосе-суверене пришла идея «власти закона». Эти изменения вызваны законодательными реформами конца V в. до н. э., общим пересмотром законов и принятием мер по их защите.

Вместе с тем есть ряд ученых; которые эту довольно популярную сейчас концепцию отвергают, полемизируя со сторонниками смены в IV в. до н. э. парадигмы «власти народа» парадигмой «власти закона». Решительно возражает против идеи М. Оствальда о переходе суверенитета от народа к закону, например, К. Моссе. Она разделяет высказывавшуюся в науке идею о так называемом «политическом классе», согласно которой в реальной политической жизни принимало участие только меньшинство граждан: они выступали с речами в экклесии, вносили предложения, занимали выборные должности. Тем не менее, как подчеркивает Моссе, суверенитет экклесии не был фикцией. В сборнике докладов, прочитанных на симпозиуме в Белладжо (Италия, 1992 г.), опубликованы две статьи противников изложенной концепции. П. Родс в статье «Судебные процедуры в Афинах IV в.: совершенствование или просто изменение?» утверждает, что Оствальд. Сили. Хансен преувеличивают масштаб перемен. поскольку дикастерии в V в. играли не меньшую роль, чем в IV в. Как он полагает, к началу IV в. все основные изменения в судебной системе уже произошли, и то, что имело место позднее. — это лишь не представлявшие серьезного значения технические нововведения. Причины укрепления стабильности афинской демократии, по мнению Родса, кроются не в институционных изменениях, а в историческом опыте афинского демоса, пережившего два олигархических переворота. Еще более резкой критике данную теорию подвергает Г. Тюр, рассматривающий афинский суд как «тупиковую» юридическую систему, не способную к дальнейшему развитию.

Не входя здесь в детальное рассмотрение проблемы, отмечу только, что возражения, высказанные против идеи «суверенитета законов», не кажутся убедительными, поскольку они не опровергают

основного тезиса сторонников этой концепции. Описание Демосфеном (Демосфен. XXIV, «Против Тимократа») процедуры отмены старых законов и введения новых показывает значительно возросшую роль суда и некоторое ограничение власти народного собрания. В связь с данными изменениями необходимо поставить и окончательное разделение понятий «псефисма» (постановление экклесии по конкретному вопросу) и «номос» (закон).

Более существенны, как мне кажется, возражения Дж. Обера, считающего, что в IV в. до н. э. демократия в Афинах была живой и стабильной и действительно представляла правление народа. В своей рецензии на книгу М. Г. Хансена «Афинское народное собрание в век Демосфена» он критически отнесся к идее Хансена о том, что «суверенная власть» от экклесии (как было в V в. до н. э.) в IV в. перешла к гелиэе. Дж. Обер упрекает Хансена за то, что тот преуменьшает значение реальных социальных и политических факторов в эволюции и функционировании афинской демократии и преувеличивает значение ее институтов, не объясняя причин их изменений.

Подобная постановка вопроса ставит перед учеными новые теоретические проблемы, решение которых настоятельно необходимо для более адекватного понимания сущности античной демократии. Если произошло значительное сужение прав народного собрания, то можно ли говорить об его суверенитете в IV в. ло н. э.? Иногла ответ бывает положительным, поскольку считают, что коллегия номофетов и ликастерии являются не более чем акциленциями народного собрания. Доказательством этому служит совпадение в числах: 6 тысяч человек в составе суда и 6 тысяч участников заседания экклесии, когда требуется кворум. Следовательно, народный суд и коллегия номофетов были скорее вариативными формами экклесии, чем отдельными органами власти. Однако подобные аргументы выглядят весьма слабо. Возрастной ценз при избрании судей делает судейский корпус представителем не всего гражданства, а только одной части его. Кроме того, никогда не было дикастериев, в которых заседали бы все 6 тысяч судей, наибольшее число (для самых важных дел) — 1500.

Таким образом, проблема суверенитета остается нерешенной. Та попытка, которую предпринял Дж. Обер, не кажется успешной. Он предлагает вообще устранить термин «суверенитет» из числа слов, которые используются для описания афинской де-

мократии. Обер отмечает, что само это понятие появилось только в XVI-XVII вв., когда политические теоретики начали обсуждать проблемы монархии. Монархическая власть по самой своей природе унитарна, поскольку исходит от личности правителя, идея же разделения властей происходит из аристократической оппозиции монархической власти и в силу этого понятие суверенитета неприменимо к афинской политической реальности. Думается, что попытка Обера избежать обсуждения вопроса по существу не может считаться удачной. Подчас явление возникает раньше, чем изобретается термин, адекватно отражающий его сущность. Кроме того, мы знаем, что власть народного собрания иногда определялась как хύριоς, что кажется вполне адекватным понятию суверенитета экклесии.

Вопрос о соотношении власти народного собрания и народного суда в позднеклассических Афинах не может считаться решенным в теоретическом аспекте и нуждается в дальнейшем исследовании.

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что афинская демократия в последние десятилетия была объектом многих исследований и жарких дискуссий, что показывает важность проблематики, связанной с ее характером, эволюцией и другими вопросами, в числе которых и сравнение афинской демократии с современной.

2. Основные проблемы становления и характера афинской демократии

Система власти в Афинах

Грекам мы обязаны возникновением самого понятия «народовластие» — так буквально переводится слово «демократия». Наиболее развитой формой в античную эпоху (к тому же лучше всего известной нам прежде всего благодаря труду великого Аристотеля «Афинская полития») справедливо считается афинская демократия. Ее «золотой век» — время примерно с середины V до 30-х гг. IV в. до н. э. Сущность государственного устройства Афин этого периода точно и лаконично определил Перикл, являвшийся бесспорным вождем афинской демократии в середине V в. до н. э.: «Так как у нас городом управляет не меньшинство, а большинство народа, то наш государственный строй называется демократией» (Фукидид. II, 37, 1) (рис. 1).

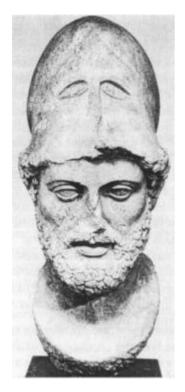

Рис. 1. Перикл. Римская копия с греческого оригинала работы Кресилая, между
440-430 гг. до. н. э. [Musiolek P., Schindler W. Klassisches Athen.
Leipzig, 1980. S. 37]

Соответственно, основу политической организации полиса составлял коллектив граждан, так что выработка самого понятия «гражданин» тоже достижение политической мысли греков. При этом граждане четко отчленялись от всех остальных жителей города. В основу концепции гражданства был положен принцип наследования статуса гражданина: «Гражданскими правами пользуются люди, которых родители оба — граждане» — такими словами начинает Аристотель свое описание государственного строя Афин (Аристотель. Афинская полития. 42, 1).

Официальное признание человека гражданином наступало не автоматически при рождении, а только по достижении 18лет, когда специальная комиссия после тщательной проверки заносила его в список членов дема, причем вопрос этот демоты решали голосованием, происходившим под присягой. Затем вместе со сверстниками молодой афинянин проходил военное обучение. Эфебов, как их называли в эти годы, учили фехтованию, стрельбе из лука, метанию дротика и работе с катапультой. Через год они

демонстрировали народу свою выучку и получали от государства щит и меч. Последующий год эфебы уже были заняты настоящей воинской службой: они охраняли границы страны, находясь все время на сторожевых постах. «По истечении этих двух лет они становятся уже на один уровень с остальными гражданами» (Аристотель. Афинская полития. 42, 2-4) (рис. 2).

Афиняне ревностно охраняли чистоту гражданского коллектива. Так, когда был произведен пересмотр списка граждан при раздаче

Puc. 2. Эфеб. Рисунок на вазе, вторая четверть V в. до н. э. [Musiolek P., Schindler W. Klassisches Athen. Leipzig, 1980. S. 79]

хлебных даров, присланных в 445 г. до н. э. фараоном Псамметихом, лица, неправильно вписанные в списки для раздачи, были проданы в рабство. Лишение гражданских прав, полное или частичное, было серьезнейшим наказанием для провинившихся. С другой стороны, дарование гражданских прав негражданам было одной из самых высоких наград, которых удостаивались люди, оказавшие особые услуги полису.

«При архонте Навсинике, Каллибий, сын Кефисофонта, из дема Пэания, был секретарем. В седьмую пританию филы Гиппотонтида Совет и народ постановили...» (IG, II2, 43) — перед нами начало типичной псефисмы, т. е. постановления, с которого можно начать

Лекции

42

знакомство с политической системой Афин. Под «народом» имеется в виду народное собрание (экклесия), которое воплощало гражданский коллектив полиса. Ему принадлежала вся полнота верховной законодательной и исполнительной власти (принцип разделения властей, которому придается такое серьезное значение в современных конституциях, уже намечен, но не проведен последовательно).

Прямая демократия, существовавшая в античности, подразумевала, что все сколько-нибудь значимые решения принимает только коллектив граждан (народ), который никому не передоверял своих прав. Этот принцип находил воплощение в том, что примерно каждые 9 дней, точнее, 40 раз в году (во всяком случае, в IV в. до н. э.), граждане собирались на заседание народного собрания на холме Пникс, чтобы обсудить самые различные стороны своей жизни — политическую, экономическую и культурную. На заседаниях экклесии рассматривались важнейшие вопросы: объявление войны и установление мира, заключение союзов, избрание должностных лиц и принятие их отчетов, дарование гражданских прав, защита страны, снабжение продовольствием, отчеты послов, дела, касающиеся религии, и многие другие. В ведении народного собрания находилась такая чрезвычайная мера, как остракизм, т. е. изгнание на 10 лет лица, заподозренного в том, что его влияние и авторитет могут привести к падению демократического строя (рис. 3).

В данной связи имеет смысл сказать несколько слов об обстановке, в которой развертывалась работа народного собрания. Начиналось оно рано утром, по особому сигналу. Хотя о проведении заседания экклесии объявлялось заранее, афиняне на спешили подняться на холм Пникс, разгуливая по площади и заглядывая в лавки. Магистратам приходилось иногда даже давать указание запирать лавки.

Выступления ораторов в народном собрании имели свои особенности, поскольку говорить приходилось перед аудиторией из нескольких тысяч человек, у которых имелись свои сформировавшиеся за многие годы стереотипы. Сложился уже определенный набор штампов, которыми пользовались представители самых различных политических направлений. Эти штампы определялись системой ценностей аудитории, они отражали наиболее популярные у слушателей идеи и постулаты. Ведь чтобы убедить присутствовавших, оратор должен был говорить на доступном им языке, ориентироваться на их психологию и восприятие мира, использо-

Рис. 3. Холм Пникс, где проходили заседания народного собрания, с трибуной оратора на нем [The Athenian citizen. Prepared by M. Lang. Princeton, 1960. Pict. 2]

вать укоренившиеся стереотипы, манипулировать общеизвестными фактами. Завоевать мнение большинства — означало уловить настроение демоса, установить с ним контакт и тем самым снискать одобрение аудитории.

Судя по источникам, речи начинались довольно стандартно: сначала подчеркивалась важность темы, далее обличались государственные беспорядки, потом давались советы, что и как нужно сделать, чтобы изменить положение. Исократ отмечает, что «все, кто всходят на эту трибуну, обычно заявляют, что вопрос, по которому они будут выступать, очень важен и заслуживает величайшего внимания нашего города» («О мире». VIII, 1). Всякое предложение следовало подать так, чтобы присутствовавшим казалось, что оно согласно с их мировоззрением и вписывается в привычный для них уклад жизни. В Афинах было весьма желательным сказать о подвигах предков в годы греко-персидских войн, о победах при Марафоне и Саламине, указать на Акрополь с его храмами как на священное место, где хранятся знаки славы минувших времен. Преддожение, которое вносилось для обсуждения, нужно было

подать как средство укрепления демократии. Почти обязательными были сетования на то, что нынешнее поколение утратило доблести предков и нужны героические усилия, чтобы стать достойными их. При обсуждении внешнеполитических вопросов также практически обязательным было упоминание о том, что Афины благородно помогали всем грекам обрести свободу и благополучие (рис. 4).

Согласно правилам, выступающий не должен был позволять выпадов против собрания и своих соперников, его не имели права прерывать и удалять с трибуны, но на практике все эти правила соблюдались от случая к случаю, и если обсуждался наболевший вопрос, то экклесия напоминала клокочущий вулкан. Яркие зарисовки оставил Аристофан. Один из героев его комедии «Ахарняне», уставший от бесконечных войн, твердо решил «без стеснения кричать, стучать, перебивать оратора, когда о мире не станет говорить он» (38-40). Героиня другой комедии, Праксагора, пожив рядом с Пниксом, вдоволь наслушалась ораторов и вынесла твердое убеждение, что не угодившего слушателям оратора обязательно осыпали бранью и оскорблениями. Он старался не оставаться в долгу и отвечал соответственно, обвиняя оппонентов в том, что они взбесились, больны черной желчью. Если выступавшего пытались стащить с трибуны силой, стоявший на ней оратор отругивался

Рис. 4. Модель Акрополя (вид с юго-запада).4. [Boardman J. Greek Art. London, 1996. P. 10

и отталкивал обидчиков (Аристофан. «Женщины в народном собрании». 244-260). Разумеется, комедии свойственны преувеличения, но вот свидетельство самого оратора: Демосфен одну из наиболее важных и серьезных политических речей начинает увещеванием, просьбой выслушать его, не прерывая ни криками, ни пререканиями (Демосфен. V, 3). Обвиненный во взяточничестве, он даже не смог защититься, так как шум, поднятый присутствующими, заглушал его слова.

В народном собрании (как и в суде) предложения и аргументы противника подчас охаивали самым беспощадным образом, не щадя ни его самого, ни его родных и предков. Политики поливали друг друга грязью, говоря не только об общественной деятельности оппонента, но и об его личной жизни, поясняя, что «кто дурен в частной жизни, никогда не будет порядочным в общественных делах» (Эсхин. III, 78). В знаменитом процессе «о венке» Эсхин утверждает, что дед Демосфена по матери — преступник, он сдал врагам принадлежавший Афинам Нимфей на Понте, поэтому Демосфен «со стороны деда по матери должен быть враждебным народу, ведь вы приговорили его к смертной казни», а по матери он — скиф, т. е. варвар, и эллином он может считаться только по языку (Эсхин. II, 171-172).

Не отстает от своего противника и Демосфен, заявляя, что отец Эсхина был рабом и носил колодки и деревянный ошейник, а мать занималась среди бела дня развратными делами (Демосфен. XVIII, 129). Все эти утверждения не соответствуют истине. Легко составить набор взаимных оскорблений, которыми наполнены речи о «венке» Демосфена и Эсхина, среди которых, например, такие, как «лисий ублюдок» и «театральная мартышка».

Ложные утверждения встречаются практически в любой речи, часто звучала также тема подкупленности выступающих. Предложения противника объясняются самыми низменными побуждениями, автор речи — воплощение лучших человеческих черт, а его противник — исчадие ада.

Своего рода рабочим органом народного собрания был Совет пятисот (Буле), значение которого ясно из приведенного выше начала псефисмы. Каждая из 10 фил избирала 50 членов Совета (во избежание подкупа они выбирались по жребию). Совет избирался ежегодно, вторичное избрание гражданина допускалось только через несколько лет и лишь дважды в жизни. Соответственно, год делился на 10 частей — пританий, и дежурная фила в определенном порядке

сменяла другую. Выбранный по жребию председатель постоянно, и днем и ночью, находился в специальном помещении (фоле), равно как и третья часть пританов дежурной филы. У председателя были ключи от храмов, в которых хранились государственная казна и государственная печать.

Основная функция Совета заключалась в подготовке дел для народного собрания, их предварительном обсуждении и вынесении решения — пробулевмы. «И народ ни по какому вопросу не может вынести постановления, если об этом не состоялось предварительного заключения Совета или если этого не поставили на повестку пританы» (Аристотель. Афинская полития. 45, 4) (рис. 5).

В систему защиты демократии и прав гражданина входил суд присяжных (гелиэя). Судьями могли быть граждане не моложе 30 лет, общее число их составляло 6 тысяч. Суд делился на 10 палат — дикастериев по 501 человеку (остальные — запасные). Когла читаешь «Афинскую политию», поражаешься, с какой тщательностью была организована работа гелиэи на всех ее этапах, как она была продумана до мелочей, начиная с распределения дел между дикастериями — по жребию во избежание подкупа. Не менее поражает и та детальность, с которой Аристотель описывает все эти помещения, ящики с буквами, трости разного цвета, желуди, бронзовые кубки, камушки, сосуды, клепсидры и т. д. (Аристотель. Афинская полития. 63-69). Судебный процесс был построен на основе состязательного принципа. Судьи выслушивали истца, ответчика и свидетелей и выносили приговор. Не было ни прокуроров, ни защитников, каждый должен был выступать сам, но в случае необходимости мог заказать речь профессиональному оратору (логографу) и выучить ее. Дело считалось решенным, если за приговор подавало голос более половины членов дикастерия. Наказания включали штраф, конфискацию имущества, лишение гражданских прав, изгнание, смертную казнь (рис. 6).

Каждый гражданин имел право выступить в народном собрании с заявлением о том, что поступившее предложение либо уже принятый закон или псефисма противоречат закону. Действие обжалован-

ного закона прекращалось, и вопрос передавался в гелиэю, которая после тщательного разбирательства выносила решение. В любом случае следовало наказание: или гражданина, необоснованно возбудившего дело, — за сутяжничество, или гражданина, по инициативе которого закон был принят (вплоть до смертной казни).

Еще одной гарантией сохранения демократии служила сложная процедура принятия новых законов. В государственном праве и практике Афин различались законы (номой) и решения экклесии (псефисмы), которые носили каузальный характер. В начале каждого года в экклесии решался вопрос, возникла ли необходимость в пересмотре старых и принятии новых законов. В случае положительного ответа следовала сложная процедура: обсуждение в Совете, экклесии, гелиэе, при этом тексты предлагаемых новых законов выставлялись на агоре для всеобщего ознакомления, написанные на больших досках (следует отметить, что процедура введения новых законов с течением времени претерпела изменения).

Теперь обратимся к администрации — чиновникам, как сказали бы сейчас. Непосредственное управление различными сферами жизни осуществляли должностные лица, которые (за небольшим исключением) избирались экклесией по жребию сроком на один год, работали они

Puc. 5. Аристотель. Римская копия с греческого оригинала IV в. до н. э. [Musiolek P., Schindler W. Klassisches Athen. Leipzig, 1980. S. 75]

Рис. 6. Клепсидра - водяные часы, по которым измеряли время выступления ораторов. Реконструкция [The Athenian citizen. Prepared by M. Lang. Princeton, 1960.

Pict. 26]

коллегиально. Исключение составляли военные должности, прежде всего 10 стратегов — важнейших (наряду с архонтами) магистратов, которые избирались поднятием рук, поскольку исполнение их обязанностей требовало определенных знаний и навыков. Только военные должности разрешалось занимать несколько раз. В обстановке постоянных войн коллегия стратегов сосредоточила в своих руках важнейшие вопросы политики, а не только руководство военными делами. Стратеги — не единственные военные магистраты, им помогали командующие гоплитами — 10 таксиархов и конницей — 2 Гиппарха.

К высшим магистратам относилась также коллегия девяти архонтов — древнейший государственный орган. Впоследствии, с развитием демократии, их значение было в значительной степени ограничено, но звание архонта оставалось всегда высоким и священным. Все вместе, в виде коллегии, архонты выступали редко, обычно же эпоним, царь, полемарх и 6 фесмофетов действовали отдельно. В их компетенцию входили преимущественно судебные и религиозные дела. По имени первого архонта (архонта-эпонима) обозначался год. Второй архонт — басилевс, имел верховный надзор за всеми государственными культами, он обладал также судебной властью в религиозных делах. Третий архонт — полемарх сохранил лишь немногие функции своего прежнего значения верховного полководца. Он охранял семейные и иные права негражданского населения Аттики, главным образом метеков. Остальные 6 архонтов, носивших обшее название фесмофетов, производили пересмотр действующих законов, имели полномочия назначать, какие судебные комиссии по какому делу должны творить суд, к ним поступали жалобы, они назначали к рассмотрению частные иски (о дурном обращении с родителями, сиротами и др.).

С течением времени возросло значение финансовых магистратур, состоявших из нескольких коллегий: 10 полетов, которые заключали арендные контракты, устраивали торги на разработку рудников, продавали с аукциона имущество преступников; 10 аподектов, следивших за поступлениями в казну и выдававших магистратам положенные суммы денег; 10 логистов, осуществлявших контроль за финансовой отчетностью.

Целая сеть коллегиальных магистратур охватывала управление городом Афинами и их торговым портом Пиреем. 10 астиномов следили

за чистотой улиц; специальные чиновники отвечали за соблюдение многочисленных правил рыночной торговли: 10 — за качество товаров, 10 — за правильность мер и весов, 10 — за цены; 10 портовых попечителей наблюдали за торговыми пристанями и должны были заставлять торговцев две трети из привозимого хлеба доставлять в город. Коллегия одиннадцати имела в своем ведении содержащихся в тюрьме узников и подвергала смертной казни воров и охотников за рабами. Были докладчики по всякого рода тяжбам, делам об оскорблении, о рабах, вьючных животных и по многим другим. Аристотель весьма подробно перечисляет многочисленных чиновников, общее количество которых, как полагают, доходило до 700. По истечении срока магистраты отчитывались в экклесии и Совете, их деятельность подвергалась строгой проверке и за злоупотребления властью они несли наказание.

2 Основные проблемы становления и характера афинской демократии

Таково в самых общих чертах государственное устройство Афин. Оно предусматривало широкое участие граждан, включало ряд мер против злоупотреблений, коррупции и защищало демократический строй. Эффективность этой системы обеспечивалась благодаря оплате отправления должностей и участия в работе экклесии. Буле и гелиэи. Оплата вводилась постепенно, первым установил оплату судей Перикл, в начале IV в. до н. э. стали оплачивать дни, проведенные в народном собрании. Вместе с тем несомненно, что далеко не все граждане могли регулярно участвовать в заседаниях народного собрания, особенно крестьяне, жившие вдали от Афин. Кворума не требовалось, и только для немногих особенно важных дел, когда голосовали тайно, для признания законности решения было необходимо присутствие не менее 6 тысяч человек. Вопрос о численности населения Афин и, соответственно, о количестве граждан оживленно обсуждается из-за состояния источников еще с конца XIX в. Наметившаяся в последнее время тенденция уменьшать цифры вызвала возражения ряда ученых (ср. работы Синклера, Хансена, Родса).

Нашему современнику административная система Афин может показаться ужасающей (множество коллегий, члены которых избирались по жребию сроком на один год без права повторного избрания). Но этот недостаток компенсировался отчасти простотой дел. К тому же многие граждане имели опыт работы в других коллегиях в предшествующие годы.

Для того чтобы прямая демократия могла функционировать, а народное собрание исполнять роль высшего органа власти, необходимо было четкое формулирование и неукоснительное проведение в жизнь некоторых основополагающих принципов. Самое основное для греков, что выделяло их из всех остальных жителей ойкумены, — это то, что они (как считали сами) жили в условиях свободы и равенства. В этом отношении греческая концепция в значительной мере совпадает с современными. С точки зрения политологии, демократия определяется двумя основными чертами — свободой и равноправием. Современное понятие свободы обычно сопоставляется с древнегреческим термином «элевтерия», равноправие — с «исономией». Не касаясь здесь всех сложных вопросов, связанных как с современным толкованием понятия своболы, так и с его древнегреческим эквивалентом, отметим только то, что представляется наиболее важным. Термин «элевтерия» имел три значения, отвечающих трем уровням организации общества: 1) в социальном смысле элевтерия противостояла рабству (дулейя), отражая главное противостояние античного общества: свободный — раб; 2) в международно-правовом смысле элевтерия означала свободу данного полиса (безотносительно его политического строя), возможность самостоятельного существования; в этом смысле понятие «элевтерия» могло смыкаться с другим понятием — «автономия»; 3) в конституционной сфере, в аспекте полити-

50

«Вы, говорят, выше всего ставите свободу и равенство» — так определял перс Артабан (по словам Плутарха) статусное отличие грека от варвара-перса, жившего в монархической державе (Плутарх. Фемистокл. 27).

ческой организации полиса.

Формами проявления свободы в условиях демократического государства древности являются два основополагающих принципа: исономия (принцип политического равенства граждан, возможность для всех их использовать свои политические права) и исегория (равенство слова, равное право на свободу речи, выражение своего мнения). Вот как говорит Геродот устами одного из персов в знаменитом споре о формах правления, их преимуществах и недостатках: «Что до народного правления, то оно прежде всего обладает преимушеством перед всеми другими уже в силу своего прекрасного имени — "исономия". Затем народ-правитель не творит ничего из того. что позволяет себе самодержец. Ведь народ управляет, раздавая государственные должности по жребию, и эти должности ответствен-

ны, а все решения зависят от народного собрания. Итак, я предлагаю уничтожить единовластие и сделать народ владыкой, ибо у одного наролоправства все блага и преимущества» (Геролот. III. 80).

Все граждане, независимо от своего имущественного положения, в равной мере и богатые, и бедные обладали одинаковыми политическими правами. Сошлемся еще раз на древних: «Богатству преимуществ здесь не дают, права у бедных те же» — свидетельствует трагик V в. до н. э. Еврипид (Еврипид. Просительницы. 403 слл.). Реализация свободы индивида в обществе осуществлялась через демократическое понятие равноправия. Показательно, что первоначально подобная идея была чужда грекам, ее необходимо отнести к числу бесспорных достижений народовластия, провозгласившего равенство в государстве между людьми, которые по природе не были равны.

Исономия означала равенство в политических правах, равноправие. Сам термин уже прочно ассоциировался с демократическим строем, причем не любым, а с конкретным — афинским. Отголоски эволюции содержания понятия «исономия», следы ее разной трактовки сохранились в трудах Платона и Аристотеля в виде положения о двух видах равенства, которые условно можно назвать элитарным и всеобщим, причем истинен только один из них — равенство среди меньшинства. Идея исономии, провозглашенная сторонниками народовластия, если присмотреться повнимательнее, не исключала конфронтации между гражданами, обладающими одинаковыми политическими правами, и проявлялась она в противопоставлении массы элите.

Поскольку перед нами рабовладельческое общество и политические теории в Греции (Платона, Аристотеля) признавали рабство естественным институтом, понятие «права человека» в современном его толковании к такому обществу неприложимо. Но поскольку существовали правовые нормы, оформленные в виде законов, они должны были быть гарантированы. Полис воспринимался современниками прежде всего как объединение граждан, созданное для обеспечения им благой жизни (Аристотель. Политика. III, V, 10-14,1280 а31-b40). Поэтому наше понятие «права человека» ограничивалось и подменялось понятием «права гражданина». Не говоря уже о рабах, закон недостаточно защищал права свободных неграждан. Что касается граждан демократических полисов, в частности Афин, то они действительно имели целый комплекс прав.

2 Основные проблемы становления и характера афинской демократии

Помимо тех основных прав, о которых говорилось выше, гражданин обладал еще множеством других. В Афинах для граждан существовала свобода предпринимательской деятельности. Участие в мелкой рыночной торговле и работа по найму у частных лиц считались для гражданина зазорными, но люди, располагавшие средствами, могли вкладывать их в морскую торговлю, давать деньги в рост, извлекать доход из разработки Лаврийских серебряных рудников, использовать рабский труд в ремесленных мастерских и своих поместьях.

Этот закон известен в Афинах, вероятно, уже с VI в. до н. э., и твердое соблюдение его было, возможно, одной из причин того, что даже в наиболее критических ситуациях Афины миновали те кровавые события, которые знали другие полисы, когда проводились в жизнь знаменитые лозунги: «передел земли и кассация долгов».

Государство было открытым, в Афины свободно приезжали жители других полисов и негреческих областей Средиземноморья. Сами афиняне могли ехать куда угодно не только по государственным, но и по частным делам. Срок их пребывания за границей никто не ограничивал, никто не требовал от них отчета по возвращении домой. Чужеземцу, пожелавшему поселиться в Афинах на время или навсегда, предоставлялся статус метека (с соответствующими правами и обязанностями).

В этой связи представляется уместным упомянуть о докладе Г. Хермана «Честь, месть и государство в Афинах IV в. до н. э.», прочитанном на симпозиуме в Белладжо. Отмечая стабильность афинского общества, необычную на фоне других полисов, автор видит одну из причин этого в значении, которое идея непротивления насильственными средствами разного рода оскорблениям имела на уровне массового сознания.

Гражданина нельзя было казнить без суда (Лисий. XXII, 2). В частности, одно из обвинений в адрес тирании тридцати — казнь граждан без суда (см., напр.: Лисий. XII, 82-83). Категорически запрещались пытки граждан согласно закону, принятому, по всей видимости, после изгнания Писистратидов (Андокид. I, 43).

Наконец, скажем о праве афинянина преследовать по закону магистрата, который нарушил его права. В течение трех дней после сдачи должностным лицом отчета гражданин мог потребовать нового отчета и не только по государственному, но и по частному делу. «Он пишет на выбеленной дощечке имя свое, имя обвиняемого и проступок, в котором его обвиняет; обозначает также наказание, которое находит для него нужным». Если обвинение признается справедливым, оно передается судьям (Аристотель. Афинская полития. 48, 4-5). Более того, можно было возбудить судебное дело не только против магистрата, но и против самого полиса. О подобном процессе рассказывается в написанной Лисием «Речи в защиту имущества Аристофана, произнесенной в процессе с государственным казначейством».

Неоднозначной оценки заслуживает право любого гражданина возбудить дело по обвинению в антиобщественных и антигосударственных преступлениях. Это право как будто способствовало политической активности граждан, но вместе с тем влекло за собой опасность их чрезмерного рвения. Подобная практика порождала доносчиков-сикофантов, которые, прибегая к шантажу и вымогательству, могли привлечь к суду невиновного.

Гарантией осуществления прав гражданина служил принцип абсолютного главенства закона. Именно этот принцип, по словам Эсхина, отличает демократию от олигархии и тирании: «Каждый должен отчетливо знать, что когда он входит в здание суда, чтобы судить дело о противозаконии, он в этот день будет подавать голос за свою свободу слова. Именно поэтому законодатель в присяге судей первым поставил следующее: "Я буду голосовать в соответствии с законами". Ведь он хорошо знал, что если соблюдаются законы в государстве, то и демократия сохраняется» (Эсхин. III, 6). Еще более

Источники совершенно определенно свидетельствуют о неприкосновенности жилища. Когда Демосфен захватил Антифонта, который обещал македонскому царю Филиппу сжечь афинские верфи, то Эсхин (как рассказывает Демосфен) обвинил Демосфена в том, что тот при демократическом строе творит ужасные дела, входя в чужой дом, не имея на то псефисмы, и таким образом добился освобождения Антифонта (Демосфен. XVIII, 132). Неприкосновенность распространялась и на собственность. Согласно Аристотелю, «архонт сейчас же по вступлении в должность первым

четко эта мысль звучит в другой речи Эсхина: «Вы хорошо... знаете. афиняне, что безопасность граждан демократического государства и его политический строй охраняют законы» (Эсхин. I. 5). «Законы у вас обладают силой, и вы сильны благодаря законам» — так лаконично сформулировал этот принцип Демосфен (Демосфен. ХХІ, 224).

54

Принцип свободы гражданина, естественно, не означал вседозволенности. Границы свободы были достаточно четко очерчены. Греки были убеждены, что личность может наиболее полно реализовать себя, лишь находясь в сообществе, человек признавался прежде всего существом политическим, гражданином. В таком случае неизбежно встает вопрос о том. как соотносились между собой индивил и коллектив. Для Аристотеля не было сомнений, что «даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства. достижение его и сохранение. Желанно, разумеется, и благо одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства» (Аристотель, Никомахова этика, 1094 bb8 - 11). Для Аристотеля не существует учения о благе индивида отдельно от учения о благе государства. Счастье, благо человека достигаются только в государстве. Показательна в этом отношении и клятва эфеба, приведенная в одной из речей оратора Ликурга: «Я всегда буду охотно прислушиваться к решениям правителей и булу повиноваться древним установлениям и другим, которые народ примет единодушно: если кто-нибудь нарушит установления или не полчинится им, я не допушу этого и буду зашищать и один, и вместе со всеми» (Ликург. I, 77).

Вместе с тем в рамках данной системы необходимо было найти modus vivendi двух трудно совместимых положений: подчиненности индивида коллективу и личной свободы. Фукидид показал, каким путем разрешалась эта конфликтная ситуация: разграничивались две сферы — общественная, построенная на строгом полчинении части целому, и частная, в которой афиняне были независимы: «Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов... и повинуемся властям и законам» (Фукидид. II, 37, 30). Как сказал Аристотель, «добродетель гражданина, по-видимому, и заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться» (Аристотель. Политика. III. II. 7. 1277 a27).

Ярким примером реализации в жизни этих положений может служить поведение Сократа, который отрицательно относился

К афинской лемократии, но занял свое место в строю, когла возникала необходимость сражаться за отечество. Осужденный на смерть, он отказался последовать советам друзей и учеников и совершить побег из тюрьмы, чтобы сохранить жизнь, так как считал, что должен безоговорочно повиноваться решениям государства.

Как и в современных концепциях свободы, в Афинах она тоже имела два значения: позитивное, т. е. свобода означала участие граждан в управлении делами полиса, и негативное, т. е. свободу от правительственных и иных ограничений, стесняющих индивидуальную свободу гражданина. Эту двойственность понимания свободы мы находим у Аристотеля, который связывает ее именно с демократической формой правления: «Основным началом демократического строя является свобода, — написано в "Политике". — По общепринятому мнению, только при этом государственном устройстве все пользуются свободой, ибо к ней, как утверждают, стремится всякая демократия. А одно из условий свободы — по очереди быть управляемым и править... Итак, одним из признаков демократического строя по признанию всех сторонников демократии является свобода. Второе начало — жить так, как каждому хочется; эта особенность, говорят, есть именно следствие свободы, тогда как следствие рабства — отсутствие возможности жить, как хочется. Итак, это второй отличительный признак демократического строя» (Аристотель. Политика. VI, I, 6-7, 1317 a40 - b15). Этот второй признак имеет в виду один из участников беседы о демократии в «Государстве» Платона. На вопрос о том, как установление демократии отразится на человеке, «который тоже приобретет демократические черты», он дает такой ответ: «Прежде всего это будут люди свободные: в государстве появится полная свобода... и возможность делать, что хочешь» (Платон. Государство. 557b). Та же мысль — у Фукидида: в Афинах «люди наслаждаются свободой... и каждому дана возможность устроить свою частную жизнь независимо» (Фукидид. VII, 69, 2).

Итак, «жить, как хочется» — один из фундаментальных принципов демократии. В современной терминологии это понятие, очевидно, следует определять как «гражданские свободы». И хотя некоторые политологи связывают рождение концепции гражданских свобод только с капиталистической стадией развития общества, не подлежит сомнению, что многие из них знали уже афинские граждане.

Данная особенность греческой демократии (достаточно органичное соединение коллективизма и индивидуализма) была отмечена Гегелем, который находил привлекательным совмещение личной свободы с общественной жизнью, где индивиды объединены общностью законов. Он видел в этом не примирение противоположностей, а их гармоничное сочетание. В период расцвета Афин личность не ощущала деспотической силы коллектива, а у граждан не была раздроблена коллективная воля (см. Гегель. Философия истории, 1932).

Что касается исегории, то она означала, что в рамках народного собрания любой гражданин мог выступить с любым предложением, критиковать любое должностное лицо, высказывать свое мнение по любому обсуждаемому вопросу. Понятие свободы слова имело множество аспектов, так как принадлежало к различным сферам частной и общественной жизни, однако если говорить о квинтэссенции понятия, то она заключалась в политической свободе слова. У афинян было гарантированное законом право высказывать в ходе политической дискуссии любое мнение и не нести за него наказания, даже если оно противоречило настроению большинства или кому-то угодно было трактовать его как подрыв демократии.

Данный принцип, который можно считать одним из выдающихся достижений античной демократии, был реальным фактором, и что особенно ценно, свидетельства об этом исходят из лагеря не только сторонников, но и противников демократии. В ироническом контексте и с явным гротескным преувеличением авторы, отнюдь не симпатизирующие власти демоса, признают исегорию отличительной чертой демократии. Так, Сократ в платоновском «Горгии», обращаясь к собеседнику, говорит, что не хочет лишать его возможности высказаться в городе, «где принята самая широкая в Греции свобода речи» (Платон. Горгий. 461e). Создатель Псевдоксенофонтовой «Афинской политии» упрекает афинян (кстати, совершенно необоснованно), что их свобода слова дошла до того, что ею наравне с гражданами пользуются метеки и даже рабы (Псевдо-Ксенофонт. Афинская полития. I, 12).

Яркую картину дебатов запечатлел Еврипид в «Оресте», показывая всю пестроту позиций и мнений при обсуждении вопроса, достоин ли казни убийца матери, мстящий за отца. Одни уклончивы,

другие совершенно определенны, доводы третьих возможно растолковать и «за» и «против». Сила одних — в искусно составленных речах, других — в честно высказанном мнении. Столь же разнообразны и предложения: здесь и тщательный анализ обстоятельств, но без вывода; совет заменить смертную казнь изгнанием; требование увенчать венком за славный поступок; решительный призыв к вынесению смертного приговора (Еврипид. Орест. 884 слл.).

Примером острой конфронтации при решении вопросов первостепенной государственной важности служат многочисленные диалоги в «Истории» Фукидида. Весьма показательно, что с их помощью «оформляются» любые внутренние и внешние конфликты как в демократических, так и в олигархических государствах, что свидетельствует о глубоком проникновении в политическое сознание афинянина идеи о том, что нет заранее заданного или определенного единолично мнения, что каждый постулат или акция не только могут, но и должны быть обсуждены с разных позиций. Этот принцип получил наиболее полное освещение в надгробной речи Перикла: «Мы не лумаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки с помощью выступлений с речами "за" и "против"» (Фукидид. II, 40, 2). Сходную мысль Фукидид вкладывает в уста афинянина Диодота: « И всякий, кто возражает против того, что речи — учителя дел. тот либо неразумен, либо преследует личные корыстные цели» (Фукидид. 111,42, 2).

Следует отметить, что отраженная в литературных произведениях, исторических трудах исегория имеет много доказательств существования и на практике. Более того, полисом были приняты определенные меры, чтобы провозглашенные постулаты подкреплялись соответствующими постановлениями. Плата за посещение народных собраний составляла как бы экономическую основу свободы слова, позволяла воспользоваться юридическим правом любому гражданину независимо от его имущественного положения.

Афинские политические деятели-профессионалы оставили свидетельства о том, что их долг как граждан — использовать дар слова на благо людям и полису, приносить им пользу. Теоретически целью словесных конфронтаций было выявление истины, правильным считалось такое положение, когда слова помогали делам, аномалией —

когда дела не получали предварительной апробации в речах или когда речи заменяли действия. Какой из элементов и когда должен превалировать — решала конкретная ситуация. Перикл в свое время инкриминировал спартанцам как традиционным антиподам афинян, что те не имеют обыкновения улаживать конфликты мирными средствами, предпочитая решать спор действием, силой оружия, а не речами, путем переговоров. Алкивиад же, призывая к походу в Сицилию, напомнил, что государство должно защищать себя скорее делами, чем словами (Фукидид. I, 140, 3; VI, 18, 6).

В IV в. до н. э. из-за обострения военной ситуации, особенно вследствие роста угрозы со стороны Македонии, соотношение слова и дела приобрело особый смысл. Демосфен, озабоченный организацией антимакедонской коалиции, постоянно возвращался к этой теме. Практика свободного состязания мнений по любому вопросу (к тому же, в отличие от выступлений в судах, политические речи не ограничивались во времени), постоянно развиваясь и совершенствуясь, доходила порой до абсурда. Обсуждение экстренных мер могло затягиваться до бесконечности, а когда решение принималось, нередко бывало уже поздно. Впечатляющим примером служит история с Олинфом. Когда вопрос об оказании ему помощи в борьбе с Филиппом был всесторонне обсужден и тщательно взвешен, помощь уже не потребовалась, так как македонский царь захватил город и разрушил его.

Таким образом, принцип соревнования, агонистики, пронизывающий все стороны жизни греков, выступал в политической сфере как свободное состязание мнений, оформлялся в виде права каждого гражданина на свою собственную точку зрения, права выбора из представленных предложений того, которое казалось ему наиболее убедительным.

Взглянем и на тех, кто выступал в роли высшего судьи, как мы бы сказали сегодня, творцов альтернативных политических программ, так как успешное управление государством зависит не только от профессионализма советников, но и от уровня политического сознания народа, к которому они апеллируют и чьи умонастроения довольно чутко улавливают.

Источники показывают, что у ораторов были серьезные претензии к народному собранию, они упрекали сограждан в том, что, соблазняясь выгодами сегодняшнего дня, афиняне не хотят заглядывать в будущее, отсюда — тяготение к речам, тешащим их самолюбие,

обещающим процветание и богатство, которые могут возникнуть как по мановению волшебной палочки, стоит лишь проголосовать за предложение того или иного оратора. Исократ саркастически комментировал: его компатриоты ведут себя так, словно услышали суждение не обыкновенных людей, а самих богов. К недостаткам демоса он относил легковесность и переменчивость суждений: мы «действуем так безрассудно, что по-разному решаем одни и те же вопросы в один и тот же день. То, что мы осуждаем до того, как приходим в народное собрание, за это мы голосуем, когда собираемся там, а немного времени спустя, когда уходим оттуда, снова порицаем принятые решения» (Исократ. VIII, 7, 52).

В судах обвиняемые часто стремятся сказать, что они тратили свои силы и средства на нужды полиса и сограждан в гораздо большей мере, чем это требовалось по закону, и поэтому если даже они виноваты, то заслуживают снисхождения. Подобные аргументы, ориентированные на то, чтобы показать, что обвиняемый старался помочь родному полису, насколько мы знаем, оказывали воздействие на судей. Твердое следование закону не всегда присутствовало в суде и аргументы ad hominem могли оказаться сильнее, что в конечном счете ослабляло юридическую систему демократии, ибо оказывать «благодеяния» полису богатые могли, естественно, больше, чем бедные.

Существовавшая в Афинах система имела как плюсы, так и минусы. В частности, едва ли следует безоговорочно считать благом принятие решений на своего рода массовых митингах. где атмосфера имела налет театральности. Актеров в театре и господствовавших в экклесии ораторов сближали профессиональные навыки, умение воздействовать на аудиторию, полчинять ее своему влиянию. Не случайно некоторые выступавшие перед народом ораторы брали уроки мастерства у актеров, как, например, Демосфен. Не следует упускать из виду, что достаточно сильной была эмоциональная связь оратора с аудиторией, выступающие апеллировали к господствующей системе ценностей, взывали не только к разуму, но и к чувствам слушателей. Однако риторика таила в себе опасность для народовластия. Вель всегла существовала возможность необъективности оратора и присутствовавших. Последние, под впечатлением от красноречивости оратора, могли принять вопреки здравому смыслу не самые разумные предложения.

Аристократия в демократическом полисе

Демократия как государственная система вышла на историческую арену довольно поздно. Предшествовавшие периоды определялись практически полным господством аристократии. Даже в период тирании Писистрата ведущей силой в полисе оставался именно этот социальный слой: в конце концов сам Писистрат был выходцем из аристократов, да и его противники также рекрутировались в этом слое. Соответственно, первые руководители народа в процессе становления демократического режима также вышли из аристократии. Граждане, интересы которых они защищали, не принадлежали к слою, обладающему разработанной и четко выраженной системой политических, правовых и этических ценностей. Все известные нам понятия в этих сферах, как позитивные, так и негативные, были выработаны аристократией: арете (доблесть), демос, охлос и др. Проникновение аристократических понятий в демократическую идеологию наблюдается на примере даже исономии и исегории — важнейших принципов, краеугольных камней народовластия. которые первоначально характеризовали отношения только внутри аристократических кругов.

Проблема становления и функционирования демократической идеологии чрезвычайно сложна, и одной из причин этого является малое количество источников, которые могут быть использованы для ее исследования. Обращаясь к проблеме демократической идеологии, нельзя не назвать книгу С. Фаррар, которая возводит ее к идеям Протагора, Фукидида и Демокрита, рассматривая их в контексте современной названным мыслителям политической и интеллектуальной обстановки (Farrar, 1988). Впрочем, отнюдь не у всех антиковедов ее книга получила одобрение, в частности несогласие с С. Фаррар высказал Д. Обер в сборнике своих статей «Афинская революция: очерки о древнегреческой демократии и политической теории».

Тем не менее существуют убедительные доказательства того, что первым теоретиком демократии в мировой истории следует считать Протагора. Ему принадлежат мысли о существовании не только определенных законов в развитии общества, но и о значении вклада каждого индивида в формирование этих законов, об активной, а не пассивной роли личности в рамках государства, о возможности

наиболее полного самовыражения человека через общественную деятельность. Эта мысль четко высказана в так называемой «надгробной речи» Перикла — своего рода гимне афинской демократии: «Только мы одни считаем не свободными от занятий и трудов, но бесполезными того, кто вовсе не участвует в государственной деятельности» (Фукидид. II, 40, 2).

При реконструкции теории народовластия ученые сталкиваются с серьезными затруднениями, так как известны лишь ее отдельные элементы, но систематического изложения нет. К тому же немногие сохранившиеся высказывания принадлежат не признанным мыслителям, авторам продуманных концепций, а скорее политикам-практикам, ориентированным на конкретные ситуации, на прецеденты, связанные с функционированием полисных институтов, проведением тех или иных акций. Более или менее подробное описание афинского строя выходило из-под пера не сторонников демократии, а людей, в лучшем случае относящихся к ней скептически, а то и враждебно.

Благодаря их высказываниям мы располагаем информацией о том, что раздражало некоторые слои общества в демократическом режиме и делало его для них неприемлемым. Так. Платон категорически отвергал характерное для народовластия понятие свободы. он порицал «своеобразное равенство», уравновещивающее равных и неравных, т. е. равенство в политических правах людей, в других отношениях совершенно не равных. Его приводили в негодование отсутствие должного управления, вытекающее из принципа занятия магистратур по жребию, несоблюдение законов, подменяемых постановлениями (Платон. Государство. 557 слл.). Автор анонимного трактата о государственном устройстве Афин, придерживаясь сходного мнения, прямо связывал власть народа с корыстолюбием — стремлением занимать те должности, которые «приносят в дом жалованье и доход». К отличительным чертам демократии он относил «величайшую необразованность, недисциплинированность и низость» (Псевдо-Ксенофонт. Афинская полития. I, 3-5).

Греческие демократы не обошли вниманием враждебные им концепции. Поскольку собственной демократической идеологии в это время, как мы указывали, еще не существовало, демократические деятели постарались приспособить некоторые из аристократических концепций для своих нужд. Особенно активно включение

таких принципов в демократическую систему шло на раннем этапе ее развития. Демос заимствовал у аристократов, в частности, такой основной элемент народовластия, как понятие равенства. В среде «лучших» существовала социально-политико-этическая парадигма, объединявшая их в единое целое. Например, при ярко выраженной индивидуальности гомеровских героев они имели одинаковый набор добродетелей, который уравнивал их между собой. Это «равенство» в процессе демократизации афинского политического строя было расширено и распространено на более широкие круги гражданства. Конфликтные ситуации, связанные с процессом становления полиса, способствовали уменьшению этического значения понятия равенства и возрастанию политического. Качественный скачок в трактовке этого понятия произошел тогда, когда набравшая силу демократия воспользовалась лозунгами враждебного ей слоя, окончательно приспособив их к своим целям.

Демократия сумела поставить себе на службу не только аристократические принципы, но и самих аристократов. Представители слоя, в основе своей враждебного демократии, находились у истоков народовластия, создавали его конституцию, устраивали и защищали ту систему, которая стала для античности наиболее ярким и типичным образцом демократической республики. Метаморфозы поведения аристократии зависели от тенденций развития демократии, модификации ее структуры. Усилившееся влияние демоса сначала заставило знатные роды считаться с ним, в своих междоусобицах использовать в качестве союзника. Выход демоса на арену политической борьбы, приобретенный им опыт способствовали переориентации в развитии афинского государства, достаточно выгодного и представителям аристократии, отдавшим свои знания и энергию для укрепления новых общественных отношений.

Уже на самых ранних этапах становления государственного строя в Афинах существовало понятие простата (предводителя), имевшего определенную программу политики и опиравшегося для ее осуществления на народ. На протяжении афинской истории роль и функции предводителей существенно менялись. Показательно, что вначале простаты народа (той части населения, которая не принадлежала к высшей прослойке) консолидировались с ним скорее в силу сложившейся ситуации, политической необходимости, нежели каких-либо иных побуждений. Возвеличенный демократами последующего вре-

мени, Солон в своих элегиях сообщает, что сумел удержать в нужных границах демос, в среде которого процветают зло и междоусобицы. Тиран Писистрат, слывший рьяным приверженцем демократии, когда получил власть, принял все меры к ограничению власти народа, переключению его активности в частную сферу. С этой целью он охотно снижал налоги, выдавал ссуды для сельскохозяйственных работ, упорядочил судопроизводство — и все это делал для того, чтобы граждане не концентрировались в городе и, «пользуясь средним достатком и занятые своими личными делами, они не имели ни желания, ни досуга заниматься общественными» (Аристотель. Афинская полития. 16, 1-6). Почитаемый наравне с Солоном как основатель афинской демократии, Клисфен обратился за содействием к народу лишь тогда, когда почувствовал, что побеждают его противники из соперничающих родов.

Таким образом, выходцы из среды «лучших», такие как Солон и Клисфен, выступали инициаторами реформ, которые в конце концов и создали демократию в Афинах. С блеском и мощью афинской державы навсегда связано имя Перикла — отпрыска знатного рода. Благородное происхождение имели Мильтиад и Фемистокл — прославленные полководцы греко-персидских войн, победители сражений, решивших судьбу Греции, спасших ее свободу и независимость. Весьма знаменательно, что Аристотель, как бы подводя итоги истории Афин, видит в ней череду сменяющих друг друга простатов, начиная с Солона и кончая Клеоном (Аристотель. Афинская полития. 28, 2).

Необходимо учитывать то обстоятельство, что происходившие из аристократии политические лидеры пытались служение демократии сделать ступенью к собственному возвышению. Эта несоединимость объективных условий и личных побуждений неизбежно приводила к конфликту между государством и политиком, что в классический период, когда гражданская община была уже достаточно едина и сильна, почти всегда завершалось падением личности. (Проблема политических лидеров афинской демократии исследована в отечественном антиковедении Э. Д. Фроловым в кн. «Парадоксы истории». С. 164-181.) Уже в древности, особенно в литературе антидемократического направления, распространилось представление об особой нетерпимости афинского демоса к прославленным мужам. В качестве примера сошлемся на Плутарха, который, объясняя остракизм

Лекиии

Для V в. до н. э. характерна тесная и органичная связь между лидером и массой. Наиболее ярким примером может служить, естественно, Перикл, который не только пользовался небывалой популярностью у демоса, но совершенно сознательно проводил реформы, укрепляющие народовластие, создающие для политической активности демоса прочный экономический, социальный и политический фундамент. Аристотель отмечает, что благодаря Периклу «простой народ почувствовал свою мощь» (Аристотель. Афинская полития. 27, 1). В похвалу Периклу ставилось умение не идти на поводу у народного собрания, а управлять им во благо демоса и полиса, убеждать и настаивать на своем, используя высокий личный авторитет и безупречную репутацию (Плутарх. Перикл. XV).

Пик политической активности аристократии в Афинах приходится на VI-V вв. до н. э. В это время некоторые выходцы из аристократии, ставшие на позиции демократии, достигали беспрецедентного влияния на дела родного полиса. Оценивая сложившуюся при Перикле форму правления, Фукидид заметил: «По имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину» (Фукидид. II, 65, 9). В источниках Перикл восхваляется за мудрую политику золотой середины, совпадавшую с умонастроениями значительной части афинского общества. В государстве, экономически процветающем, обладающем огромным политическим авторитетом, все граждане имели равные права, но во главе стояла группа людей, профессионально подготовленных к занятиям такого рода, в результате чего проводимые ими акции носили продуманный и целенаправленный характер.

За Периклом следовала галерея государственных деятелей, утративших, по мнению античных авторов, эти драгоценные качества. Их тесная связь с волей народа не вызывала сомнений, но осуждался характер отношений. Политиков все чаще обвиняли в том, что они всячески угождают толпе, потворствуя ее низменным страстям, стремясь во что бы то ни стало добиться благосклонности народного собрания. Именно тогда начал формироваться стереотип плохого оратора, ассоцирующийся с беспринципным лидером, потакающим невежественному народу, корыстолюбивому, озабоченному не бла-

сом полиса, а извлечением из общественной деятельности прежде всего выгоды для себя. У Фукидида воплощением такого лидера стал Клеон, «наглейший из граждан», но пользовавшийся «величайшим доверием народа» (Фукидид. III, 36, 6).

В IV в. до н. э. основная часть традиционной аристократии отходит от непосредственной практической деятельности для того, чтобы влиять на политику уже в роли наставников, разрабатывавших планы наилучшего образа правления, все дальше отстоявшего от демократического.

Афинская демократия словно перенесла со сцены в жизнь один из основных законов греческой трагедии: расцвет неизбежно несет в себе семена гибели, и победа оборачивается поражением. Апогей народовластия был одновременно и временем его раскола на умеренное и радикальное течения. Признанным лидером первого был Перикл. второе возглавил Клеон — личность и государственный деятель совершенно иного характера. Сын кожевника, он был первым представителем той общественной группы, которая получила название демагогов. Первоначально это слово не имело одиозного значения и означало буквально «вождь народа», однако постепенно оно стало ассоциироваться с предводителями прежде всего охлоса (толпы). Аристотель характеризует демагогов как людей, «которые более всего хотели показать свою кичливость и угождать вкусам толпы, имея в виду только выгоды данного момента» (Аристотель. Афинская полития. 28. 4). Политические деятели, выражавшие интересы беднейших слоев, требовали увеличить выплаты пособий, расширить участие охлоса в управлении полисом, проводить более активную политику экспансии и более жесткую — по отношению к союзникам.

Что касается охлоса, то само это понятие со временем приобретает однозначно негативный смысл и, получив антидемократическое содержание, используется в антидемократической пропаганде. Весьма красноречивое свидетельство представляет полемика Демосфена и Эсхина: оба оратора обвиняют друг друга в том, что политический оппонент воспринимает афинских граждан как охлос.

Очевидно, именно этот период и стал переломным в истории сотрудничества народа и знати. Расколотая ранее на две части аристократия, представители которой и упорно боролись с демосом, и поддерживали его, становится политически более гомогенной, постепенно отходя от власти. Не случайно после смерти Перикла

Лекиии

в Афинах произошло два олигархических переворота, да и в дальнейшем демократия не была уже столь монолитной и могущественной: она подвергалась критике не только из лагеря противников, но и из своих рядов.

Сейчас вряд ли у кого-нибудь вызовет возражение утверждение об изменении характера афинской демократии с середины V в. до н.э., связанном с появлением «новых политиков» — лидеров неаристократического происхождения. Феномен «новых политиков», выявленный У. Р. Коннором для времени Пелопоннесской войны, окончательное оформление получает в IV в. до н. э. Здесь следует сослаться на К. Моссе, которой просопографический анализ позволил выявить «политический класс» (от политический анализ позволил, игравших определенную роль в политической жизни в качестве ораторов, стратегов, финансовых магистратов, т. е. всех тех, кого можно причислить к элите.

Итак, наличие у демоса предводителей и их роль в политической жизни полиса показали невозможность реализации положения о том, что каждый гражданин может и должен управлять государством. Выходцы из древних родов, первые вожди народа, сформировали уважение к благородству происхождения и тем качествам, которые входили в аристократический этос. Формально равные остальным гражданам, они тем не менее оказывали на политику полиса гораздо большее влияние, чем массы рядовых граждан. Тем самым к аристократии вполне приложима знаменитая фраза Дж. Оруэлла о том, что среди равных есть такие, которые «равны больше других».

Благородство происхождения и соответствующие ему нормы поведения имели существенное значение, нередко определяя позитивное отношение массы к лидеру. Нельзя игнорировать стремление ораторов подчеркнуть свою причастность к аристократам и их добродетелям. Лишь позднее лидеры нового типа, выходцы из среднего слоя, сломали этот стереотип, да и то, пожалуй, не до конца.

Афинская демократия представляет выдающееся явление в истории человечества. Сознательная ориентированность на привлечение к политике всех граждан, полная подотчетность всех органов управления народному собранию, суверенитет экклесии, приоритет законов — основные черты этой системы. Даже противник демократии, так называемый «Старый олигарх» — анонимный автор Псевдоксенофонтовой «Афинской политии», написанной во второй половине

V в. до н. э., по его собственным словам, не одобряя государственного устройства афинян, должен был признать, что «они удачно сохраняют демократию» (Псевдо-Ксенофонт. III, 1).

Сказанное не исключает признания за афинской демократией целого ряда черт, которые, (что естественно для раннеклассового общества) могут свидетельствовать об известной неразвитости фундаментальных социальных принципов, о сословно-классовой и государственной ограниченности античной демократии, об исторической ущербности и неполноценности этой столь привлекательной формы. К числу таких черт в Афинах можно отнести, в частности, ряд весьма показательных коллизий: демократической гражданской массы с ее аристократическими лидерами, прокламирования и осуществления принципов свободы для собственных граждан с утверждением и обоснованием рабства для чужеземцев (варваров) и проведением откровенно империалистической политики в отношении как варварской периферии, так и родственных эллинских городов (Фролов. 2004. С. 156).

При всем демократизме афинской политической системы нет никаких оснований говорить о реальных возможностях для каждого гражданина оказывать активное влияние на принятие решений, связанных с государственной политикой. Масса юридически однородных субъектов, управляющих Афинами, распадалась на две неравные по численности группы. Представители одной из них имели сложившуюся репутацию, технику красноречия, позволяющие действительно состязаться во мнении. Они обычно проходили специальное обучение ораторскому искусству, а некоторые даже шлифовали свое мастерство у актеров. Представители другой (их полавляющее большинство), в сущности, слушают и поллерживают импонирующие им выступления, отвергая те, которые не приходятся им по нраву; недаром в источниках оратор противопоставляется массе. А это означает, что законы функционирования политической свободы слова следует искать в среде профессиональных политиков, а не всего полисного коллектива. Провозглашенный демократией принцип участия каждого гражданина в политической жизни и в управлении государством на практике выглядел несколько по-иному. Политику полиса, хотел этого демос или нет, все же определяли профессионалы, деятельность которых корректировалась народным собранием (иногда удачно, но отнюдь не всегда).

Имеет смысл теперь посмотреть, как решалась в Афинах проблема, неизбежно встающая при любом государственном строе и в любую эпоху: соотношение части и целого, локальных интересов и нужд общегосударственного масштаба, индивида и общества. Выдвинута гипотеза, что на теоретическом уровне она была разработана Демокритом, у которого необходимость упорядоченности гражданского сообщества выступает одновременно и социальной, и космической реальностью, так как человек — часть природы. Следовательно, принцип государственного образования и основы поведения каждого его члена подчинены универсальному закону, единому для всего мира и называемому атомизмом. Нормы, выведенные Демокритом для существования, движения и соединения частиц, проецируются на жизнь людей. Так как движение идет от общего к частному, от космогонии к политике, то порядок в государстве, его организация — это данность, изначально присущая как вселенной, так и человеческому сообществу.

Вся внутриполисная политическая жизнь в период расцвета демократии выглядит в конечном счете как цепь компромиссов и соглашений, выработанных для взаимодействия аристократии с демосом, жителей сельских округов с их специфическими интересами — с населением Афин и Пирея. Несмотря на явное подшучивание над сельским населением, его привычками и нравами в комедиях Аристофана, на отдельные случаи несовпадения интересов, городской центр и сельская округа находились в состоянии партнерства, а не конфронтации. Компромисс был найден прежде всего на почве религии — важнейшего элемента идеологии общества. Сельские религиозные праздники объединяли жителей определенных местностей, вместе с тем предполагалось их непременное участие в общеполисных церемониях типа Панафиней, Великих Дионисий, Элевсинских мистерий, носивших ярко выраженный религиозно-политический характер.

В литературе отмечалось, что концепция государства включает три элемента: территорию, народ и правительство. Но если в современном государстве прослеживается тенденция к отождествлению государства с правительством, то в античном полисе, особенно в демократических Афинах, правительство отождествлялось с гражданами прежде всего через народное собрание, т. е. в современном государстве правительство стоит над народом, тогда как в античном — граждане над правительством.

Античность не только оставила современному миру принципы демократии, но и показала, как они могут быть реализованы, насколько близко практика может приближаться к теории или удаляться от нее, какие коллизии следует считать изначально заложенными в народовластии и какие условия создают те или иные его модели.

Греческое народовластие, со всеми его взлетами и падениями, прозрениями и заблуждениями, гуманностью и жестокостью, свободой для одних и рабством для других, навсегда вошло в золотой фонд достижений европейской цивилизации. И сегодня в речи Перикла — этом гимне афинской демократии — мы находим поистине пророческие слова: «Мы будем предметом удивления для современников и для потомков» (Фукидид. II, 41, 4).

3. Новые лидеры афинской демократии в IV в. до н. э. Ликург

Обращаясь к политической борьбе в Афинах в IV в. до н. э., мы в известной мере увидим, к чему пришла демократия в ее наиболее радикальной форме за время своего существования — от возникновения до конца мира независимых полисов. Конкретно же речь пойдет преимущественно о небольшом хронологическом отрезке с 338 до 323 г. до н. э.

История Афин от битвы при Херонее до начала Ламийской войны не очень богата внешними событиями. Вынужденные вступить в Коринфский союз и признать македонскую гегемонию, Афины тяготились этой зависимостью. Известие о смерти Филиппа вызвало у афинян бурный взрыв радости и надежду на свободу. Однако отрезвление пришло очень быстро: в Элладе со своей армией появился Александр, и Афинам, подобно другим полисам, пришлось признать его гегемоном Коринфского союза. Поход Александра на север и слухи об его смерти позволили противникам Македонии вновь воспрянуть, но стремительное возвращение царя и его расправа с Фивами резко изменили настроение. Афины подобострастно поздравляли победителя, который потребовал выдачи наиболее активных врагов Македонии. С большим трудом афинским послам удалось отстоять своих сограждан: готовясь к походу на Восток, Александр не был

Рис. 7. Памятник на месте битвы при Херонее в 338 г. до н. э. Современный вид [Greece in colour. Editions K. Gouvoussis. P. 65]

заинтересован в обострении отношений с греками, которые и так были достаточно напуганы (рис. 7).

С этого времени начинается новый этап в жизни Афин, период относительного спокойствия. Полис посылает македонскому царю триеры, шлет посольства. Даже во время выступления спартанского царя Агиса, в месяцы наивысших успехов восставших, когда, казалось, наступил наконец благоприятный момент для того, чтобы взяться за оружие, Афины сохраняли спокойствие, хотя в экклесии шли жаркие споры и некоторые ораторы призывали поддержать Спарту.

В литературе справедливо отмечались характерные для этого периода активность и многогранность политической деятельности. Известно о реформах, общественном строительстве и мерах по укреплению экономики и

финансового состояния Афин. Поражение под Херонеей, вместо того чтобы парализовать силы полиса, стимулировало их. Разгром, учиненный Филиппом, глубоко задел национальные чувства, но не сковал их. Политическая жизнь сосредоточилась на внутренних делах: шли жаркие споры в народном собрании, велись судебные процессы, из которых наибольший след в источниках оставили дело Ктесифонта, или процесс «о венке», и дело Гарпала. Прошел и ряд других процессов, в которых политики сводили счеты друг с другом (рис. 8).

Положение резко меняется к 324 г. Требование Александра признать его богом и особенно декрет о возвращении изгнанников всколыхнули всю Элладу. Пришедшее вскоре сообщение о смерти царя стало той искрой, которая вызвала пожар. Греция восстала, и руководящую роль теперь взяли на себя Афины. Ламийская война стала началом бурных военно-политических потрясений (рис. 9).

Итак, от Херонеи до Ламийской войны — 15 лет мира, мира

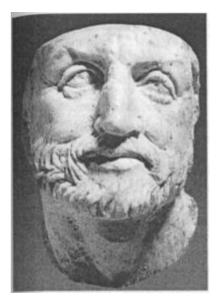

Рис. 8. Филипп II, царь Македонии. Миниатюрная голова из слоновой кости. Из раскопок царской гробницы в Вергине [Philip of Macedon. Ed. by Miltiades B. Hatzopoulos, Louisa D. Loukopoulos. Athens, 1980.Pict. 119]

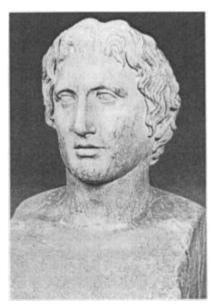

Рис. 9. Портрет Александра Македонского. Копия с греческого оригинала работы Лисиппа [Philip of Macedon. Ed. by Miltiades B. Hatzopoulos, Louisa D. Loukopoulos. Athens, 1980. Pict. 95]

будто устранились от них, следствием чего стал своеобразный изоляционизм. Александр был далеко, он затерялся где-то в азиатских просторах, его наместник Антипатр не вмешивался в дела греков. Вместе с тем в полисе шла своя напряженная жизнь — политическая борьба, характер которой, пусть и не всегда достаточно полно, позволяют представить источники.

Политическое соперничество, проявлявшееся прежде всего в словесной конфронтации на заседаниях экклесии и в суде, не велось в одиночку, хотя все лидеры были яркими личностями с незаурядным характером. Самими ораторами было создано и довольно успешно работало представление о борьбе между индивидуумами, каждый в годы событий, изменивших судьбу многих народов. Афины как о состязании между ними. На самом деле тон в народном собрании, особенно при обсуждении вопросов, связанных с внешней политикой, задавали группировки.

Анализ социальной стратификации афинского общества и присущей ему системы ценностей позволяет считать, что лидерство можно рассматривать как сочетание личного честолюбия и некоторых обязательств перед той социально-экономической группой, с которой был связан тот или иной государственный деятель. Данное обстоятельство существенно для понимания состава и назначения «группы поддержки» лидера. Ранее чаще всего в нее объединялись представители сообществ, называемых гетериями, по принципу принадлежности к какому-нибудь роду, совместному обучению, одной компании (о чем уже говорилось ранее). В IV в. до н. э. гетерии сменились ассоциациями, которые перестали быть организациями людей одного поколения. В ближайшее окружение лидера помимо друзей, связанных с ним общностью происхождения и воспитания, входили и люди, ориентированные на определенные материальные выголы. В их обязанности входили, в частности. защита патрона во всевозможных процессах, поддержка его предложений и т. п. Следует оговориться, что эти группировки были очень далеки от тех, с которыми приходится сталкиваться в современности, прежде всего — отсутствием внутренней организации и дисциплины. Эти своего рода «блоки» и определяли атмосферу народных собраний. Как представляется, совершенно неверна бытующая в научной литературе концепция борьбы двух партий: антимакедонской (ее называют еще патриотической, национальной, партией сопротивления) и промакедонской (или партии мира). Прежде всего возражение вызывает сам тезис о существовании в Греции «партий». Но главное даже не в этом: в конечном счете вопрос о партиях — это вопрос о терминах, за которыми нередко нет определенного содержания. Главное заключается в том. что картина, которая вырисовывается при изучении источников, позволяет говорить о более сложном спектре и пересечении политических сил. Борьба отнюдь не сводилась к вопросу об отношении к Македонии. Леление борюшихся сил на промакедонские и антимакедонские (в самой обшей форме), очевидно, и правильное с точки зрения отношения к Македонии (т. е. только в одном аспекте), обедняет реальную картину. Действительность была гораздо сложнее. Эту сложность и неоднозначность политических сил и их борьбы я попытаюсь показать на примере наиболее значительных группировок.

Политические деятели, о которых пойдет речь, все были ораторами — знаменитыми, как Демосфен, или известными только специалистам, как Ликург и Гиперид. Народные собрания или суды представляли основные арены политической борьбы, и чтобы быть политиком, то есть оказывать влияние на демос, требовалось его убедить. Как уже отмечалось, оратор должен был уметь донести до аудитории свои мысли, заставить слушать себя и убедить в своей правоте, а для этого надо было обладать определенными знаниями, ораторским искусством. Особенной славой пользовалась школа красноречия Исократа — крупнейший и наиболее известный риторический центр Эллады, из которого вышли прославленные ораторы (в том числе Ликург и Гиперид, о которых речь впереди), политические деятели и полководцы. Курс обучения длился 3-4 года и из-за высокой платы был доступен лишь состоятельным людям.

О лидерах предшествующего времени речь шла ранее. Еще в V в. до н. э. господствующая демократия имела лидеров, происходивших из аристократии, она не могла достичь полной зрелости иначе как под их руководством. Исчерпание кадров этих лидеров, по-видимому, не случайно совпадает с началом упадка демократии, которая постепенно все более тяготеет к охлократии. После восстановления демократии в самом конце V в. до н. э. заметен рост антиаристократических чувств, и честолюбивому юноше уже вовсе не обязательно было иметь хорошее происхождение. Вместе с тем и в V, и в IV в. до н. э. те политики, о ком есть информация, обычно обладали определенным состоянием.

Считают, что сочетание «ораторы и стратеги» наиболее адекватно современному понятию «политик», «политический лидер». В V в. до н. э. два различных рода деятельности — оратора и стратега — выполняли одни и те же лица. Фемистокл, Аристид, Кимон, Перикл, Клеон, Никий, Алкивиад — каждого из них по крайней мере единожды выбирали стратегом и все они выступали в экклесии. Но в IV в. до н. э. происходят значительные изменения. В связи с возрастанием значения собственно экономического фактора в жизни полиса и, соответственно, финансов увеличивается роль финансовых магистратур, создается несколько новых должностей. Евбул, Демосфен, Ликург, Демад, действовавшие в те годы, исполняли финансовые магистратуры. Появляются специалисты в финансовых

делах: Каллистрат из Афидны, который реорганизовал эйсфору, Эвбул, которому принадлежит заслуга возрождения активности в Лаврионе и развитие теорикона, Ликург, который после Херонеи восстановил финансы города. Появляются и профессиональные стратеги: Тимофей, Ификрат, Хабрий, Харес, Леосфен. Не случайно тема специализации стала одной из основных в мыслях Платона. Отмечается также, что в этом столетии большее значение, чем прежде, приобретают предпринимательская деятельность, ростовщичество, стремление к обогащению.

И второе новое явление, еще более, быть может, важное: в связи с общей профессионализацией (что особенно ярко проявилось в развитии наемничества) происходит своего рода разделение труда между ораторами и стратегами: политика переходит к ораторам, тогда как стратеги обычно держались подальше от бемы, т. е. трибуны, с которой обращались к народу. Сошлемся на К. Моссе, которая, подвергнув детальному просопографическому анализу «политический класс» в Афинах IV в. до н. э. — ораторов, стратегов, финансовых магистратов, пришла к выводу, что это представители богатых, но не включенных ранее в политическую жизнь семей.

Конечно, отмеченное разделение не следует абсолютизировать, преувеличивая разрыв и противопоставляя ораторов как по преимуществу политиков — стратегам как полководцам. Почти не прекращающиеся в IV в. до н. э. войны и развитие наемничества, повлекшие увеличение значения полководцев, способствовали тому, что политическими лидерами могли стать и те и другие. Более того, сама формула «ораторы и стратеги», возможно, возникла как замена другого выражения — «простат народа», используемого (как уже отмечалось) для обозначения лидера в V в. до н. э. Возможно установление корреляции между эволюцией демократии и уровнем профессионализма ее лидеров. Первоначальное понятие простата, как человека, объединяющего в себе все функции вождя демоса, со временем расщепляется. «Инициативные группы» в IV в. до н. э. обозначаются уже как ораторы и стратеги.

Тем самым происходит расширение и усложнение цельного ранее образа, но процесс этот шел постепенно. С течением времени, по мере усложнения политической жизни, которая требовала специальных знаний, выделение политических лидеров как группы людей, определенной категории граждан получает оформ-

ление и на уровне языка: в речах ораторов появляется понятие політє и в отличие от ібіюта — рядовых граждан, которые в экклесии составляли основную массу. Эти термины, как совершенно ясно, отражают деление народа на две неравные части. Как показала К. Моссе, после Херонеи в речах Демосфена, как и Гиперида, появляется четкое различие между «политическими людьми» и массой граждан, определяемых как «идиотай». Само существование «политического класса» — явление не новое, новое — осознание данного феномена на уровне языка.

В речи Лемосфена «О распределении средств» есть весьма важное в данном аспекте утверждение: «И если прежде вы делали взносы по симмориям, то теперь ведете общественные дела (πολιτεύεσθε) посиммориям. Оратор является предводителем (ήγεμών), и полководен у него в подчинении, и еще триста человек, готовых кричать ему в лад: вы же, все остальные, распределены кто к одним, кто к другим. В итоге всего этого получается у вас. что такому-то воздвигнута бронзовая статуя, такой-то разбогател — один или двое: они стоят выше всего государства, а вы, все остальные, силите как свидетели благополучия этих людей и ради своей повседневной беспечности уступаете им многообразные и многочисленные богатства, имеюшиеся v вас» (Лемосфен. XIII, 20). Не вправе ли мы видеть здесь картину борьбы политических сил в Афинах? Нет оснований сомневаться в справедливости суждения оратора при всей очевидной преувеличенности его утверждения. Нужна лишь одна поправка: Демосфен говорит о чужих политических симмориях, но и сам он стоял во главе такой же группировки.

Эта своего рода «мгновенная фотография» афинской политической жизни позволяет сделать несколько предварительных выводов, которые, как я надеюсь, подкрепит дальнейший анализ. Прежде всего, отмечены сегментация политической жизни Афин того времени и наличие нескольких группировок. Далее указана определенная степень их организованности. В-третьих, зафиксировано объединение в рамках отдельной группировки политических и военных руководителей. В масштабах полиса происходило разделение политического и военного руководства. Сошлюсь на Исократа, по словам которого, «более всего восхищаются теми людьми, которые одновременно умеют и заниматься государственными делами, и предводительствовать на войне» (Исократ. VII, 9). Но в рамках отдельных политических

группировок, отражающих интересы более узкого круга людей, ораторы и стратеги могли действовать сообща: стратеги создавали своего рода политическую клиентелу, а ораторы поддерживали их и в свою очередь искали у них поддержки. В современных источниках они нередко выступают вместе. Приведу два примера. Первый — из речи Эсхина «Против Ктесифонта»: «Вы не должны позволять отклонять вас от справедливости стратегам, которые оскверняют наш политический строй, заступаясь за некоторых ораторов и содействуя им» (Эсхин. II, 184). Второй — из Динарха: «Народная масса не развратилась вместе с некоторыми ораторами и стратегами» (Динарх. III, 19). В-четвертых, показано определенное отчуждение между политиками и основной массой граждан.

С той или иной степенью уверенности можно охарактеризовать следующие пять групп: Ликурга, Демосфена, Гиперида, Эсхина, Фокиона. Конечно, ими не исчерпывается политический спектр; были и другие, менее значительные группы и группки, возможно, оказывавшие влияние на общий ход событий; были также и прямые наймиты Македонии; были политические деятели, находившиеся, так сказать, на вторых ролях при ведущих политиках. И была масса рядовых афинян, на которых пытались воздействовать вожди этих политических группировок, быть может, лучше всего определяемых современным словом «блок».

Видимо, правильнее всего начать с той группы, которая объединялась вокруг наиболее влиятельной фигуры того времени, — Ликурга. Хотя в общем Ликург не мог бы пожаловаться на невнимание к нему со стороны ученых Нового времени, однако, помимо трудов общего характера по истории и литературе классической Греции, о нем написано сравнительно немного, к тому же, кроме теперь уже устаревшей книги Ф. Дюрбаха «Оратор Ликург», нет ни одного фундаментального исследования об этой замечательной личности. Своего рода возрождение интереса к Ликургу вызвали работы Ф. Митчела — статья об Афинах в век Александра, в центре которой личность Ликурга, его политическая программа и деятельность, и более развернутое ее изложение в виде небольшой книжечки. Интерес к оратору не ослабел и далее, о чем свидетельствуют вышедшие затем работы: небольшой очерк, предваряющий диссертацию Уильямса об Афинах времени олигархии Фокиона и тирании Деметрия Фалерского, глава в книге Вилля «Афины и Александр», статья С. Хамфрис «Ликург из Бутад: афинский аристократ», главка об Афинах при Ликурге в исследовании Босворта «Завоевание и империя: царствование Александра Великого» и статья К. Моссе «Афинянин Ликург: человек прошлого или предшественник будущего?»

Социально-политическая позиция Ликурга обрисовывается в литературе довольно однозначно. Отмечая враждебность Ликурга к Македонии, историки обычно характеризуют его как умеренного демократа, разница же в их мнениях заключается только в том, что олни больше полчеркивают консерватизм Ликурга, отлеляя его от Демосфена как более радикального политика, другие же склонны говорить об их общей партийной принадлежности и считать вождями одной партии или одного направления в рядах антимакедонской партии. Так, Белох полагает, что Ликург был вождем антимакедонско-консервативного направления. К. Моссе вилит в Ликурге одного из умеренных, далекого во внутренней политике от крайних лемократов (Демосфена), но с ним во внешней политике его объединяла вражда к Македонии. По мнению Митчела, при Ликурге управление в городе находилось в руках консерваторов, его идеал — умеренная демократия. Для Фергюсона, Тарна, Глотца и Коэна Ликург, в общем, — вождь демократической партии, как и Демосфен. Глотц и Коэн пишут об антимакедонских консерваторах во главе с Ликургом и Демосфеном. Тарн уточняет, что сам Ликург, вероятно, назвал бы себя демократом, но его идеалом была Спарта, а Ликургов режим не был истинно демократическим: большинство магистратур при нем занимали зажиточные граждане.

Историки отмечают патриотизм Ликурга и смысл осуществляемой под его руководством программы обновления Афин видят прежде всего в подготовке к сопротивлению Македонии. Например, по мнению Босворта, Ликург интенсивно и заботливо развивал патриотические чувства граждан как своего рода утешение в обстановке относительного бессилия. Это было психологическим дополнением к его программе вооружения. Как показал моральный климат во время Ламийской войны, эта программа полностью себя оправдала. Но против подобной трактовки решительно выступил Вилль, считая, что традиция радикального антимакедонизма Ликурга — фикция, и находя у него возрастающее желание к примирению с македонской супрематией, особенно после 335 г. до н. э., когда был достигнут компромисс с Александром, стабилизировавший положение Афин.

Ликург, по мнению Билля, конечно, не был другом Александра, но его программа не направлена против Македонии и ее царей Филиппа и Александра. Путем реформ Ликург стремился к возрождению Афин, оживлению ее демократических институтов и хотел заложить основы для ведущего положения полиса в рамках Македонской империи. Представляется, что Билль идет слишком далеко в своем разрушении более традиционного образа Ликурга, и источники не дают для этого оснований.

И последние суждения о Ликурге, высказанные такими интересными исследователями, как С. Хамфрис и К. Моссе. Для Хамфрис Ликург — аристократ, патриот и религиозный реформатор. Он не думал о воссоздании Афин прошлого, но стремился к их независимости от Македонии. Его программа отчасти предвосхищала режим Деметрия Фалерского, философа-тирана. Взгляды Ликурга Хамфрис характеризует как более демократические, чем его деятельность, и считает его в некоторым смысле консерватором. Вера Ликурга в то, что стоящие перед Афинами проблемы можно решить путем внутренней реорганизации, с помощью реформ, при минимальных связях с внешним миром и при полном отсутствии какой-либо конструктивной внешней политики, свилетельствует. по мнению Хамфрис, об отсутствии у него политической проницательности и воображения. Реформы Ликурга встретили энергичную поддержку значительной части верхнего класса полиса. Оценивая Ликурга с точки зрения исторической перспективы, она отмечает противоречивость этой фигуры, стоявшей на грани между миром классического полиса и эпохой эллинизма.

Определенное сходство с наблюдениями Хамфрис обнаруживается в статье Моссе, которая, однако, идет еще дальше по пути выявления нового в деятельности Ликурга. Рассматривая природу власти Ликурга, она видит в нем предшественника греческих администраторов будущих эллинистических государств. Как и Хамфрис, Моссе придает большое значение в деятельности Ликурга реорганизации культов и заботе о возрождении общественной жизни, в частности фиксации текстов произведений великих трагиков. По мнению Моссе, Ликург не был человеком своего времени. Возможно, сам он и мечтал о возрождении славы Афин времени Перикла, но на деле предвосхитил некоторые аспекты политики первых Лагидов. Посредником здесь она считает Деметрия Фалерского, в деятельности

которого обнаруживает поразительное сходство с Ликурговой. Что касается его отношения к власти Македонии, то Ликург, как считает К. Моссе, проявил себя лучшим патриотом, чем Демосфен или Гиперид.

^ Новые лидеры афинской демократии в IVв. до н. з. Ликург

Основные источники о Ликурге, помимо его собственных речей, — его биография в «Жизнеописаниях десяти ораторов», ранее ошибочно приписывавшихся Плутарху, и надписи, среди которых декрет Стратокла, т. е. афинское постановление в честь Ликурга, принятое в 307/6 г. до н. э. Псевдо-Плутарх, вероятнее всего, восходит к Цецилию (І в. до н. э.), который почерпнул основные сведения из биографии Ликурга, написанной после его смерти учеником Исократа Филиском и носившей панегирический характер. Помимо надписи (IG. II2, 457), декрет Стратокла сохранился в рукописной копии, сделанной сыном Ликурга (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов.). От рассматриваемого времени до нас дошло довольно много налписей самого разного характера, часть которых издала (после нового изучения оригиналов) С. Швенк, снаблив тексты филологическим и историческим комментариями и исчерпывающей библиографией.

Ликург, сын Ликофрона, из дема Бутады, ученик Платона и Исократа, принадлежал к верхушке афинского гражданства. Он вел свой род от героя Бута и Эрехфея — сына Геи и Гефеста, что указывает на аристократическое происхождение. Подтверждается оно также принадлежностью его к роду Этеобуталов — наследственных жрецов культа Посейлона. Его непосредственные предки занимали высокие магистратуры в Афинах, были удостоены многих почестей, а их статуи стояли на агоре. Женат был Ликург на женщине из той же среды. Приверженность к демократии в семье Ликурга была традиционной. его деда казнили в период правления тридцати тиранов.

Можно полагать, что Ликург принадлежал к той части афинской аристократии, наиболее яркий образец которой представляет Перикл. — аристократии, которой ее происхождение, богатство, связи обеспечивали видное место в Афинском демократическом государстве и которая активно отстаивала и защищала эту демократию. К IV в. до н. э., как уже отмечалось, значение таких фамилий упало. от кормила государственной власти их активно отталкивали нувориши, но определенная часть их сохранила традиции V в. до н. э. К числу таких аристократов старой формации принадлежал и Ликург.

Он был не только знатен, но и богат. Прямые указания на это содержатся в его «Жизнеописании» (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов, 842С), где, в частности, указывается, что, несмотря на свое богатство. «он зимой и летом носил один и тот же гиматий, а обувь надевал только в те дни, когда это непременно требовалось». Ликурга обвиняли в том, что он платит тысячу драхм софистам за обработку своих речей. Еще более показателен такой анеклот: Ликург провел закон, по которому «ни одна женшина не должна ездить на Элевсинские мистерии на колеснице, чтобы женшины из простонародья не были унижены богатыми». Но его собственная жена нарушила закон, и Ликург был вынужден уплатить штраф в 6 тысяч лрахм. Бесспорно, такие расходы были пол силу только богатому человеку. Конечно, полобный сюжет о жене, нарушающей закон, изданный мужем, достаточно распространен в античной литературе, однако важно то, что именно Ликург стал героем такой новеллы. Вместе с тем в источниках о Ликурге нет никаких указаний на его траты в пользу полиса, тогда как о пожертвованиях такого рода нередко рассказывается в биографиях политиков и более раннего, и его времени (например, о Демосфене). Отсутствие сведений о Ликурге, видимо, выражает его принципы.

Внешнеполитическая позиция Ликурга весьма отчетлива и определенна: он был бескомпромиссным врагом Македонии. После поражения при Херонее именно по обвинению Ликурга казнили афинского стратега Лисикла (Ликург. Fr. X, 1; Диодор. XVI, 88,1-2). В речи против Леократа Ликург неоднократно возвращается к этому поражению, вспоминая о нем со скорбью и гневом: «бедственное событие», «случившееся несчастье», «величайшее несчастье», «такие ужасы и такой позор» — такими словами он определяет свое отношение к Херонее. Для Ликурга только погибшие в этом сражении — истинно свободные: «...в них одних только сохранилась свобода Эллады. Ведь когда они расстались с жизнью, была порабощена и Эллада, а вместе с их телами была погребена и свобода остальных эллинов» (Ликург. Против Леократа. 50).

Позиция Ликурга оставалась неизменной и в последующие годы. Так, после разрушения Фив Александр потребовал выдачи в числе других антимакедонских деятелей и Ликурга. Отрицательно отнесся Ликург к обожествлению Александра. Вместе с тем мы совершенно ничего не знаем о том, что эта позиция нашла какое-то воплощение

по инициативе Ликурга во внешнеполитических акциях. В источниках нет, например, никаких указаний на активность Ликурга во время выступления Агиса. Понять причину такой позиции помогает его речь против Леократа. Объясняя, в частности, почему бегство Леократа из Афин в момент вражеской угрозы может иметь самые тяжелые последствия, оратор проводит различие между городом, попавшим под власть врага, и городами, оставленными жителями и разоренными: «Государство, преданное теми, хоть и порабощенное, оставалось бы населенным, а покинутое по примеру этого человека могло оказаться необитаемым. К тому же весьма естественно, что тяжелое положение государства может измениться к лучшему, а если оно полностью будет разорено, то тогда вообще лишится всякой надежды. Ибо как живой человек надеется выйти из тяжелого положения, а со смертью погибает все, благодаря чему он мог бы быть счастлив, так случается и с городами: их постигает самое страшное несчастье, когда они подвергаются такому разорению» (Ликург. Против Леократа. 60). Далее следуют примеры, подтверждающие эту мысль. Можно лумать, что здесь выражена суть представлений Ликурга о внешней политике в годы после Херонеи: покорение города не означает его гибели. нужно только ждать изменения ситуации. В конкретных условиях эта программа означала сохранение мира любой ценой, ибо победа Македонии не вела к гибели Афин, належда на возрождение еще не потеряна, нужно только дождаться благоприятного поворота событий.

Именно такова политика Ликурга и его приверженцев в годы царствования Александра — политика сознательного выжидания, накопления сил в надежде на перемены. Она имела три аспекта: военно-технический, социальный и идеологический. Военно-технический — это возрождение и усиление флота, завершение строительства доков, постройка верфи, арсенала в Пирее, создание значительных запасов военного и военно-морского снаряжения, усиление городских укреплений и фортов, охраняющих границы Аттики. Все это было осуществлено в большой мере благодаря тому, что Ликург в течение 12 лет лично или опосредованно управлял финансами полиса и сумел значительно повысить его доходы: теперь они превышали более чем вдвое ежегодную подать, которую полис взимал в V в. до н. э. со стран — участниц Морского союза. Это стремление к возрождению Афин, оживлению национального духа (что в числе прочего проявилось и в реформе эфебии)

Рис. 10. Александр
Македонский. Миниатюрная
голова из слоновой кости.
Из раскопок царской
гробницы в Вергине [Philip
of Macedon. Ed. by Miltiades
В. Hatzopoulos, Louisa D.
Loukopoulos. Athens, 1980.
Pict. 118]

пронизывает буквально все стороны его деятельности. Одно из его проявлений — решительное преследование всех, кто не отвечал, по его понятиям, высоким критериям афинского гражданина. Весьма красноречива упоминавшаяся уже речь против Леократа, отъезд которого из Афин после Херонеи (в нарушение закона, принятого, правда, позднее) интерпретируется оратором как предательство. Показательные результаты дает лексический анализ речи: слово «предательство» и родственные ему употреблены 72 раза, второй лейтмотив речи — антитеза первому: патриотическая тема представлена словом «родина» и родственными ему, упомянутыми 61 раз (рис. 10,11).

Лекиии

Другая сторона политики Ликурга проявляется в мерах, направленных против всякого рода злоупотреблений, и в законах против роскоши. Эти меры носили не только финансовый характер, но имели своей целью возрождение определенного единства гражданского коллектива. Из жизни полиса старательно изгонялось все, что могло напомнить о разнице между богачами и бедняками. Внешние знаки богатства, дразнящие бедняков и

вызывавшие их недовольство, осуждались Ликургом. В этой связи находятся, очевидно, и такие мероприятия, которые должны были сделать демос соучастником наказания людей, наживших «неправедное богатство». Я имею в виду прежде всего факт, о котором сообщает его биограф, — раздел между гражданами Афин конфискованного имущества некоего Дифила, который разбогател, похитив из серебряных рудников Лаврия столбы (они оставлялись в породе для крепления). За это, по закону, полагалась смерть, и Ликург добился осуждения од-

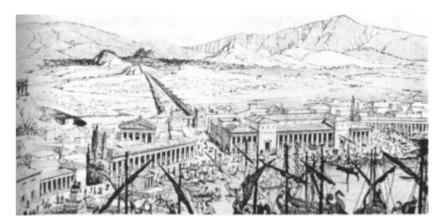

Рис. 11. Афинская гавань Пирей. Реконструкция [Greece. Editions K. Gouvoussis. P. 16]

ного из предпринимателей — Дифила, а его конфискованное имущество разделили между гражданами (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 843 D).

С этим согласуется и сам образ жизни Ликурга — подчеркнутая суровость и непритязательность. Это не только акт социальной демагогии, но и выражение определенной жизненной позиции: стремление даже внешне походить на образцовых граждан и политиков прошлого, пекущихся только о благе сограждан и родного полиса. В русле этой политики — оказание почестей тем, кто достойно выполнил свой гражданский долг.

В данном контексте следует рассматривать и сделанное Ликургом в религиозной сфере. Возрождались древние культы, восстанавливались храмовые сокровищницы, завершилось строительство храма Аполлона Отеческого на агоре, были изготовлены золотые статуи Ники, золотая и серебряная утварь для торжественных процессий и др. При Ликурге издается ряд законов, регулирующих финансовую сторону религиозных празднеств, в частности о финансировании Панафинейских игр.

Важным направлением деятельности Ликурга, отвечающим старым Перикловым традициям, является широкое строительство. В Ликее реконструируется гимнасий и сооружается палестра, ведутся работы на агоре, завершается строительство театра Диониса

у подножия Акрополя, во время празднования Великих Панафиней в 330 г. до н. э. был освящен стадион, перестраивается и расширяется место заседаний экклесии на Пниксе. По словам биографа Ликурга, он украсил весь город многочисленными постройками (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 841d) (рис. 12).

Итак, строились сооружения, функционально необходимые для подъема военной мощи Афин; возводились постройки прокламативно-престижного характера. Важное значение имели в этом отношении работы на Пниксе, где происходили заседания народного собрания. Широкое строительство помогало прокормиться беднякам. Понятно, почему прежде всего строительные работы дают основание вспомнить о Перикле и его традициях. Наконец, строительство должно было способствовать более активному вовлечению богатых граждан в жизнь полиса, именно в это время развилась практика привлечения богачей к завершению сооружений, на которые не хватило государственных средств (с правом поставить на них свое имя).

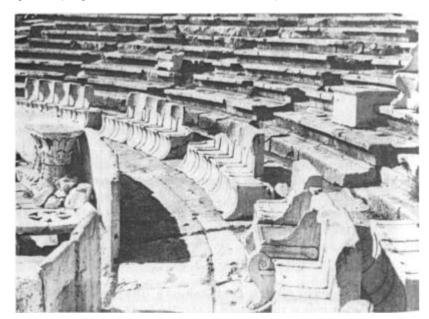

Рис. 12. Театр Диониса. Расположен у южного склона Акрополя [Musiolek P., Schindler W. Klassisches Athen, Leipzig, 1980, 5, 21]

Большое место в политике Ликурга занимают меры по развитию торговли и повышению роли Пирейского порта. Для охраны торговых путей от пиратов была отправлена эскадра судов, предпринимались меры по привлечению иностранцев, прежде всего купцов. Сохранился декрет, из которого мы узнаём, что тоже по предложению Ликурга купцы из кипрского города Китиона получили в Афинах право владения участком земли для возведения на нем святилища Афродиты (I G , 112, 337).

Все эти мероприятия — политические, социальные и экономические — вдохновлялись его более общими идеями. Уяснить мировоззрение Ликурга помогает его речь против Леократа, в которой важнейшим является понятие «демократия». Демократия упоминается как существующий в Афинах государственный строй, говорится об угрозе демократии со стороны Македонии, даются яркие пассажи о тех мерах, которые должны способствовать защите демократии.

Во всех его рассуждениях можно выделить то специфическое, что позволяет говорит об особенностях понимания демократии Ликургом. В этом отношении весьма показательно, как он описывает последствия поражения при Херонее. Самое ужасное для Ликурга — те решения, которые афинский народ вынужден принять в силу сложившихся обстоятельств: «сделать рабов — свободными, чужеземцев — афинянами, лишенных гражданской чести — гражданами». Думаю, что здесь имеется в виду предложение Гиперида. Тон, каким говорится о них, значение, которое им придается, убеждают, что для Ликурга принятие их означает конец подлинной демократии. Страшно даже не столько само поражение, сколько то, что оно вызывает меры, отвечающие принципам крайней, радикальной демократии. Это, кстати, отвергает высказанный в литературе взгляд об единстве позиций Ликурга и Гиперида (о чем речь впереди).

В связи с этим направлением мысли, возможно, находится и восхваление Ареопага, причем характерно, что дифирамбы обращены не в прошлое, как это нередко наблюдается в политической мысли IV в. до н. э., а в настоящее: «Вы, единственные из эллинов, имеете прекраснейший пример в лице Совета Ареопага, который настолько превосходит Другие судебные органы, что решения его признаются справедливыми Даже и самими осужденными» (Ликург. Против Леокарта. 12). В эту общую картину хорошо вписывается еще одно положение, подробно развиваемое в речи: право на участие в демократии имеют только те,

^ Демосфен - политик и оратор

кто защищает полис, т. е. демократию. Рассматривая меры по защите демократии, Ликург особо выделяет роль судебных органов. Приведу лишь одно весьма красноречивое высказывание: «Ведь существуют три важнейших условия, которые постоянно охраняют и оберегают демократию и благополучие полиса: во-первых, законный порядок, во-вторых, голосование судей, в-третьих, суд, который передает преступления на их рассмотрение» (Ликург. Против Леокарта. 3-4).

В политической концепции Ликурга важное место занимали традиционные для афинской демократии идеи о праве Афин на гегемонию в Греции, о моральном и военном превосходстве афинян. Более того, власть Афин — благо для эллинов. Особенно отчетливо эта мысль звучит в «исторической части» речи против Леократа, в рассказе о греко-персидских войнах, битве при Саламине, когда, по словам Ликурга, афиняне сделали греков свободными вопреки им самим. Речь против Леократа являет нам еще один облик Ликурга — не просто моралиста, исповедующего определенные этические нормы, но человека, озабоченного моральным обликом подрастающего поколения и имеющего определенные представления о его воспитании. Здесь особое место отводилось великим трагикам — Эсхилу, Софоклу и Еврипиду, статуи которых украшали новый театр, а тексты их трагедий хранились в государственном архиве, чтобы избежать искажений. Ликург приводит в речи большой отрывок из трагедии Еврипида «Эрехтей», в котором Пракситея говорит о своей готовности ценой смерти дочери спасти родной полис и его свободу.

Начинается речь молитвой — оратор взывает к Афине и другим богам и героям, изображения которых стоят в городе, приводит клятву эфебов, клятву, данную греками перед битвой при Платеях, передает миф о чуде, когда при извержении Этны волею божеств спаслись только юноша, не бросивший своего немощного отца, и отец, и рассказ о царе Кодре, который пошел на смерть ради спасения родины.

Поэтические тексты составляют существенный элемент Ликурговой системы воспитания, «ибо законы из-за краткости не поучают, а приказывают, что нужно делать, тогда как поэты... выбрав прекраснейшие поступки, с помощью слов и поэтического изображения воспитывают людей» (Ликург. Против Леокарта. 102). Оратор цитирует «Илиаду» Гомера, стихи Симонида и хорошо известные строки из элегии Тиртея:

Сладко ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных павши, Храброму мужу в бою ради отчизны своей.

Итак, группа Ликурга выражала традиционные ценности афинской демократии, прежде всего убеждение в необходимости и благотворности господства Афин над греческим миром и их праве на это. Однако трезвая оценка обстановки заставляла Ликурга и его сторонников в данной конкретной ситуации занимать выжидательную позицию, накапливая силы. Особое внимание уделялось сохранению и приумножению флота, что соответствовало традициям афинской демократии. Во внутриполитической сфере эта группировка также стояла за сохранение традиционного государственного устройства, при этом особое значение придавалось суду как институту, наиболее эффективному в зашите демократического строя. Предпринимались меры по сохранению единства гражданского коллектива, если не экономического, то во всяком случае политического. Много внимания уделялось возрождению традиционных ценностей. Упомянем о воздвижении статуи, персонифицирующей Демократию, культ которой был учрежден в Афинах после изгнания тридцати тиранов. Основного врага представители этой группировки видели в радикальных демократах. Активное строительство играло прокламативную роль и служило средством для оказания помоши беднякам и привлечения богатых граждан к украшению и прославлению полиса.

В области экономической, в соответствии с традициями афинской демократии, поощрялась торговля. Возможно, представители Ликурговой группы с неодобрением относились к богатым дельцам в Лаврии. Насколько можно судить, верхушку этой группы составляли представители старой аристократии, которые и в IV в. до н. э. сохранили не только свое богатство, но и традиционную приверженность демократическому строю полиса и его системе ценностей. По крайней мере таков был Ликург, стоявший во главе ее. Тот факт, что эта группа, по существу, находилась во главе государства в течение почти всех лет царствования Александра, с 338 по 326 г. до н. э., по-видимому, дает основание считать, что ее политика отвечала тогда интересам демоса в целом.

4. Демосфен - политик и оратор

Анализ позиции группы Демосфена во многом является ключевым Для понимания процессов, происходивших в политической жизни

if Демосфен - политик и оратор

Рис. 13. Демосфен. Римская копия греческой статуи работы Полиевкта, 280 г. до н. э. [Philip of Macedon. Ed. by Miltiades B. Hatzopoulos, Louisa D. Loukopoulos. Athens, 1980. Act. 671

Афин рассматриваемого времени. Некоторые исследователи даже полагают, что вся история Греции в эти годы (в частности, вследствие спартанского выступления) определялась позицией Демосфена, но такой взгляд кажется все-таки преувеличением (рис. 13).

В научной литературе обычно не проводится различие между Демосфеном и Ликургом и даже между Демосфеном и Гиперидом, что совершенно неоправданно. Даже их имущественное положение (они принадлежали к верхушке среднего класса) не означает, что они проводили одинаковую политику. Несомненно, на их позицию оказывали влияние многие факторы. среди которых — характер имущества, традиционные связи семьи, сама логика политической борьбы и др. Ученые. которые сводят внутриполитическую борьбу в Афинах к противостоянию двух партий (антимакедонской и промакедонской), относят Демосфена и Ликурга (как и Гиперида) к антимакедонской и называют Ликурга сторонником Демосфена. Но и те немногие историки, которые видят несколько более сложную картину соотношения сил, тоже объединяют Демосфена и Ликурга в рамках одной партии, считая, что после расправы Александра над Фивами Демосфен, отойдя от руководства партией, передал его Ликургу, уверенный, что найдет в его

лице верного сторонника своих взглядов.

Демосфен относится к числу тех великих деятелей прошлого, вокруг имени которых и в последующие времена продолжают бущевать такие страсти, как если бы речь шла о современнике. Образ Демосфена использовался в политической борьбе начиная с королевы Елизаветы, переводившей на английский язык Олинфские речи оратора, когда «Непобедимая армада» готовилась к вторжению на Британские острова.

Борьба, которую вел Демосфен против Филиппа, слишком часто находила отклик в менталитете позднейшей Европы, особенно когда начали оформляться современные нации и соответственно появились национальные чувства. Патриот, доходивший до фанатизма и ограниченный в своем фанатизме, борец за свободу и демократию, не гнушавшийся персидского золота, шовинист, разделявший абсурдные концепции и тешившийся призрачными надеждами, любитель интриг, сложивший голову за дело, которому служил, но защищавший отжившие идеалы и тем самым мешавший поступательному ходу истории, которая выбрала своим орудием Филиппа, объединившего греков вопреки им самим, — таков далеко не полный перечень противоречивых суждений историков о Демосфене. В нем видели «святого» (Г. Б. Нибур) и платного агента персидского царя (У. Карштедт). Здесь не место подробно разбираться в этой проблеме, скажу основное: оценка Демосфена во многом определялась прежде всего общими взглядами на характер развития Греции во второй половине IV в. до н. э. и роль Филиппа, а взгляды эти, в свою очередь, во многом зависели от политических симпатий того или иного историка. Горячие поклонники диктаторских режимов и военной монархии занимали сторону Македонии против Демосфена, тогла как сторонники демократии выражали ему свое самое глубокое восхишение.

В изучении Демосфена во второй половине XIX — начале XX в. можно выделить две основные тенденции: либеральную, сторонники которой видели в Демосфене прежде всего защитника свободы и независимости Греции (здесь большое влияние оказала английская историография эпохи развития парламентаризма, прежде всего Грот), и «унитарную», или монархическую, представители которой осуждали Демосфена за его противодействие Филиппу. Сторонники последней представлены преимущественно немецкими учеными. Если в период Наполеоновых войн в Германии переводили речи Демосфена, чтобы усилить дух национального сопротивления, то с изменением обстановки в Европе иным стал и подход к Демосфену.

tf Демосфен - политик и оратор

Возникают аналогии состояния полисов в IV в. до н. э. с германскими государствами, объединенными Пруссией, Филиппа с Вильгельмом І. В борьбе с Македонией видят только губительную попытку удержать систему мелких государств, а в завоеваниях Филиппа и Александра — прогресс для Греции, объединенной Македонией (К. Белох, Э. Мейер). В годы Первой мировой войны Э. Дреруп пытался опорочить Демосфена как демагога, думавшего только о собственных успехах и способствовавшего гибели греков.

В работах 50-60-х гг. ХХ в., преимущественно французских, дается более спокойная и объективная оценка. Демосфен вызывает восхишение как самый решительный борен за свободу греков, прежде всего Афин. Указывается, что его патриотизм не ограничивался границами Аттики и что он. с уважением относясь к автономии полисов, развивал панэллинские идеи, которые не мешали ему, однако, считать Афины наиболее достойными занять, с согласия других городов, руководящую роль в Греции. Из работ Ж. Матье, П. Клоше, А. Боннара, Ж. Люччиони, В. Йегера возникает трагический образ великого оратора, полного любви к свободе, человека долга и чести, гордости страны, за которую он отдал жизнь. Возражая критикам Демосфена, эти исследователи пишут, что дело, которому он служил. не было ограниченным, а проводимая им политика — ретроградной, так как Демосфен боролся за идеалы, которые никогда не потеряют ценности. — за свободу, независимость и будущее цивилизации, а успех или поражение не могут служить критерием при суждении о правильности политики. Однако создавая более адекватный образ. эти ученые, как кажется, не избежали определенной идеализации (пожалуй, наиболее отчетливо это видно в работах С. И. Радцига и А. Боннара).

Интерес к жизни и деятельности Демосфена не прекращается, и каждый год выходят новые работы, но, очевидно, после потока книг в прошлом еще не настало время для нового монографического исследования. Можно назвать только книгу Г. Монтгомери «Путь к Херонее: внешняя политика, принятие решений и политическое влияние в речах Демосфена» и две популярные книги — П. Карлье и К. Моссе (Cartier P. Démosthène. P., 1990; Mossé C. Démosthène ou les ambiguïtés de la politique. P., 1994).

Отрицая неизменность позиции Демосфена, Карлье считает, что тот сознавал невозможность восстановления прежнего политическо-

го порядка в Греции. Демосфен «ничуть не является наивным и несколько ограниченным идеалистом», как любят изображать его некоторые противники и поклонники (Carlier, 1990. С. 302-304). Отныне перед греками не стояла дилемма: сопротивление или подчинение. Ситуация диктовала другой путь — изощренные переговоры. Тем самым позиция Демосфена в последние годы его жизни, возможно, позволяет видеть в нем первого полисного политика эллинистического типа. Напомним, что С. Хамфрис и К. Моссе считали таковым Ликурга. Это направление мысли, новое в изучении политиков IV в. до н. э., идет, как мне думается, в общем русле поисков современными учеными истоков эллинизма.

К. Моссе стремится дать, по ее словам, более реальный образ знаменитого политика и прославленного оратора, выступая против некоторых устоявшихся схем. Выражая сомнение в правомочности историков выносить приговор человеку, о котором мы, в конечном счете, знаем немного, К. Моссе в книге «Демосфен, или Двусмысленность политики» и небольшой статье, озаглавленной «Демосфен как тип афинского политика», рассматривает место в афинской истории, которое занимали он и проводимый им политический курс. Для нее Демосфен прежде всего «типичное воплощение того структурного, неотделимого от афинской политической системы образа, каким является оратор» (ВДИ, 1996, № 2. С. 20).

Здравый ум, по словам К. Моссе, позволил Демосфену (чуть ли не единственному) осознать масштабы македонской угрозы. Человек одаренный, обладавший ясным умом, талантливый оратор, он без колебаний отказывался от прежних взглядов. Всякий раз, когда он понимал, что его политический курс не находит сторонников, он возвращался на более умеренные позиции. Образцовый оратор в системе функционирования афинской демократии, признанный руководить демосом, Демосфен, однако, порой подчинялся ему.

Весьма своеобразно выражено отношение к моральным качествам Демосфена. Подчеркивая то обстоятельство, что в Афинах этого времени важнейшую роль в политической борьбе играли различные группировки, объединенные вокруг ведущего политика общими политическими и экономическими интересами, личной близостью и необходимостью во взаимной поддержке, К. Моссе сосредотачивает внимание не на самом Демосфене, а на его политических друзьях. Особенно подробно характеризуется Тимарх, подвергшийся

Лекиии

яростной атаке со стороны Эсхина. Лело не столько в его личных качествах, сколько в моральном уровне среды, из которой он вышел, а эта среда — мир эмпория, порта и торговцев. Таким образом, К. Моссе подводит читателей к выводу о морали и самого Лемосфена.

На обрисовку образа Демосфена в антиковедении Нового времени наложила сильнейший отпечаток его непримиримая борьба с Македонией, к тому же постоянные ссылки оратора на демократию выработали своего рода стереотип: защита Афин против македонской агрессии является зашитой афинской демократии. Однако внимательное изучение речей Лемосфена позволяет понять, что эта позиция не была столь однозначной. Несомненно, руководящим мотивом всей его политической деятельности была вражда к Македонии и борьба с ней. Эту позицию Демосфен обосновывает и теоретическими соображениями. Исхолный пункт таков: тирания (а такова власть Филиппа) по самой своей природе враждебна демократии, и эта мысль варьируется в речах Демосфена. Впервые она высказана в первой Олинфской речи: «Да и вообще, я думаю, для демократических государств тирания есть что-то не внушающее доверия» (I, 5). Затем появляется во второй Филиппике: «Вот как ненадежна для своболных госуларств эта чрезмерная близость с тиранами» (VI. 21) и лалее: «Но есть одна вешь... она хороша и спасительна... особенно для демократических государств против тиранов. Что же это такое? Это — недоверие. Его храните, его держитесь... Чего вы ищете? спрашивал я. — Свободы? Да разве вы не видите, что Филипп не имеет ничего общего с ней лаже по своему именованию: вель всякий царь и тиран есть враг свободы и противник законов» (Демосфен. Речи. VI, 24-25). Наконец, в речи «О делах в Херсонесе», где, наоборот, говорится уже об опасности демократических государств для тиранов: Филипп «знает отлично, что если даже он всех остальных подчинит себе, никакое владение не будет у него прочным, пока у вас будет демократическое правление, но что если только его самого постигнет какая-нибудь неудача, каких много может случиться с человеком, тогда все находящиеся сейчас в насильственном подчинении у него придут к вам и у вас будут искать себе прибежища» (Демосфен. Речи. VIII, 41).

Таким образом, с точки зрения Демосфена, царь Македонии (тиран) и демократия (в первую очередь афинская) — естественные враги, сколько-нибудь длительное сосуществование которых невозмож-

но. Из этого положения Демосфен делает несколько выводов, один из которых касается отношений с другими полисами. Демосфен считает наиболее последовательным и непримиримым врагом Македонии Афины. Показательна его аргументация, имеющая, так сказать, двусторонний характер: объяснение с точки зрения македонского царя: «...кроме того, и опасность, которая угрожает вам, совсем не такова, как всем остальным, ведь Филипп хочет не просто подчинить своей власти наше государство, а совершенно его уничтожить»; объяснение с точки зрения афинян: «Филипп знает отлично, что рабами быть вы не согласитесь, и хотя бы даже согласились, то не сумеете, так как привыкли главенствовать» (Демосфен. Речи. VIII, 60).

Афиняне должны выступить организаторами сопротивления всей Эллады и возглавить борьбу с Македонией. К этому призывает их прошлое, они привыкли главенствовать, хотят первенствовать и являются политическими руководителями греков (VIII, 60; XIII, 8, 35).

В этой борьбе, по словам Демосфена, они готовы сделать всех свободными. Он призывает афинян поступать так, чтобы в них видели «общих заступников свободы всех» (XV, 30). Они всегда стремились к тому, чтобы «спасать притесняемых», и не должны отдавать «никого из более слабых во власть более сильному» (XVI, 32). Афины занимают особое положение, и в то время как многие из эллинов считают «допустимым ради какой-нибудь выгоды лично для себя пожертвовать остальными греками», афинянам, даже когда они терпят обиду, «честь не позволяет применить по отношению к своим обидчикам такого возмездия — допустить, чтобы некоторые из них попали под власть варвара» (Демосфен. Речи. XIV, 6).

Но ныне граждане отступились от того основного, что завещали предки: «...вставать во главе греков и, имея наготове постоянное войско, зашишать всех притесняемых» (Лемосфен. Речи. X. 46). «Отечество всегла борется за первенство, за честь и славу», которые у Лемосфена отождествляются с общей пользой эллинов (XVIII. 66). Вопрос о панэллинизме Демосфена решается неоднозначно.

О самом себе Демосфен говорит как об ораторе-советнике. Очевидно, он следовал традиционной практике: чтобы оказать влияние на аудиторию, оратор должен быть хорошим актером, создавая определенный образ. Демосфен выбрал образ советчика, который он пронес через всю свою жизнь, но наиболее отчетливо выразил в речи «За Ктесифонта о венке». Ясно, что человек, который выступал в такой

If Демосфен - политик и оратор

роли, претендовал на то, что его советы — наилучшие, а сам он никогда не поддавался дурному влиянию и был неподкупен. Поэтому столь губительным для него оказалось обвинение по делу о деньгах Гарпала. (Кстати, отметим, что Лемосфен был первым из аттических ораторов, кто стал использовать свои речи, произнесенные в экклесии и суде, как политическое орудие, публикуя их.)

94

Демосфен призывает сограждан брать пример с предков, которые «в течение сорока пяти лет правили греками с их собственного согласия и более десяти тысяч талантов собрали на Акрополе: им подчинялся царь... как и подобает варвару подчиняться грекам: кроме того. много прекрасных трофеев возлвигли они в сухопутных и морских сражениях, сами выступая в походы» (Демосфен. Речи. III. 24). Все эти славные дела предки совершили под руководством Аристида. Мильтиала, Перикла, Из этого ясно, что Лемосфен обращается к временам греко-персидских войн, которые занимали особое место среди исторических примеров в его речах. Прежде всего к воспоминаниям о них восходит традиция прославления Афин как носителя своболы и независимости греков. Демосфен здесь был не одинок.

В литературе отмечалось, что недовольство идеологов IV в. до н. э. политической и социальной атмосферой своего времени, отход современников, в их представлении, от традиционных полисных идеалов побуждали их обращаться к истории. Жизнь предков и их деяния представлялись символами стабильности и благополучия. Известные политические ораторы; Ликург, Демосфен, Эсхин — подчиняли свои исторические экскурсы своим задачам, и особое место при этом отводилось греко-персидской войне.

Однако все попытки и усилия возродить гегемонистскую политику Афин терпят крах, естественно, побуждая искать причину неудач. Ответ Лемосфен дает путем противопоставления славного прошлого безрадостному настоящему. Недовольство существующим положением — один из лейтмотивов его речей. Это наблюдение важно для нас в двух отношениях: во-первых, становится ясно, что Лемосфен отнюль не был сторонником царивших при нем порядков: во-вторых, важно выяснить, что же в современных Афинах не нравилось ему, о каких чертах прошлого, реальных или выдуманных, он вспоминал и горевал.

Больше всего Демосфена возмущает и удручает отсутствие энергичной практической деятельности. Он упрекает сограждан в бес-

печности, отсутствии инициативы там, где нужно принимать решительные меры, в безрассудстве, из-за которого дела полиса пришли в негодное состояние. Народ ограничивается выслушиванием речей, принятием псефисм, свои же обязанности по проведению их в жизнь и, более широко, свой гражданский долг не выполняет. Эта выраженная в общей форме мысль иногда конкретизируется: указывается, что рядовые граждане не хотят выступать в поход, а богатые не хотят делать денежных взносов. Демосфен отмечает разрыв между государством как коллективом граждан и его руководителями: магистратами-стратегами и ораторами, получившими чрезмерное влияние в народном собрании. Ораторы прошлого не заискивали перед народом, а были простатами демоса (Демосфен. Речи. III, 24, 27).

Наконец, Демосфен указывает на общую моральную деградацию, сказывающуюся, в частности, в том, что отдельные лица (в первую очередь военные и политические руководители) обогащаются, тогда как государство в целом беднеет. Именно это обстоятельство создает благоприятный моральный климат для деятельности Филиппа, подкупающего политиков, чем губит Элладу.

Демосфен часто критикует афинскую демократию своих дней, и основная цель этой критики — побудить граждан к более активным действиям против Филиппа. Отсюда и его предложения об упорядочении финансов для более успешной войны с македонским царем. Но в отличие, например, от Исократа, Демосфен не предлагает изменений в конституции, для него решающий фактор в политике — демос. Именно к демосу обращается Демосфен. Ему чужды спекуляции философов относительно идеального строя, и в своей критике демократии он, в общем, не прибегает к аргументам на теоретическом уровне. Информация о демократии, которую можно извлечь из его речей, ограничивается теми мыслями, какие он мог высказать народу в экклесии и суде. Это - критика из своих рядов, в отличие от Платона, Аристотеля или Исократа. Подтверждение своей правоты Демосфен, в духе времени, находит в славном прошлом, когда честные граждане ставили спасение родины выше всего, когда народ имел смелость сам отправляться в походы и вследствие этого был хозяином всех благ, тогда как сейчас всеми благами распоряжаются нечестные политические деятели, которые (разумеется, в отличие от Демосфена) сделали из народа своих слуг. Но в этом виновата не демократия, а сам народ. Заметим, что у Демосфена (как и Эсхина)

демократия ассоциируется с социальными благами, особенно со свободой, тогда как олигархия является воплощением всех зол.

По мнению Демосфена, необходима определенная моральная «регенерация» и, как естественное следствие ее, внутреннее единство гражданского коллектива. Он провозглашает нечто вроде «национального единства» перед лицом внешней опасности. Необходимость отложить все внутренние распри до окончания войны с Филиппом — такова одна из главных и любимых идей Демосфена, которая в той или иной мере окрашивает весь комплекс его представлений и надежд. Мысль об укреплении единства полиса многократно звучит в речах Демосфена, причем пути его достижения представлены по-разному в зависимости от обстановки.

Во второй Олинфской речи эта идея высказывается в самой общей форме как призыв к своего рода возрождению того «идеального» строя, который существовал в эпоху расцвета Афин: «Так, значит, нужно положить конец такому порядку и, став хоть теперь вполне самостоятельными, всем предоставить возможность участвовать и в совещаниях, и в прениях, и в действиях... Итак, сущность моего предложения сводится к следующему: всем делать взносы — каждому сообразно с его состоянием; всем выступать в походы по очереди, пока все не выполните походной службы; всем выступающим ораторам давать слово и изо всего, что услышите, выбирать наилучшее... И если вы будете так вести дела, тогда не сейчас только будете хвалить одного лишь оратора, внесшего предложение, а и самих себя впоследствии, когда все государство в целом будет у вас в лучшем состоянии» (Демосфен. Речи. II, 30-31).

Свое конкретное выражение идея единства граждан находит в призывах к возрождению ополчения. Другой аспект — мысль о необходимости прекратить борьбу между богатыми и бедными. Демосфен — противник эксцессов, связанных с чрезмерными, как он полагает, нападками их друг на друга, и с пользой для государства хочет высказать соображения и в защиту бедных против богатых, и в защиту состоятельных против неимущих. Нуждающимся он советует «отказаться от того требования, которым недовольны состоятельные». А выступая против конфискации имущества богатых, Демосфен не без горькой иронии замечает, что оратор, ее предлагающий, т. е. потакающий демосу, «становится у вас сейчас же великим, прямо бессмертным по своей неприкосновенности» (Демосфен, Речи. X. 44).

Завершаются эти рассуждения весьма определенно: «Да, граждане афинские, нужно установить между собой справедливые взаимоотношения в государстве: богатые должны иметь уверенность, что у них жизнь вполне обеспечена принадлежащей им собственностью и что им за нее нечего бояться; в случае же опасности они обязаны отдавать ее отечеству на общее дело ради спасения; остальные должны общественное достояние считать общим и иметь в нем свою долю, а частную собственность каждого отдельного лица — достоянием владельца». И это должно быть установлено законом (Демосфен. Речи. X,45).

Итак, Демосфен при всех его попытках предстать перед аудиторией человеком, в равной мере далеким и от богачей, и от бедняков, основное внимание все же уделяет защите богатых, проявляя своего рода инстинкт собственника. В защиту богатых приводится ряд аргументов: они лучше управляют своим имуществом, способствуют его приумножению, а это выгодно и бедным, ибо в случае крайней опасности оно может быть обращено на общую пользу.

Подобные мысли мы найдем в ряде речей Демосфена, но наиболее решительно оратор обрушивается на всех посягающих на собственность, пожалуй, в речи «О делах в Херсонесе»: «Ведь если ктонибудь, граждане афинские, не считаясь с тем, будет ли это полезно для государства, привлекает граждан к суду, отбирает имущество их в казну, предлагает раздачи... то в этом нет с его стороны никакого мужества, но такой человек обеспечивает себе безопасность тем, что угождает вам своими речами и политической деятельностью» (VIII, 69). Такая позиция перекликается с советами Аристотеля, отнюдь не поборника демократии: «В демократиях следует щадить состоятельных людей и не подвергать разделу не только их имущество, но и их доходы» (Аристотель. Политика. V. VII. 11, 1309 a14— 17).

Вместе с тем, по словам Демосфена, богачи не соблюдают принципы демократического равноправия, они препятствуют функционированию демократических институтов и ставят себя выше остальных. Подвергая критике богачей, Демосфен, возможно, надеялся на поддержку большинства в экклесии. Но вместе с тем, выступая за решительные действия против Филиппа, он рисковал расположением тех самых граждан, которым предстояло оплачивать этот политический курс. Отсюда — необходимая осторожность, которой объясняются некоторые неожиданные повороты в его действиях.

Отсюда же необходимость действовать через друзей (по-видимому обычная практика), спасавших оратора от риска потерять влияние в экклесии или быть осужденным в дикастерии. Так было в 348 г. до н. э. с Аполлодором, который внес проект использования на военные нужды средств, направленных на феорикон. Так было и с Тимархом, который после 346 г. до н. э. вчинил иск Эсхину по поводу посольства к Филиппу. Здесь дело отнюдь не в характере Демосфена, а в системе. Оратор должен был сообразовываться с настроениями рядовых граждан, не задевать наиболее болезненные для них темы и подавать свои идеи, расходящиеся с представлениями большинства, в осторожной форме. Политик без поддержки демоса оставался на вторых ролях.

Из сказанного ясно, что речи могут и не быть прямым отражением собственных идей оратора. Стремясь сделать свои предложения и мысли привлекательными для слушателей, весьма различных по своему составу, и получить одобрение аудитории, оратор основное внимание мог (и должен был) уделять вовсе не тому, что наиболее важно для него, но что в данной ситуации представлялось наиболее осуществимым (см.: Моссе. ВДИ, 1996, № 2. С. 22, 219).

Не исключено, что здесь можно видеть определенное различие с Ликургом, в деятельности которого борьба с злоупотреблениями богачей занимала заметное место, хотя, конечно, его не следует преувеличивать (это, скорее, разная социопсихологическая установка).

Весьма отчетливо различие мнений между группировками Демосфена и Ликурга проявляется в оценке роли судов. Демосфен активно выступает против судебных преследований сограждан, против сикофантов. Если для Ликурга суды — чуть ли не главная опора демократии, то у Демосфена заметно явное недоброжелательное к ним отношение: «И к тому же, клянусь Зевсом, граждане афинские, к вам нахлынули еще и другие речи — лживые и весьма вредные для государственного порядка, вроде того, что в "судах для нас спасение!" и что "голосованием вы должны охранять государственный строй!"» (ХІІІ, 16). По свидетельству Плутарха, основанному на Феопомпе, афиняне как-то назначили Демосфена обвинителем, но он отказался, заявив в ответ на недовольный шум, что клеветником и доносчиком он не будет никогда (Плутарх. Демосфен. 14). Еще более враждебно настроен был Демосфен против сикофантов, ум которых, по словам оратора, не направлен ни на одно доброе государственное дело. «Он

проходит через рыночную площадь, подобно змее или скорпиону, подняв жало, озираясь по сторонам и выбирая, кого бы оклеветать, кому бы причинить горе или какое-либо другое зло, кого ввергнуть в страх, у кого выманить деньги» (Демосфен. XXV, 40, 51-52).

Нападки на суд имеют в речах Демосфена, по-видимому, далеко не случайный характер. Гелиэя благодаря ряду прерогатив оказывалась последней инстанцией в решении законодательных вопросов полиса, тем самым выступая как оплот демократии. Аристотель связывал установление демократии в Афинах с введением суда, к которому имели доступ все граждане, а современную ему демократию — с господством суда (Аристотель. Политика. II, IX, 2-3, 1273b 41 — 1274a 5; Афинская полития. 9,1).

В этом же контексте следует рассматривать и противопоставление Демосфеном решение народного собрания (псефисму) закону (номосу). Обращаясь в речи «Против Тимократа» к судьям, оратор отмечает, что Афины управляются законами и псефисмами (XXIV, 152). «Законы у вас обладают силой, и вы сильны благодаря законам» (XXI, 224). Однако если раньше удовлетворялись теми законами, какие есть, иное положение теперь, когда декреты противоречат им. Более того, псефисмы заняли место законов, тогда как они не должны иметь большей власти. Со страстной защитой законов Демосфен выступает в речах «Против Лептина» и «Против Мидия».

Уже в V в. до н. э. в общественно-политической мысли сложилось представление о номосе (имеется в виду не какой-нибудь конкретный закон) как суверенном принципе порядка и справедливости, который пронизывает все стороны жизни общества и индивида и управляет всей жизнью полиса. Идея номоса как некоего божественного принципа всегда имела аристократический оттенок, хотя уже тогда оспаривалась сторонниками демократии, смотревшими на номос как на результат своего рода «общественного договора».

У Демосфена наблюдается традиционное представление о законе, Для него номос, (номой) — первооснова бытия полиса, номос — это «дар богов» и «общее установление государства, согласно которому все должны жить в полисе» (XXV, 16). Вместе с тем оратор без всякого уважения говорит о многочисленных псефисмах афинян, которые те не выполняют, и ядовито замечает, что если бы псефисмы Могли «сами осуществить означенное в них», то Филипп «давно бы понес кару уже от одних ваших псефисм» (ПП, 14).

Ранее уже говорилось о смене в IV в. до н. э. парадигмы «власти народа» парадигмой «власти закона». Одной из главных проблем, стоявших перел греческой политической теорией, было лостижение стабильности в полисе, преодоление опасности внутренних конфликтов. Именно с попыткой достижения этой цели связывают широкое распространение в IV в. до н. э. идеи «власти закона». Однако сторонники и противники демократии вкладывали в это понятие разное содержание. Аристотель понимал под «властью закона» ограничение демократических органов. Описывая пятый вид демократии, Стагирит указывает, что при ней «верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь псефисмы, а не закон». Вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа могущественными, по мнению Аристотеля, становятся демагоги, которые властвуют над его мнением. «Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет». Аристотель столь отрицательно относился к такому строю, что не считал даже возможным признать его демократией в собственном смысле (Аристотель. Политика. IV, IV, 3-7, 1292a 5-41).

Для демократов идея «власти закона» подразумевает защиту граждан от произвола магистратов, гарантию участия народа в государственных делах, свободу частной жизни. За законами стоит демос. «В чем сила законов?» — спрашивает Демосфен и отвечает: «Она заключается в том, чтобы вы неукоснительно выполняли их и постоянно их применяли»; «Законы у вас обладают силой, и вы сильны благодаря законам. Законы надо защищать точно так же, как защищает себя от несправедливости любой человек»; «Ничто не должно спасать от наказания нарушителя закона: ни исполнение литургии, ни жалость, ни кто-либо из людей, никакие уловки» (Демосфен. XXI, 224-225).

Показательно и отношение Демосфена к происхождению афинского гражданина. Наиболее ярко оно проявляется в речи «За Ктесифонта о венке», где оратор защищает себя — идеального государственного деятеля — и обличает своего противника Эсхина, выступающего воплощением зла. В своей биографии Демосфен подчеркивает ряд моментов: он сам и его родственники происходили от лучших людей,

он ходил в подобающую школу и имел «в своем распоряжении все, что необходимо человеку, которому не приходится из-за нужды делать ничего унизительного» (XVIII, 257). По выходе же из детского возраста он смог вести подобающий образ жизни — исполнять хорегии, триерархии. Следовательно, подлинный политик должен иметь хорошее происхождение, получить соответствующее образование, быть богатым, принадлежать к верхушке общества. Соответственно, его антипод Эсхин (сейчас неважно, насколько Демосфен следует истине) объявляется лишенным всего этого: у него рабское происхождение, исполненная гнусности юность, он невежда, из-за бедности не получивший образования, а богатство свое он нажил недостойным образом. Социальные симпатии Лемосфена злесь выступают довольно отчетливо. Для него истинный политик — только богатый гражданин, сама бедность — нечто позорное, она накладывает отпечаток на всю жизнь. Политические противники Лемосфена среди других обвинений не оставили вниманием и подобные настроения оратора (см., напр.: Динарх, Против Лемосфена, 35-36, 44). Эсхин прямо называет Лемосфена сторонником олигархии, правда, обосновывая свое определение весьма длинными рассуждениями, полными злобных нападок на него (Эсхин. III. 168 слл.).

Остановимся еще на одном вопросе, который весьма занимал историков: брал ли Демосфен деньги от персидского царя и был ли он причастен к исчезновению части тех сокровиш, которые привез в Афины казначей Александра Гарпал? Интерес этот весьма понятен. так как данный вопрос связан с другим, более общим и существенным вопросом об основах политики Демосфена, о том, насколько она была принципиальной. Часть исследователей (меньшая) совершенно отрицает весьма прочную историческую традицию и отметает как недостойную Лемосфена даже возможность мысли о какой-то причастности его к персидским и македонским деньгам. Пругая крайность — видеть в Лемосфене продажного политика. платного агента Персии. Большинство историков, в том числе и те. кто полон восхищения Демосфеном, рассматривая этот вопрос в более спокойном тоне, склонны верить древним, но при этом делает разъяснения, имеющие целью оправдать оратора. Прежде всего Указывается, что персидские деньги Демосфен потратил на пользу Фивам, чтобы помешать пелопоннесцам прийти на помощь Александру; деньги же Гарпала Демосфену были нужны для подготовки

войны с македонским царем: для набора наемников на мысе Тенар для организации обороны Афин и для дипломатических переговоров относительно афинских клерухов на Самосе. И если Демосфена и можно в чем-то упрекнуть, то только в неосторожности, поскольку он не поставил экклесию в известность о своих действиях.

Отмечается, что о Демосфене не следует судить исходя из критериев иных эпох. Общественное мнение того времени вполне допускало получение денег и иных даров от иностранных правителей. Если Демосфен брал деньги, то не из корыстолюбия, и на этом основании применительно к нему нельзя говорить о взятках, продажности, подкупе и предательстве. Деятельность этого политика, человека высоких моральных качеств, ни в коей мере не определялась соображениями корыстолюбия и благодарности.

Мне более всего импонирует трезвый взгляд М. Финли (сказанное им в равной мере относится и к Демосфену, и к Эсхину, о котором речь впереди). В своей книге «Политика в античном мире» знаменитый исследователь обращается к теме коррупции как одному из аспектов политической жизни, который постоянно привлекал внимание античных писателей. Достаточно прочитать речи Демосфена и Эсхина, произнесенные ими друг против друга. «Такие обвинения находятся полностью вне нашего контроля. Единственное, что мы можем сказать, — они не могут быть или все верными, или все необоснованными». Вместе с тем несомненно, что цари Персии и Македонии были готовы щедро тратить золото ради своих интересов в Греции, равно несомненно и то, что некоторые политические лидеры принимали предложенные им дары, но М. Финли не видит другого пути определить истинность или ложность таких обвинений, чем неприемлемое суждение об его морали (Финли, 1983. С. 83).

Подводя итоги, очевидно, можно сказать, что группировка Демосфена по своим позициям и взглядам отличалась не только от радикальных демократов, но и от более умеренной группировки Ликурга. Основные черты политической концепции этой группировки: глубокая неудовлетворенность существующим в Афинах положением, определенная ориентация на прошлое, резкая вражда к радикально-демократическим деятелям. Недовольство у Демосфена вызывают суды и меры, направленные против богачей. Видимо, часть состояния Демосфену и его ближайшим друзьям принесли торгово-ростовщические операции, которые давали богатство, отно-

сящееся к категории так называемого «невидимого имущества», менее связанного с традиционной структурой полиса. (Динарх. Против Демосфена, 70).

Демосфен принадлежал к типу «новых политиков», которые появляются на политической арене Афин в годы Пелопоннесской войны, придя на смену политикам-аристократам. Место лидеров типа Перикла заняли люди типа Клеона. Конечно, есть значительная разница между Демосфеном и Клеоном, но с точки зрения социальной типологии они, в сущности, принадлежали к одной и той же разновидности политических деятелей. Основное их отличие от более ранних политиков в том, что их благосостояние основывалось на ремесле (владение ремесленными мастерскими, в которых работали рабы) и торговле, тогда как богатство аристократов имело своим источником крупные земельные владения.

Богатство семьи Демосфена создал его отец, возможно, в результате хлебной торговли с Боспором. Матерью Демосфена была Клеобула — дочь известного Гилона, обвиненного в передаче Нимфея правителю Боспора. Неоднократно посещая Боспор, Демосфен-отец мог там познакомиться со своей будущей женой. По мнению К. Моссе, опираясь

на поддержку тестя, который занимал важное место в окружении боспорского правителя, он сумел нажить весьма значительное состояние. Затем, как бывало тогда в Афинах, отказался от тяжелого и опасного занятия морской торговлей, на заработанные средства приобрел две мастерские и жил за счет труда рабов, занятых в них. Однако он не прервал старых связей, но теперь уже участвовал в торговле путем денежных займов, предоставляя деньги под высокие «морские проценты» (рис. 14).

Хотя совершенно бесспорных свидетельств нет, но в высшей степени вероятно, что Демосфен-сын, подобно своему отцу, также был вовлечен в хлебную торговлю, используя унаследованные связи с Боспором. Выступая

Рис. 14. Золотая монета Пантикапея - столицы Боспорского царства, с изображением Пана. Около 350 г. до н. э. [Boardman J. Greek Art. London, 1996. P. 1911

против Лемосфена на суде по делу Гарпала. Гиперид указывает, что Лемосфен наживается на морских операциях и дает ссуды под залог кораблей или грузов (Гиперид. Против Демосфена. XVII). Это же угверждает и Плутарх (Плутарх, Демосфен и Циперон, Сопоставление. 52). Динарх называет Демосфена «богатейшим человеком в городе» (Линарх. Против Демосфена. 111). Гиперид ссылается на его большое богатство (Гиперид. Против Лемосфена, XXII). Именно по предложению Демосфена были предоставлены гражданские права торговцам Хэрефилу, Фидону, Памфилу и Фидиппу, трапезитам Эпигену и Конону. По предложению Демосфена ставятся на афинской агоре статуи боспорского правителя Перисада и его сыновей Сатира и Горгиппа (там же). Видимо, можно считать, что и по происхождению, и по состоянию. и по связям Демосфен принадлежал к определенному кругу людей, занимавшихся торгово-ростовшическими операциями («человек эмпория», по определению К. Моссе). Отсюда и личная заинтересованность в такого рода операциях (заметим, кстати, что у него был дом в Пирее). Демосфен к концу жизни был одним из богатейших граждан Афин. Помимо прямых данных источников (они собраны в исследовании Дэвиса), об этом свидетельствуют и многочисленные литургии Демосфена (около полутора десятков) и другие траты в пользу государства.

Вместе с тем Лемосфен и его группировка решительно настроены против Макелонии и готовы бороться с ней ло конца. Лемосфен. во всяком случае, заплатил за свои убеждения и деятельность жизнью. Естественен вопрос: почему Демосфен и его сторонники так активны были на первом этапе борьбы и почему их активность так резко пошла на убыль после начала похода Александра на Восток? Не подлежит сомнению, что значительную часть царствования Александра Демосфен придерживался выжидательной политики, даже во время выступления спартанского царя Агиса не изменив своей позиции, и согласился признать македонского царя богом. В то время когда все лакедемоняне выступили в поход, ахейцы и элейцы тоже участвовали в общем деле, когда Александр был в Индии и вся Эллада, недовольная сложившимся положением вещей, с радостью ждала перемены в тогдашних бедах, — каким показал себя тогда Демосфен? — спрашивает Динарх. «Подал какой-нибудь совет? Достал деньги? Или в малом чем оказался полезен для людей, действовавших ради общего спасения? Ничего подобного. Напротив, ты болтался безо всякого дела... У себя дома ты пописывал письма и, позоря честь нашего города, прогуливался, небрежно помахивая своей писаниною. Он роскошествовал среди несчастий города. Он на носилках проделывал путь до Пирея и при этом еще поносил злоключения бедняков» (Динарх. Против Демосфена. 34-36). Историки весьма единодушно считают, что Демосфен в эти годы фактически отстранился от политики, объясняя это его осторожностью, обусловленной обстановкой, которая не благоприятствовала открытой борьбе. В принципе такое объяснение имеет право на существование, хотя обстановка из-за восточного похода Александра, возможно, была как раз более благоприятной для борьбы, чем в годы правления Филиппа. Однако, как мне кажется, не исключено и другое объяснение.

Политика Филиппа была ориентирована (наряду с другими целями) и на то, чтобы поставить под свой контроль морские торговые пути, по которым хлеб с Боспора Киммерийского поступал в Аттику. Агрессия Филиппа была направлена в том числе и на Фракийский Херсонес, Византии, Перинф, т. е. она непосредственно угрожала важнейшим торговым путям Афин, связывавшим их с Черным морем, что было опасно не только для полиса в целом, но и для деловых интересов граждан круга Лемосфена. Узкогрупповые и личные интересы совпадали тогда с интересами основной массы афинских граждан. Однако после 336 г. до н. э. ситуация изменилась: Александр ушел на Восток, македонское владычество не представлялось смертельно опасным. Более того, именно на время Александра приходится краткий экономический подъем Афин. Выжидательная политика Лемосфена, объективно совпадавшая с политикой Ликурга. диктовалась иными, менее принципиальными мотивами (во всяком случае, отчасти). Уже давно отмечалось, что свою речь в зашиту Ктесифонта Лемосфен посвятил в основном зашите своей деятельности в 346-338 гг. до н. э., лишь очень бегло коснувшись времени после Херонеи, хотя сам характер процесса требовал как раз обратного. Возникает подозрение: не были ли обвинения Эсхина хотя бы отчасти обоснованными и справедливыми?

Отсутствие непосредственной опасности полису, возможность получать выгоду благодаря оживлению экономической деятельности заставили Демосфена и его сторонников более терпимо относиться к македонской гегемонии. В эти годы оратор, возможно, занимался главным образом своими делами. Не отсюда ли прежде всего колебания, склонность к уступкам, поиск компромисса?

Высказанные соображения грешат, возможно, некоторой прямолинейностью, в них исчезают какие-то более тонкие оттенки и основаны они на отрывочном материале, на суждениях политических противников. Поэтому картина, базирующаяся на таких источниках, неизбежно включает элементы гипотетичности, но все же конечный вывод представляется возможным и потому имеющим право на существование.

5. Социальная демагогия: Демосфен против Мидия

В основу лекции положен анализ речи Демосфена «Против Мидия о пощечине» — одной из немногих судебных речей, написанных оратором для себя самого. Случилось так, что во время празднования Великих Дионисий его давний недруг Мидий в театре, в присутствии зрителей, дал пощечину Демосфену, добровольно выполнявшему обязанности хорега своей филы Пандиониды, когда тот ожидал появления хора. В ответ Демосфен возбудил дело против обидчика, оно рассматривалось на специальном заседании народного собрания, и Мидия осудили, но требовалось вторичное осуждение в гелиэе, где спор шел о мере наказания. Данная речь и предназначалась для произнесения в гелиэе, однако этого не произошло, так как Демосфен предпочел пойти на компромисс и получить за моральный и физический ущерб компенсацию в размере 30 мин. Дело прекратили, речь же была опубликована, хотя, вероятно, не самим Демосфеном, между 350 и 347 гг. до н. э. Враг Демосфена Эсхин, естественно, осуждал его за отказ продолжить процесс и считал, что Демосфен предал интересы народа. Думается, что определенные резоны у Эсхина для подобного утверждения имелись, учитывая, сколько раз в тексте речи Демосфен клянется не предавать интересы народа и довести дело до конца. Плутарх отказ Демосфена продолжить судебное преследование Мидия объясняет иначе. Демосфен, судя по его словам, человек злопамятный и, конечно, не удовлетворился бы суммой в 30 мин, но он был еще молод (по подсчетам Плутарха, ему тогда было 32 года), еще не известен в полисе, а Мидий защищен «своим богатством, красноречием и дружескими связями». Выиграть процесс в такой обстановке было очень трудно, и Демосфен решил не искушать судьбу (рис. 15).

Речь «Против Мидия» выделяется из числа других: в ней, как ни в какой другой речи Демосфена, очень резко звучит критика богатства и богатых и сильны антиплутократические мотивы, в общем ему не свойственные. Несмотря на все попытки предстать перед аудиторией человеком равно далеким от богатых и бедных, пекущимся только об общем благе полиса и его граждан, Демосфен все же выражал в первую очередь

Рис. 15. Дионис с танцующими Менадами и юношами. Рисунок на вазе. Около 530 г. до н. э. [Boardman J. Greek Art. London, 1996. Pict, 92]

интересы богатых (тема богатых и бедных в речах Демосфена рассмотрена в книге Ф. Ванние), в нем срабатывал, так сказать, инстинкт собственника, что и неудивительно, учитывая его состояние. (Согласно выводу Дж. К. Дэвиса, основанному на анализе исчерпывающей сводки источников, к концу жизни Демосфен был одним из богатейших граждан Афин.) Возникает вопрос о причине подобной позиции оратора в этой речи, о правдивости его аргументации и степени соотнесения ее с действительностью (насколько это возможно уяснить из наших источников).

Обратимся к самой речи. Едва ли не главная цель ее — доказать, что совершенное Мидием — это преступление, которое к тому же носит не частный, а государственный характер, поскольку хорег, надевая венок перед началом состязаний, становится официальным лицом. Более того, преступление Мидия — святотатство, так как совершено во время праздника в честь Диониса и соревнование — часть священнодействия. Подобный подход к преступлениям против личности был явлением достаточно обычным в Афинах, хороший пример дает речь «Против Лохита», написанная Исократом и относящаяся ко времени вскоре после падения тирании тридцати. Как принято в то время (да и не только тогда), объектом речи является не один конкретный случай, но и вся предшествующая жизнь подсудимого, частная и общественная, его моральный облик и политическое лицо.

Основное место в речи, естественно, занимает характеристика Мидия, но также и его друзей. Демосфен сразу же, с первой фразы

и весьма решительно, обозначает свою позицию, задавая тон всей речи: «Как я полагаю, граждане судьи, всем вам, равно как и остальным гражданам, хорошо известны та наглость и насильственный образ действий, которые всегда и по отношению ко всем свойственны Мидию» (сам факт оскорбления насилием Демосфена Мидием был, по словам оратора, зафиксирован решением экклесии). Эта основная идея в дальнейшем развивается и углубляется, снабжается доказательствами, ставится в связь с обстановкой в Афинах, затем выявляются люди, лумающие и действующие так же, как Мидий. объясняется, в чем опасность таких людей для полиса, и намечаются средства борьбы с той угрозой существующему строю, какую являют собой Мидий и его единомышленники. В характере Мидия отмечаются только отрицательные черты, которые в огромном числе рассыпаны по всей речи, оратор вновь и вновь повторяет их, нагнетая впечатление. Лемосфен, по его словам, составил перечень преступлений Мидия, «они весьма разнообразны и представляют собой множество насильственных действий и по отношению к родственникам — злодейство, и по отношению к богам кошунство» (Демосфен. Речи. XXI. 130). Оратор собирается сообщить «о множестве... скверных проделок этого неголяя, о его наглых поступках по отношению ко многим из вас, о многих его опасных и дерзких действиях» (Демосфен. Речи. ХХІ, 19), он обращает внимание аудитории на разнузданность и жестокость этого человека по отношению к окружающим (Демосфен. Речи. XXI, 88). Мидий — «человек наглый, бесстыдный» (XXI, 2), «жестокий и бессердечный» (XXI, 97), «разнузданный и мерзкий» (XXI, 98), «нечестивый и мерзкий» (XXI, 114), «низкий, наглый и грубый, который и сам ничтожество, и происходит от ничтожных людей» (XXI, 148). Он всегда поступает как «богопротивный и мерзкий человек» (XXI, 197), не уважает «ни праздника, ни религии, ни законов» (XXI, 97), он исполнен такой наглости, что угрожает самому народу Афин, «и если ему не удавалось втоптать в грязь целую филу, весь Совет, весь народ, напасть сразу на многих из вас, присутствующих здесь, то он находил свою жизнь невыносимой» (XXI, 131). В его душе превалирует «варварское начало». Презрение Мидия к рядовым гражданам постоянно подчеркивается Демосфеном. «Ты всем угрожаешь, всех преследуешь», — так обращается Демосфен к Мидию (XXI, 135). За такой его образ жизни люди питают к Мидию ненависть.

Не ограничиваясь такими, в общем, голословными обвинениями, Демосфен приводит и конкретные примеры. Один из них — рассказ о том, как жестоко и бессердечно поступил Мидий со Стратоном, человеком бедным и порядочным, принимавшим участие во всех военных походах. Доблести Стратона противопоставляется трусость Мидия, который лишил его гражданской чести. О вероломстве и лицемерии Мидия свидетельствует дело Аристарха, которого тот во время заседания Совета назвал убийцей, но в тот же день, придя к тому домой, уверял его в своей дружбе.

Демосфен считает Мидия крайне опасным для афинян. Благодаря своему богатству он может многих подкупить, развращая тем самым общественную мораль. Он подкупил и тем развратил судей, которые не присудили филе Демосфена заслуженную победу во время тех самых Дионисий, когда Демосфен подвергся избиению Мидием. Однако важнее другое: многие афиняне, даже обиженные Мидием, боятся не только выступить против него, но даже предстать перед судом в качестве свидетелей. Он исполнен такой наглости, что угрожает самому демосу Афин. Демосфен ссылается на недобрые чувства Мидия, «питаемые им против большинства из вас», насилие Мидия обрушивается на самых бедных и слабых граждан, они — «мусор, нищие, вообще нелюди».

«Почему Мидий позволяет себе такое поведение?» — задает вопрос Демосфен и называет несколько причин, но на первое место ставит богатство. Люди боятся «насилий, которые он творит, его неугомонности, его богатства, которое придает ему уверенность в своей силе и заставляет других с опаской относиться к этой презренной личности» (Демосфен. Речи. XXI, 137). Наглость поведения неотделима от богатства: «Я лично вижу только дерзкие и наглые поступки, на совершение которых воодушевляет его богатство и жертвами которых становятся многие из нас. простых людей» (Демосфен. Речи. XXI. 159): кстати, следует обратить внимание на то, как Демосфен отождествляет себя с «простыми людьми», используя местоимение «мы». Мидий «богат, дерзок, высокомерен, громогласно криклив, груб и бесстылен» (XXI, 201), лишившись же богатства (в случае конфискации имущества по решению суда), он уже не сможет принести столько зла: «Будучи негодяем и насильником, он благодаря... богатству находится как бы за стеной и чувствует себя в безопасности... Но когда он лишится состояния, он... перестанет вести себя нагло» (XXI, 138).

Главная опасность для демоса состоит, по мнению оратора, не в самом Мидии, а в том, что вокруг него объединились люди, похожие на него. Они отличаются бестыдством, называя одних людей нищими, других — отбросами общества, а третьих вообще за людей не считают. «Между большинством народа и богачами не существует равенства,... его нет совершенно, оно отсутствует!» (XXI, 112). Как утверждает Демосфен, создался своего рода союз богатых в защиту Мидия: «многие богатые люди... достигшие известного влияния благодаря своему богатству, вступили в сговор» (XXI, 213). Если эти люди станут господами положения в государстве и простой человек с демократическими взглядами предстанет перед судом, то ему придется услышать в суде: «Глядите... на эту жалкую личность! Он еще дерзит, он еще дышит!.. Да если ему оставят жизнь, пусть радуется! (XXI, 213).

Итак, как хочет доказать Демосфен, его конфликт с Мидием имеет общественный характер, и не только потому, что оскорбление действием было нанесено хорегу во время праздника, но и потому, что Мидий представляет собой воплощение, образец определенного социального типа — наглого богача, нарушающего все нормы жизни полиса. Более того, остальные богачи объединились, чтобы спасти Мидия. Это сообщество богачей враждебно демосу, и если они смогут диктовать свою волю, то положение рядовых афинян станет совершенно невыносимым. Единственное средство противостоять этой угрозе — объединение простых, бедных афинян против плутократов. Расстановка сил в экклесии, как заявляет с самого начала оратор, такова: нарол и Лемосфен противостоят Милию и некоторым другим поддерживающим его лицам, которые характеризуются только одним признаком — они богаты (Демосфен. Речи. XXI, 2). Первым шагом на этом пути станет поддержка Демосфена в его борьбе против Мидия, поскольку он — единственный из ораторов, кто защищает демос, тогда как все остальные ораторы — «люди бесстыдные, обогатившиеся за ваш счет» (Демосфен. Речи. XXI, 189 сл.). Защищая его, демос (по логике Демосфена) тем самым защищает и себя. Вместе с тем, как отмечалось в научной литературе, речь «Против Мидия» представляет основной текст в создании Демосфеном собственного образа благодетеля граждан и героя-демократа.

Если в отношении любого источника встает вопрос о степени его достоверности, то тем большей осторожности требует судебная речь,

написанная истцом против обвиняемого. В литературе довольно давно утвердилась традиция отдавать предпочтение свидетельствам Демосфена. Эта традиция находит свое выражение и в том, что многие современные исследователи или полностью соглашаются с той характеристикой, которую Демосфен дал Мидию, или по принципу «нет дыма без огня» полагают, что хотя у Демосфена и есть определенные преувеличения, но суть передана верно. Кроме того, необходимо помнить о некоторых особенностях афинского судопроизволства, которые позволяли обвинителю быть довольно своболным в изложении дела, на что обращали внимание сами ораторы. Для иллюстрации сошлемся на характерное утверждение оратора Гиперида, который в «Первой речи в защиту Ликофрона» так сравнивает положение обвинителя и обвиняемого: «На процессах обвиняющие имеют много преимуществ в сравнении с привлеченными к суду. Первые, ввиду того что процесс не грозит им никакой опасностью, говорят что бы ни захотели и клевещут, а те, кого судят, вследствие боязни забывают сказать многое даже из того, что сделано ими. Далее, обвинители, поскольку они получают первое слово, говорят не только то, что имеется у них по праву относящееся к делу, но, состряпав ложные наветы против обвиняемых, наносят ущерб делу защиты» (8-9). О клевете как обычной норме в выступлениях обвинителей говорит и Ликург в речи «Против Леократа» (13). Итак, в какой степени справедливы обвинения Демосфена, высказанные в адрес Мидия? Прежде всего, что мы знаем о Мидии? Помимо сведений, сообщаемых Демосфеном, имеются также другие источники (нарративные и эпиграфические), содержащие определенную информацию о нем.

Заметим, что враждебные отношения между Демосфеном и Мидием установились еще в то время, когда брат Мидия, Фрасилох, начал процесс против Демосфена по обмену имуществом (в связи с делом об опекунах оратора). Фрасилох и Мидий ворвались в дом Демосфена и вели себя так возмутительно, что тот подал в суд на Мидия по обвинению в словесном оскорблении и добился его заочного осуждения (поскольку тот на суд не явился).

Мидий происходил из семьи в Афинах достаточно известной. Отец его Кефисодор из дема Анагирунт исполнял обязанности триерарха, а его старший брат, Фрасилох, по крайней мере дважды был триерархом; есть документы о возобновлении им аренды двух

рудников в Лаврионе, он владел мастерской и, возможно, идентичен тому Фрасилоху, который дал взаймы с процентами Аполлодору 30 мин для выплаты жалованья матросам под залог земельного участка (Псевдо-Демосфен. L, 13).

Несколько больше источники сообщают о самом Мидии, которого анонимный автор «Содержания» XXI речи определяет как «одного из политических деятелей того времени... обладавшего большим влиянием и очень богатого». Как и отец, и брат, он, несомненно, принадлежал к числу 1200 граждан, составлявших морскую симморию, выполняя обязанности триерарха не менее трех раз (І G, II2, 1612, 1. 291); взял на себя обязанности триерарха во время Эвбейской кампании (по словам Демосфена, он не принимал участия ни в первых, ни во вторых добровольных пожертвованиях и объявил о своем даре только тогда, когда Совет вынес предварительное решение, чтобы все оставшиеся всадники выступили в поход. Испугавшись предстоящего похода, он подарил государству триеру. (Демосфен. XXI, 160 сл.). Открытым голосованием он был выбран казначеем на корабль «Парал», упоминая о чем, Демосфен перечисляет и другие посты, которые Мидий занимал до начала процесса: гиппарх (одновременно с триерархией), попечитель мистерий, гиеропей, скупщик жертвенных быков и «другие подобные должности» (Демосфен. ХХІ, 171). Был он также хорегом трагического хора (там же, 156), осенью 340 г. до н. э. избран одним из пилагоров и отправился в Дельфы, где его поразила лихорадка (Эсхин. III, 115).

Несомненно, часть его собственности заключалась в землях, находившихся в районе разработки рудников. Кроме прямых указаний на то, что Мидий перевозил «строительный материал и бревна для креплений в свои серебряные рудники» наряду с кольями для виноградника и скотиной (Демосфен. XXI, 167), об этом же свидетельствуют эпиграфические документы, а именно надпись, вероятно, 342/1 г. до н. э., где он выступает как один из собственников земли в горнодобывающем районе v Суниона и в Лаврионе (IG, II2, 1582, 11, 44, 82); по-видимому, он же назван как арендатор в другой надписи, датируемой серединой IV в. до н. э.

В чем обвиняет Мидия Демосфен? Среди тех пороков, которые носят более личный характер, перечислено несколько, сводящихся к тщеславию, показной роскоши. Однако представляется, что здесь нет ничего, что отличало бы Мидия от других состоятельных афи-

нян, таким образом выражавших свою социальную значимость. Напомним, что ни один источник, где говорится о Ликурге, не обошел молчанием подчеркнутую скромность его в быту как нечто выделяющее его из окружения и расходящееся с устоявшимся стереотипом поведения. Не будем ходить далеко за примерами. Демосфен упоминает о доме Мидия в Элевсине, но он сам имел два дома — в Афинах и Пирее (Динарх. I, 69). Оратор говорит о роскошных одеждах Мидия, но его самого упрекали в том, что его одежды невозможно отличить от женских, что он роскошествовал и путь до Пирея проделывал на носилках (там же, 36). В литературе того времени нередко отмечается, как то или иное лицо старалось поразить окружающих своей утварью из золота и серебра, так что и в этом Мидий не отличался от других богачей. Обычай сопровождать значительное лицо (еще один упрек) — нечто вроде одного из правил хорошего тона. Тогда уже понимали, что богатство влечет определенные нормы поведения и накладывает отпечаток на характер его владельца. Вот что писал весьма проницательный современник, а именно Аристотель: «Что касается характера, который связан с богатством, то его легко видеть всем: [обладающие им люди] высокомерны и надменны, находясь в некоторой зависимости от богатства... Они склонны к роскоши и хвастовству — к роскоши ради самой роскоши и ради выказывания своего внешнего благосостояния; они хвастливы и дурно воспитаны» (Аристотель. Риторика. II, 1390b 30-1391a 15).

/, Социальная демагогия: Демосфен против Мидия

Если перейти к более конкретным обвинениям Мидия в нечестивых поступках и нанесении вреда отдельным гражданам (Стратону, Аристарху и др.), то за недостатком места отметим только, что Демосфен говорит о них весьма сумбурно и так кратко, что понять существо дела невозможно (не рассчитывал ли оратор на осведомленность аудитории?). Самое главное обвинение касается поведения Мидия в событиях, связанных с тираном Эретрии на Эвбее Плутархом, проксеном которого был Мидий (в позиции Демосфена и Мидия по отношению к событиям на Эвбее помимо старой вражды отчетливо проявились их политические расхождения). В сущности, он винит Мидия в том, что, пользуясь своим влиянием в городе, тот Действовал прежде всего в своих интересах, — упрек, справедливый применительно ко многим политикам.

Следовательно, вопреки утверждениям Демосфена, Мидий — отнюдь не исчадие ада, а типичный представитель своего слоя. Он не

был столь богат, как пытался представить Демосфен, а относился скорее ко «второму эшелону» (он не входил в число богатейших граждан Афин, согласно Лемосфену, и никогда не стал главой симмории по уплате эйсфоры «наравне с самыми богатыми людьми» (Лемосфен. XXI, 157). В соответствии с нормами и нравами своего «класса» он и вел себя, выполняя триерархии и другие литургии и активно участвуя в общественной и политической жизни родного полиса. Очевидно. Мидий пользовался определенным авторитетом как политик. Так. Эсхин. рассказывая о совместном посольстве в Дельфы, замечает: «Вы избрали пилагорами (наряду с двумя другими гражданами. — Л. М.) всем известного Мидия из дема Анагирунт» (Эсхин, III, 115). Он занимал ряд достаточно важных постов в городе, в том числе таких, которые получали путем голосования (а не по жребию), что говорит об его авторитете. Одним из условий успешной политической деятельности было умение говорить, и Мидий обладал даром речи. Он принадлежал к числу сторонников Эвбула, через него познакомился с Эсхином, который, в свою очерель. в течение многих лет был дружен с Фокионом. — тем самым Милий оказался в кругу лиц, важных на политической сцене Афин. Подобно своему брату. Фрасилоху, он занимал антимакелонскую позицию. что, как кажется, определялось характером его собственности и деятельностью по разработке серебряных рудников, являясь, как и другие рудничные предприниматели, врагом Филиппа. Источники свидетельствуют, что еще в течение двух поколений семья Мидия сохраняла свое состояние.

Перейдем теперь к тем, кто поддерживал Мидия, к его друзьям и сторонникам. Таковых поименно удалось насчитать семь: Блепей, Тимократ, Полиевкт, Филиппид, Мнесархид, Диотим, Неоптолем. Ими не ограничивались сторонники Мидия, так как Демосфен неоднократно обращает внимание слушателей на то, что он назвал не всех, «к ним надо добавить еще некоторых других», кроме них есть «и еще кое-кто из очень богатых людей», «многие богатые люди» (Демосфен. XXI, 2, 139, 208, 213, 215).

Начнем со стоящего несколько особняком Блепея — весьма любопытной фигуры, гражданина, трапезита, богача. Демосфен упоминает Блепея (уточняя, трапезита) как человека, который обратился к нему в народном собрании с просьбой о прекращении дела против Мидия, а когда оратор, испугавшись крика возмущенных афинян,

бежал, «потеряв плащ и оказавшись полуголым, в одном хитониске», «этот человек тащил меня, схватив за одежду», — такую живую картинку рисует Демосфен (XXI, 215 сл.). Блепей появляется еще в одной речи корпуса Демосфеновых речей: по словам одного из участников процесса против Беота, он «занял вместе с отцом у трапезита Блепея 20 мин для приобретения права на разработку рудников» (XL, 52). Блепей, сын Сокла, зафиксирован также в одной из надписей в числе лиц, взявших контракт на строительство храма в Элевсине в 30-е гг. IV в. до н. э. (I G, II2, 1675,1.32), причем его идентичность с «нашим» Блепеем подтверждается занятием его отца, тоже трапезита (профессия, как правило, наследственная) (Демосфен. XXXVI, 29). Богачом он назван во фрагменте одной из комедий Алексида (Афиней. VI, 241с).

Социальная демагогия: Демосфен против Мидия

В числе ходатаев за Мидия выступили также Тимократ, сын Антифонта, из дема Криоа, и его сын, Полиевкт. О принадлежности Тимократа к «литургическому классу» свидетельствует его триерархия и синтриерархия на кораблях «Сойдзуса» и затем «Дорис» (IG, II², 1609, 11. 83, 89-90), но еще более показательно для его имущественного положения участие в Олимпийских играх, где он победил как владелец колесницы (IG, II², 3127).

Считают, следуя Демосфену, что одним из источников его богатства была политическая деятельность: «Он издавна известен всем как человек, за деньги составляющий псефисмы и предлагающий законы» (Демосфен. XXIV, 66). Сам Демосфен, бросив такое обвинение, тем не менее не привел ни одного примера, кроме того закона, который Тимократ предложил, чтобы спасти своего друга Андротиона. Кстати, Демосфена также неоднократно обвиняли в том, что он сочиняет законы и псефисмы за деньги (Гиперид и Динарх, оба в речах «Против Демосфена»).

Заметной чертой карьеры Тимократа является тесное сотрудничество с Андротионом, с которым его связывала и личная дружба. Он входил в коллегию, которая под руководством Андротиона занималась храмовыми сокровищницами, причем как человек алчный и невежественный, он действовал таким образом, что, говоря словами Демосфена, «уничтожив символы славы» (венки), «сотворил символы богатства» (фиалы) (Демосфен, XXIV, 176 сл., 182-184). Они оба были членами коллегии десяти, созданной для сбора недоимок по эйсфоре (там же, XXIV, 111, 160-166). Тимократ предложил

Лекиии

закон, чтобы спасти от тюрьмы своего друга, оказавшегося среди послов к Мавсолу, которых привлекли к ответственности, поскольку они задолжали казне деньги, полученные от продажи груза (украли большие суммы денег и держали их у себя долгое время, как комментирует Демосфен — XXIV, 112). Здесь не место излагать все обстоятельства этого громкого дела (послы захватили судно, везшее груз из Египта, продали его, но деньги не передали в государственную казну, как положено, а разделили между собой; к тому же за год набежали проценты, равные первоначальной сумме), отметим только, что именно в связи с обсуждением закона Тимократа Демосфен написал для Диодора речь «Против Тимократа», которую тот произнес, вероятно, в 353 г. до н. э.

Помимо юридических аргументов, автор речи прибегает и к чисто демагогическим приемам (впрочем, весьма обычным в то время), стремясь доказать, что закон подрывает демократический строй. Эта речь, как и другая, связанная с Андротионом (а именно речь «Против Андротиона о нарушении законов»), — отражение острой политической борьбы, происходившей тогда в Афинах, в том числе и относительно эйсфоры, методов распределения этого налога и его сбора.

Тимократ и Андротион обвиняются в преступном поведении, более разнузданном, чем в любом олигархическом государстве. Они настолько превзошли своей жесткостью тридцать тиранов, что, «являясь политическими деятелями демократического государства, превратили собственный дом каждого афинского гражданина в тюрьму», «стали заковывать в цепи и тяжко оскорблять людей, являющихся гражданами», «применяли такие меры наказания, которые направлялись против личности человека, — как будто имея дело с рабами!» (там же, XXIV, 164-167). Что касается личности Тимократа, то Демосфен называет его хаλо́ς х'αγαθός, явно иронизируя над его претензией принадлежать к «лучшим людям».

В поддержку Мидия Тимократ выступил вместе с сыном, Полиевктом (там же, XXI, 139), который сохранил отцовскую связь с Андротионом, как показывает его поправка к декрету, предложенному последним в 347/6 г. до н. э. (IG, II², 212, II. 65 сл.). Известно также, что в начале 20-х гг. IV в. до н. э. он помогал богачу Фениппу в знаменитом деле об обмене имуществом (Псевдо-Демосфен. XLII, 11). Итак, есть основание считать, что Тимократ принадлежал к старой и,

несомненно, богатой фамилии, как и сын, активно участвуя в жизни демократических Афин. Их политические симпатии трудно определить более точно.

Следующая фигура среди союзников Мидия — Филиппид, сын филомела, из дема Пеания, происходил из знатной и весьма состоятельной семьи, одним из источников богатства которой стали разработки серебряных рудников. Судя по названию в IV в. до н. э. нескольких мест, где находились рудники, полагают, что у начала их освоения стоял Филомел, прадел Филиппида. В дружеских отношениях с Милием находился его внук, тоже Филомел (отец «нашего» Филиппила), именно на его лошали выезжал в торжественных процессиях как гиппарх Мидий. «богач и шеголь», который сам «не решился купить себе коня» (Демосфен. XXI. 174). Его имя встречается в одной из речей Лисия. Исократ говорит о нем как друге обвинителя трапезита Пасиона, посланном к последнему требовать возвращения денег, отданных ему на хранение сыном боспорянина Сопея, и как об одном из своих последних учеников. Судя по ряду надписей, он несколько раз выполнял обязанности хорега во время праздника Таргелий и не менее пяти раз — триерарха и синтриерарха, а также, как сказано в декрете Стартокла (IG, II²). 649), и другие литургии.

Нас больше интересует его сын, Филиппид, поскольку именно он назван как лицо, выступившее в защиту Мидия вместе с Мнесархидом, Диотимом, Неоптолемом и «другими подобными им богачами и триерархами» (Демосфен. ХХІ, 208 сл., 215). Из надписей известно, что он несколько раз исполнял обязанности триерарха и синтриерарха; как наследник отца был осужден за неуплату долга, возможно, связанного с оснасткой корабля. Хорег, стратег на флоте, архонтбасилев, агонофет, он также участвовал несколько раз в посольствах и выполнял другие обязанности. Из этого ясно, что деятельность его на благо полиса была активна, разнообразна, требовала больших затрат, и за свои заслуги перед демосом Филиппид награждался золотым венком, статуей на агоре, ему даруется проедрия на всех агонах и др.

Мы уже упомянули о Мнесархиде среди «богачей и триерархов», которые намерены, по словам Демосфена в речи «Против Мидия», предназначенной для оглашения в гелиэе, добиваться пощады Мидия (XXI, 208 сл.). Но еще ранее, судя по замечанию того же Демосфена,

«кое-кто из очень богатых», в том числе и Мнесархид, во время заседания экклесии умоляли о прекращении дела, однако народ ответил криками, требуя осуждения Мидия, «резко, гневно и с возмущением» выступив в защиту оратора (Демосфен. XXI, 215).

О жизни Мнесархида, сына Мнесархида, из дема Галы Арафенские, известно очень мало. Он был по крайней мере дважды триерархом, что ставит его в ряды богатых людей, подтверждая тем самым правдивость Демосфена. Возможно, именно этот Мнесархид назван в речи «Против Феокрина» Корпуса Демосфеновых речей ([LVIII], 32).

Настала очередь обратиться к Диотиму, сыну Диопифа, из дема Эвонимон, отпрыску одной из самых знатных и богатых семей Афин. Известно по крайней мере шесть поколений ее членов. Отсылая за сведениями о них к книге Дэвиса (АР, 1971. № 4386), отметим только, что представители ее занимали в полисе важные посты и неизменно придерживались демократической ориентации, например, Стромбихид, непримиримый враг олигархии, погиб при тридцати тиранах (Лисий. XIII, 13; XXX, 14).

Диотиму принадлежало заметное место в истории Афин того времени. Эпиграфические источники сообщают, что он был крупным предпринимателем, занятым добычей серебра. Начиная с 350 г. до н. э. Диотим (единственный из трех сыновей Диопифа) неоднократно присутствует в документах как арендатор рудников и собственник земли и мастерских по переработке руды в районе Лавриона. Очевидно, та часть собственности, которая находилась здесь, была унаследована им от отца, имевшего землю и владевшего мастерской по переработке руды в Лаврионе, и стала основой его богатства.

Антимакедонская позиция и деятельность Диотима были неизменны и активны, в чем источники единодушны. Об этом говорит автор Псевдоплутарховой биографии Демосфена, называя Диотима среди тех лиц, совместно с которыми Демосфен противостоял Филиппу (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 844F), но гораздо ценнее свидетельства современных ему документов: он выступает одним из поручителей за корабли для Халкиды в 340 г. до н. э., подарил щиты полису после битвы при Херонее, за что был увенчан; стратег в 338/7 и в 335/4 гг. до н. э., когда возглавил экспедицию против пиратов по инициативе Ликурга и после успешного завершения ее получил почести от народа, тоже по предложению Ликурга. Лио-

тим дважды назван в числе синтриерархов. Он оказался среди тех видных граждан — врагов Македонии, выдачи которых потребовал осенью 335 г. до н. э. Александр, сын Филиппа. Самое позднее известие о нем связано с его деятельностью как стратега по организации доставки зерна в Афины, испытывавшие его недостаток. О смерти Диотима упоминается в одном из писем Демосфена, где он характеризуется как один «из числа людей, преданных народу» (Демосфен. Письма. III, 31).

Итак, вряд ли будет большой ошибкой утверждать, что Диотим — один из наиболее известных и богатых афинян своего времени, богатство его основано на владении землей в районе серебряных рудников и их разработке. Он занимал самые ответственные посты в полисе, в соответствии с семейными традициями был сторонником демократии и патриотом, решительным и последовательным противником Макелонии.

Последний из названных Демосфеном друзей Мидия — Неоптолем, сын Антикла, из дема Мелита. Предки его зафиксированы еще в конце VI в. до н. э., имя одного из них, тоже Антикла, стратега 470 г. до н. э., сохранил Фукидид (I, 117, 2). Его отец Антикл принадлежал к числу учеников Исократа, которые, по свидетельству оратора, были увенчаны золотыми венками за свою службу полису, потратив много собственных средств на государственные нужды (Исократ. XV, 93 сл.).

Впервые Неоптолем появляется в поле зрения источников как раз в речи Демосфена «Против Мидия» среди «очень богатых людей» (XXI, 215). Возможно, он идентичен Неоптолему, названному (без демотикона) как владелец земли в рудном районе Анафлистос (IG, Π^2 , 1582,1. 122). Известно об отпуске им на волю трех рабов: сначала — двух (IG, Π^2 , 1569, Π^2 , 155-59) и через некоторое время — еще одного.

Наиболее активные годы его жизни — 330-е до н. э., когда он был близко связан с Ликургом. Демосфен упоминает его в речи «За Ктесифонта о венке» среди тех, кто был награжден народом за пожертвования из личных средств: «Вот этот Неоптолем, заведовавший многими работами, был награжден почестями за то, что приложил собственные средства» (XVIII, 114). Например, он обещан позолотить алтарь Аполлона на агоре «согласно прорицанию бога», за что Ликург предложил увенчать его и посвятить ему статую (Псевдо-Плутарх.

Лекиии

Жизнеописания 10 ораторов. 843 Г). Известны посвящение, сделанное им на Акрополе (I G, II2, 4901), и венок, посвященный им Афине (IG IP, 1496, II. 43 сл.). Он пожертвовал какие-то суммы святилищу Артемиды Аристобулы в родном деме Мелита, в 326/5 г. до н. э. — один из десяти афинских гиеропеев на Пифийских играх в Дельфах.

К тому же году относится и последнее известное деяние Неоптолема — предоставление двух сумм, в 1500 и 500 драхм, на покрытие «корабельных» долгов пяти лицам: Филиппиду, сыну Филомела, пеанийцу; Евбою, сыну Кратистолея, анагирунтцу; Конону, сыну Тимофея, анафистийцу; Онетору, сыну Онетора, мелитийцу; Файаксу, сыну Леоламанта, ахарниу (І. G., 112, 1628, 11, 384-389, 418; 1629, 11, 904 сл., 939 сл.). Это был заем типа эраной, и поскольку эраной предоставлялись родственникам или друзьям, то, очевидно, здесь следует видеть свидетельство дружественных отношений между Неоптолемом и теми, кому он оказал помощь. Обратим внимание, что среди должников находится уже известный нам Филиппид, но не менее интересны и другие лица. Пожалуй, самая для нас дюбопытная фигура — Онетор, старый враг Лемосфена, оказавшийся вовлеченным в лело об опеке над Демосфеном и возвращении унаследованного им от отца имущества. Демосфен называет Онетора в третьей из речей «Против Афоба» — одного из своих опекунов, как лицо, которому Афоб, женатый на сестре Онетора, передал землю (XXIX, 3). Демосфен вчинил ему иск «о насильственном противодействии законному вступлению во владение имуществом», когда тот прогнал оратора, который после осуждения Афоба предъявил свои права на землю. Этому делу посвящены две речи Демосфена «Против Онетора» (XXX и XXXI).

Из перечисленных лиц только один Евбой не имеет зафиксированных источниками предков, проявивших себя в общественной и политической жизни Афин прошлых времен. Предки Конона (АР. № 13700) занимали видное место в полисе в V в. до н. э., один из них удостоился статуи на Акрополе: дед Конона — прославленный полководец и политик Конон, имя которого получил (как принято) его внук, а отеп — не менее прославленный Тимофей. Онетор (АР № 11473) принадлежал к семье, известной с VI в. до н. э., как и его брат Филонид, ученик Исократа. Предки Файакса тоже занимали заметное место в Афинах с V в. до н. э. Все они принадлежали к людям, наследственно богатым: предки Конона обладали значительными земельными владениями еще в предшествующем столетии, очень бога-

ты были старший Конон и его сын Тимофей, значительные земельные владения имел и младший Конон. Судя по тому, что Евбой выполнял обязанности триерарха, он также принадлежал к литургическому классу. Онетор — один из богатейших людей Афин, среди его ближайших родственников были люди, активно занимавшиеся предпринимательской деятельностью в Лаврионе. Большинство из упомянутых дин помимо триерархии выполняли и другие литургии.

Как видим, Неоптолем представляет весьма яркую личность, образен богатого и достаточно знатного афинянина, активно участвовашего в жизни полиса, жертвуя ему значительные средства, выполняя различные обязанности гражданина, в том числе и самую тяжелую триерархию. Для его общественно-политической ориентации весьма показательны близость к Ликургу и круг друзей из числа богатых люлей, предки которых занимали видное место в истории Афин в течение по крайней мере двух столетий. Дружеские связи Неоптолема с Онетором унаследованы от отца, одновременно с Онетором учившегося у Исократа, а один из друзей Неоптолема, Конон, был связан с ранее упомянутым Диотимом общей политической и финансовой позицией: оба выступали поручителями кораблей для Халкиды.

Что же объединяло этих людей, которые так дружно выступили в поддержку Мидия? Прежде всего, они происходили из известных семей: Тимократ и Полиевкт принадлежали к семье, зафиксированной источниками с начала V в. до н. э. Как и семьи Филиппида и Неоптолема, шесть поколений семьи Лиотима предоставляли своих членов для служения полису на самых различных постах. Когда есть сведения об их личных друзьях, они также оказываются принадлежашими к этой же среде. Все они люди богатые. Помимо того что так их определяет Лемосфен, тот факт, что они попали в сводку Лэвиса. свидетельствует об их принадлежности к людям состоятельным. Все они несли литургии, и прежде всего самую обременительную — триерархию, а также хорегии разного рода, занимали различные должности и жертвовали собственные средства на благо полиса, т. е. всего гражданского коллектива. Для большинства одним из основных (если не основным) источников богатства были разработки серебряных рудников, во всяком случае для Филиппида, Диотима и Неоптолема это доказывается надписями. Учитывая то обстоятельство. что находка такого рода источников — результат случайности, эти материалы тем более красноречивы.

Прямых и ясных указаний на политические взгляды наших героев в источниках почти нет, но, судя по самому факту активного выполнения ими гражданских обязанностей и известным нам демократическим традициям семей некоторых из них, очевидно, что они жили в полном согласии с демократией, тем более что в условиях тех лет, на которые пришлась их деятельность, в Афинах и не было особых случаев иным способом проявить свои симпатии и антипатии или занимать какую-то определенную позицию. Что касается внешнеполитической ориентации, то известна только решительная антимакедонская позиция Диотима и Полиевкта.

Особого внимания заслуживают личные связи членов рассматриваемой группы, весьма показательные: Тимократа и Полиевкта— с Андротионом, Диотима и Неоптолема— с Ликургом, выше мы писали о друзьях Неоптолема, отметим также, что Филомел, отец Филиппида, и Антикл, отец Неоптолема, учились у Исократа, как и друг Диотима, Онетор.

Вместе с тем, намечается и еще одна линия связей: у Ликурга дед был убит тридцатью тиранами (как сообщается в Псевдоплутарховой биографии Ликурга, — Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 841 А), что заставляет вспомнить о традиции семьи Диотима, один из представителей которой также тогда погиб. Кроме того, Ликург был близок с оратором Исократом (там же, 841В), учеником которого был еще один из деятелей того времени — Гиперид (там же, 848D), причем тот же источник сообщает об их дружеских отношениях (там же, 848F). Известна позиция Гиперида относительно посылки кораблей на Эвбею, когда именно он выступил инициатором подготовки эскадры на добровольно пожертвованные средства и сам от своего имени и за сына выставил две триеры (там же, 849F), в этой же антимакедонской акции участвовал Диотим и друг Неоптолема, Конон. Наконец, именно Ликург предложил почести Неоптолему и провел постановление о почестях Диотиму.

По некоторым признакам отвечал этой группе и Блепей: богат, както связан с Лаврийскими рудниками, во всяком случае, кредитовал тамошних предпринимателей, но, пожалуй, это и всё. Возможно, он был новым гражданином, недавно получившим права гражданства, подобно некоторым другим трапезитам в Афинах (в сводке Дэвиса его нет), и Демосфен упомянул его отдельно от других, так как он и действовал один, не входя в рассмотренную группу. Но гражданский

статус Блепея не вызывает сомнений, так как он предложил Демосфену деньги за прекращение дела против Мидия во время заседания экклесии, присутствовать на котором имели право только граждане.

Что касается Мидия, то он, в общем, вполне органично сливается со своими защитниками: богат, причем основу состояния составляет разработка рудников, принимает активное участие в политической жизни Афин, неоднократно занимает различные государственные должности, несет расходы по триерархии и другим литургиям.

Некоторые сомнения возникают, правда, относительно его генеалогии, источники сохранили сведения только об его отце и брате, но неизвестно, был ли его отец действительно «новым человеком» или такое впечатление случайно. Отметим также дружеские отношения на уровне двух поколений: в защиту его выступают Тимократ и его сын, Полиевкт, поддерживает Филиппид, отец которого Филомел — тоже друг Мидия. Что касается политической ориентации Мидия, то напомним, что другом его был Эвбул, а Эсхин, с которым он познакомился через Эвбула, сожалел о смерти Мидия, возможно, не только из-за ухода из жизни человека, как и он, ненавидевшего Демосфена, но «по многим соображениям» (Эсхин. III, 115).

Таким образом, вырисовывается группа граждан, которых объединяли общие черты: они богаты, достаточно известны, очевидно, честно служили полису, выполняя литургии, иногда делая на благо его больше, чем им положено по их состоянию, и тратя на это свои собственные средства. Личная дружба между некоторыми восходила еще к их отцам, вместе учившимся у Исократа. Довольно уверенно можно говорить о решающем значении для их материального благополучия (если не сказать — процветания) их деятельность по разработке серебряных рудников Лавриона, хотя они обладали и землей. Антимакедонская позиция по крайней мере некоторых из них несомненна.

Вернемся к вопросу о тактике Демосфена в процессе против Мидия. Мы уже отмечали необычность аргументации, вызванную обстоятельствами, связанными с процессом. Примем во внимание, что речь «Против Мидия» написана Демосфеном не для клиента, а для себя самого, отсюда — особая заинтересованность в благоприятном исходе процесса. В противостоянии с Мидием оратор столкнулся не только с ним лично, но и с целой группой граждан, «коллективный портрет» которых мы пытались представить. При такой ситуации понятны опасения Демосфена, что привычная аргументация,

Лекиии

которую могла ожидать от него аудитория, гелиасты, не окажется достаточно эффективной (сам факт его отказа от процесса весьма красноречив), и поэтому он решил построить свою речь таким образом. чтобы иметь максимальные шансы на успех. Весьма знаменательно. какой именно путь он выбрал. Из анализа речи следует вывод несколько парадоксальный: наиболее значительные шансы на побелу сулила аргументация, в которой на первый план выдвигались идеи о коренном противоречии между богатыми и бедными гражданами. об опасности для бедняков все усиливающегося влияния богачей. о необходимости противостояния им объединенными силами.

В научной литературе последнего времени об афинской демократии одной из ведущих является идея стабильности внутриполитической ситуации в полисе в IV в. до н. э. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть бесспорное наличие подспудного противостояния богатых и белных, одним из доказательств чего как раз и является та система аргументации, к которой счел необходимым прибегнуть наш оратор. Для современников она, естественно, не осталось незамеченной, что подтверждает сам Демосфен. Он, в частности, объявляет себя противником чрезмерных нападок друг на друга богатых и бедных, нуждающимся он советует «отказаться от того требования, которым недовольны состоятельные» (Демосфен. X, 43). Но особенно красноречиво (повторим) его утверждение о том, что оратор, предлагающий конфискацию имущества богатых и тем самым потакающий демосу, «становится у вас (т. е. граждан, заседающих в экклесии. — \mathcal{I} . M.) сейчас же великим, прямо бессмертным по своей неприкосновенности» (там же. Х. 44). Подобные мысли для Демосфена не случайны, поскольку присутствуют и в других его речах. Например, в речи «О лелах в Херсонесе» он решительно обрушивается на всех, кто посягает на собственность: «Ведь если кто-нибудь, граждане афинские, не считаясь с тем, будет ли это полезно для государства, привлекает граждан к суду, отбирает имущество их в казну, предлагает раздачи и выступает с обвинениями, то в этом нет с его стороны никакого мужества, но такой человек обеспечивает себе безопасность тем, что угождает вам своими речами и политической деятельностью, и таким образом он смел, ничего не опасаясь» (там же, VIII, 69).

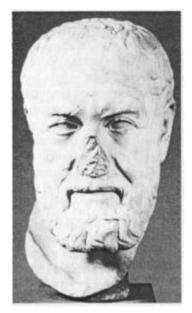
Близкие идеи встречаются и у других афинских ораторов того времени. Так, в речи Гиперида «В защиту Евксениппа по обвинению его Полиевктом в противозаконии» имеется следующий весьма важНЫЙ для нас пассаж: «А самое подлое из того, что ты сказал в своей речи. — ты рассчитывал, что не заметят, ради чего ты это говоришь. но тебе не удалось скрыть. — это то, что ты многократно напоминал в своей речи, что Евксенипп богат, и немного погодя (сказал об этом) снова... Большое ли состояние у Евксениппа или малое — это, разумеется, не имеет никакого отношения к этому процессу, но Полиевкт, говоря это, злонамеренно создает у судей неосновательное предубеждение, чтобы они вынесли решение на основании не самого дела. а чего-то другого, независимо от того, провинился ли в отношении вас подсудимый или нет» (Гиперид. IV, 32). Из приведенного поистине замечательного отрывка следует, что для гелиастов упоминание о богатстве подсудимого служило аргументом (или, по крайней мере. одним из аргументов) для признания его виновным и осуждения. представители же защиты оценивали такой подход как подлый.

Итак, мы склонны утверждать, что та стратегия обвинения, к которой прибегнул Демосфен в речи «Против Мидия», была вызвана вполне определенным соображением, а именно уверенностью в том, что достигнуть успеха в деле, где его противника — богача и политика — поддерживают богатые и влиятельные граждане, можно только пустив в ход антиплутократическую риторику, которая имела мало общего с подлинными взглядами оратора на богатство и богатых. Демосфен, хорошо знавший настроения демоса, его психологию, счел такую тактику наилучшей, решив сыграть на чувствах судей, т. е. тех же граждан. Вчинив иск Мидию, он и деньги получил, и, опубликовав речь, ославил своего врага.

6. На флангах афинской демократии: Гиперид и Эсхин

Гиперид — лидер радикального крыла

Выявление позиции Гиперида и его сторонников — задача сложная. Помимо того что свидетельств об его политической деятельности и взглядах много меньше, чем о Ликурге и Демосфене, есть еще одна трудность: и в источниках, и в научных трудах Нового времени Гиперид обычно находится в тени Демосфена и наиболее отчетливо, как самостоятельная политическая фигура выступает только в деле

Puc. 16. Гиперид. Копия с греческого оригинала IV в. до н. э. [Philip of Macedon. Ed. by Miltiades B. Hatzopoulos, Louisa D. Loukopoulos. Athens, 1980. Pict. 68]

Гарпала, когда борется со своим прежним соратником. Очевидно, именно этим и объясняется, почему о Гипериде написано мало (рис. 16).

И у древних, и у антиковедов Гиперид вызывал довольно противоречивые суждения. Восхищались его красноречием, уважение внушала его борьба с Македонией и смерть за свои убеждения, но личная жизнь Гиперида, его любовь к роскоши и невоздержанность давали много оснований для порицания и критики. Что касается взглядов Гиперида, то историки, в общем, единодушно считают его радикалом, вождем радикального направления антимакедонской партии, горячим патриотом, готовым воевать в любое время.

Еще одно вводное замечание: я считаю возможным использовать для выяснения взглядов Гиперида XVII речь Корпуса речей Демосфена «О договоре с Александром». Современные исследователи колеблются

относительно ее автора. Следуя за древними, некоторые считают ее принадлежащей Гипериду, другие — Гегесиппу, обычно же этот вопрос оставляют открытым. Либаний, например, во введении к речи на основании ее стиля безоговорочно говорит об авторстве Гиперида. Но главное заключается в том, что в ней высказано одно соображение, встречающиеся только у Гиперида (об этом речь пойдет позже).

Гиперид, сын Главкиппа, из дема Коллит, по всей видимости, принадлежал к верхнему слою афинского гражданства. Во время осады Византия Филиппом он был назначен триерархом и в том же 339 г. до н. э. исполнял хорегию, хотя по афинским законам гражданин, привлеченный к какой-либо литургии, освобождался на этот и следующий год от других литургий (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 848 Е), следовательно, состояние Гиперида не было

ординарным. Он владел поместьем в Элевсине и домами в Афинах и Пирее. Косвенно подтверждает богатство Гиперида сообщение его биографа о том, что Гиперид, «весьма склонный к любовным утехам», ввел в дом Миррину — одну из самых дорогих гетер, в Пирее содержал Аристагору, в своем элевсинском поместье — фивянку филу, выкупленную им за 20 мин, к тому же находился в связи с гетерой Фриной (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 849 С-Е; Афиней. XIII, 590 с-d).

В речах Гиперида мы находим мысли, обусловленные, как кажется, его происхождением и состоянием. Особенно показательно в этом отношении одно место из его речи «Против Демосфена». Демосфен обвинялся во взяточничестве, и естественно, что Гиперид подчеркивает необходимость для государственного деятеля бескорыстия. Но вместе с тем он утверждает, что не всегда ужасно, когда кто-либо берет деньги; плохо, если их взяли там, где не следовало брать (XXIV). Это, казалось бы, весьма банальное утверждение приобретает особую значимость в данном контексте.

С подобным подходом к денежным делам хорошо согласуются и другие утверждения, встречающиеся в речах Гиперида.

Так, в речи «В защиту Евксениппа по обвинению его Полиевктом в противозаконии» развертывается буквально целая программа зашиты богатейших афинских граждан, занятых разработкой Лаврийских серебряных рудников. Оратор с восторгом рассказывает о защите судом имущества Евфикрата (оно составляло более 60 талантов), Филиппа, Навсикла и особенно «Эпикрата из дема Паллены в компании с едва ли не богатейшими в Афинах людьми» (Гиперид. 33-35). Судьи обеспечили безопасность имущества этих людей, постановив, что рудник — частная собственность, и «утвердили дальнейшую разработку ими рудника». Итак, в результате гарантии безопасности разработок. «которыми раньше пренебрегали из страха», возникли новые разработки, которые теперь действуют, и поэтому «вновь возрастут доходы города». Гиперид поносит «некоторых ораторов», которые, обманув демос, обложили незаконными налогами разрабатывающих рудники и загубили доходы (Гиперид. 36). Эти соображения имеют выход и в социальную сферу: обеспечение наиболее благоприятных условий Лля деятельности предпринимателей, зашита их (особенно от конфискаций) должны не только увеличить доходы полиса, но и способствовать единодушию граждан, а именно об этом заботится хороший гражданин. Мысли Гиперида в сущности оказываются близкими той системе взглядов, которую несколькими десятилетиями ранее развивал Ксенофонт в сочинении «О доходах».

Сказанное Гиперидом в защиту богачей, занятых в Лаврионе становится особенно понятным, если считать Гиперида, фигурирующего в одной из надписей третьей четверти IV в. до н. э. в качестве арендатора серебряного рудника в Бесе, идентичным нашему оратору. В этом контексте несколько иначе звучат инвективы Гиперида в адрес Демосфена, когда, обвиняя того в присвоении персидского золота и денег Гарпала, Гиперид ставит в вину Демосфену и то обстоятельство, что тот наживается на морской торговле и дает ссуды под залог кораблей или грузов (Гиперид. Против Демосфена. XVII). Возникает соблазн видеть здесь свидетельство определенных противоречий между теми представителями имущей верхушки полиса, деловые интересы которых в первую очередь были связаны с разработкой Лаврийских рудников, и теми, кто ориентировался в своей деловой активности прежде всего на морскую торговлю.

Возможно, позиция и тех и других была достаточно обоснована экономически. Как уже упоминалось, экономика Афин в годы правления Александра переживала недолгий подъем: это было время роста морской торговли, процветания Пирея. Не исключено, что такая ситуация могла в известной мере примирить с властью Александра часть афинской верхушки, благосостояние которой было связано с внешней торговлей. Вместе с тем политика Александра (как и ранее Филиппа) совсем по-иному отразилась на других кругах состоятельных афинян. Как показал в своем исследовании 3. Лауффер, ряд богатых граждан, имевших капиталовложения в рудниках Лавриона, были решительными противниками Макелонии и активно поллерживали антимакедонскую политику Демосфена. Лауффер объясняет их позицию тем обстоятельством, что были задеты их интересы из-за разработки Филиппом рудников Пангея, и трудностями в доставке хлеба вследствие политики Филиппа в районе проливов, поскольку сокращение ввоза зерна осложняло содержание многочисленных рабов, трудившихся в рудниках. Эта ситуация должна была стать более тяжелой для Лаврийских дельцов при Александре, особенно после захвата им сокровищ персидских царей, когда в оборот начали поступать новые массы серебра и золота, что дало толчок к падению их стоимости. В речи «Против Фениппа» Демосфенова Корпуса речей, произнесенной в 328/27 г. до н. э., говорится об общем несчастье, постигшем дельцов, занятых горными разработками (в то время как земледельцы процветали), и о помощи, которую им сообща оказали граждане (Псевдо-Демосфен. XLII, 3, 21). Сказанное подтверждается наблюдениями относительно эволюции разработок Лаврийских залежей руды. Наибольшую активность их Лауффер относит ко времени Евбула и Ликурга, наступивший же впоследствии спад связывает сконкуренцией македонского серебра.

Следовательно, можно предполагать, что политика македонских царей самым непосредственным образом могла угрожать подрыву основы благосостояния тех представителей афинской имущественной верхушки, которые активно участвовали в разработке рудников Лавриона.

Приведенные соображения позволяют предполагать, что на позицию группы Гиперида влияли ее непосредственные экономические интересы. Если политика группы Ликурга сводилась к выжиданию, что практически означало уступки Александру, если позиция Демосфена изменилась в сторону некоторого соглашательства, то Гиперид оставался неизменно враждебным к Македонии.

Гиперид заявил о себе как враг Македонии еще при Филиппе. После Херонеи он вместе с Ликургом и Демосфеном принимает решительные меры по защите Афин: тогда чинились городские стены, углублялись рвы (Демосфен. XVIII, 248). В эти тревожные дни, когда со дня на день ожидали появления войск Филиппа и «город трепетал перед грозящими бедами» (Ликург. Против Леократа. 39), Гиперид предложил крайние меры: предоставление гражданских прав метекам, возвращение изгнанников и освобождение рабов, за которые Аристогитон позднее обвинил его в противозаконии. Сохранился отрывок из его речи против Аристогитона, в котором говорится об этом предложении: «Зачем ты часто спрашиваешь о моем пребывании в должности следующими словами: "Внес ты предложение о предоставлении свободы рабам?" — Да, я внес такое предложение. Ради того, чтобы свободным не пришлось испытать рабства. — "Внес ты предложение о восстановлении в правах изгнанников?" — Внес ради того, чтобы никто [более] не подвергался изгнанию. — "Разве ты не читал законов, запрещающих это?" — ...Я не мог [этого сделать]: оружие македонян закрывало [от меня] буквы этих законов"» (Гиперид. 18 [27]). Как бы то ни было, Гиперид был оправдан.

В 337 г. до н. э. Гиперид выступил с речью «Против Демада» предложившего дать проксению олинфянину Евфикрату, хотя тот в 348 г. до н. э. помог Филиппу захватить Олинф, в решающий момент перейдя во главе конницы на сторону македонян, и далее действовал в интересах македонского царя. Как говорит Гиперид, «он и делом и словом действует в пользу того, что выгодно Филиппу» (фр. 19) Гиперид произнес также речь против Филиппида, предложившего наградить венками членов Совета, председательствовавших во время дарования почестей некоторым македонянам.

И в дальнейшем Гиперид оставался самым решительным врагом Македонии. Он возражал против отправки триер Александру (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 848 d: Плутарх. Фокион. XXI). Во время антимакедонского движения во главе со Спартой, в день, когда в экклесии шли жаркие дебаты о позиции Афин, Гиперид в речи «О договоре с Александром» изложил настояшую программу действий вплоть до борьбы с оружием в руках и критиковал Лемосфена за половинчатость его позиции (Гиперил. Против Демосфена. VIII-X). Он. видимо, не оставлял без внимания любое вмешательство Македонии в дела Греции (в частности, матери Александра, Олимпиалы). В дальнейшем, когда разрыв между Демосфеном и Гиперидом стал явным, он обвинил Демосфена в том, что тот противозаконно взял 20 талантов из ленег, которые привез Гарпал, что он получал взятки и присвоил себе деньги из Азии, что «явственно выступал за Александра». Гиперид решительно воспротивился предоставлению Александру божественных почестей, резко порицал Демосфена за его согласие признать македонского царя богом (там же, XXXI). Именно Гиперид провел решение о почестях Иолу, «который, как полагали, дал яд Александру» (Псевдо-Плутарх, Жизнеописания 10 ораторов. 849 Г).

После смерти Александра Гиперид активно включается в подготовку борьбы с македонским владычеством, он становится руководителем подготовки к войне и вместе с Леосфеном — ведущей фигурой в Ламийской войне. Ему было поручено произнести надгробную речь в память афинян, погибших в этой войне, тогда как над павшими в битве при Херонее произнес речь Демосфен.

Надгробная речь Гиперида стоит того, чтобы сказать о ней несколько слов. Эпитафий представляет самостоятельный вид политического красноречия, когда в лице воинов, героически павших

за родину, прославлялась сама родина. Эпитафии способствовали формированию в сознании современников и потомков определенного образа Афин, их политического строя, это была своего рода идеологизированная история (тем самым мы вновь встречаемся с темой прошлого в политическом красноречии). Как уже упоминалось, здесь излюбленными были примеры из истории греко-персидских войн, особенно Марафонское сражение — своего рода топос национальной истории. В IV в. до н. э. появляется новый мотив — утверждение о том, что афиняне воевали ради всех греков, т. е. панэллинские идеи, столь популярные тогда.

Гиперид, правда, о Марафоне не вспоминает, но тоже не обходится без греко-персидских войн, называя Мильтиада и Фемистокла, которые, «освободив Элладу, сделали свою родину почитаемой». Отчетливо звучит панэллинская тема, оратор неоднократно возвращается к мысли об Афинах как благодетеле всей Эллады, каковыми они были в прежние времена: «...город наш, постоянно наказывая дурных», «поддерживая у всех справедливость в противовес беззаконию, обеспечивал общую безопасность Эллады, сам подвергая себя опасности и неся расходы», Афины предоставили себя «эллинам для борьбы за свободу» (*Epitaph.* 5,10, 37).

Вместе с тем эпитафий Гиперида отличает одна несвойственная этом жанру речей черта — реализм, самым ярким примером которого является картина осады Ламии. Видимо, это своеобразие объясняется особой причастностью Гиперида к войне, о которой он мечтал, очевидно, со дня поражения при Херонее и организатором которой он был вместе с Леосфеном. Тон речи — взволнованный, эмоциональный, исход войны еще не решен, греки выиграли три сражения, и у Гиперида есть все основания надеяться на победу. Читая его надгробное слово, сохранившееся лишь во фрагментах, понимаешь, почему неизвестный нам биограф Гиперида назвал его «поразительным» (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 849 F).

Необычно и то большое место, которое занимает в речи фигура Леосфена, что отчасти обусловлено высказанными соображениями. Гиперид прославляет своего соратника в борьбе с ненавистной Македонией. Но такое внимание к Леосфену было бы невозможно без тех изменений, которые произошли в мировосприятии греков, без того интереса к личности, который развивается в течение IV в. До н. э. в литературе и искусстве.

После поражения афинян в Ламийской войне Антипатр потреьбовал выдачи Гиперида, который был вынужден бежать. Свидетельства источников об его смерти противоречивы (Плутарх. Демосфен XXVIII; Фокион. XXIX; Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов.849 b-d), но бесспорно одно: и жизнью, и смертью Гиперид доказал силу своей любви к родному полису и ненависть к македонской власти.

Во взглядах Гиперида есть один аспект, который совершенно отсутствует в воззрениях других противников Македонии. Важно, что эту мысль мы находим как в собственных речах Гиперида, так и в XVII речи Лемосфенова Корпуса речей, что и служит мне основанием лля признания авторства Гиперила. В речи «В защиту Евксениппа», говоря о вмешательстве Александра и Олимпиалы в греческие лела. Гиперил так обращается к обвинителю Евксениппа: «Но когла они предъявляют афинскому народу несправедливые и неподобающие требования, вот тогда тебе следовало бы выступить в защиту города и возражать, и спорить с их посланцами, и отправиться на обший совет эллинов, чтобы помочь своему отечеству» (XV). Общий совет (синедрион) эллинов как основа возможного сопротивления Македонии, как база для организации сил сопротивления — вот та оригинальная мысль Гиперида, которой нет ни у кого из афинских ораторов того времени. В сущности, та же мысль выражена и в речи «О договоре с Александром». Вся речь выдержана в одном ключе: основой нормального существования является договор об общем мире, эллинов призывают к борьбе с Александром как нарушителем этого мира, этого договора. Здесь — та же мысль: договор как легальная основа для сопротивления Македонии.

Черты своеобразия обнаруживают и взгляды Гиперида на внутриполитические проблемы. Как уже отмечалось, после Херонеи именно он предложил такие крайние меры, как освобождение рабов, дарование гражданских прав метекам и возвращение изгнанников. Эти меры, хотя и были порождены крайними обстоятельствами, выражали радикально-демократическую позицию Гиперида. Подчеркнем, что эта позиция была не случайным эпизодом в его деятельности, но лишь наиболее ярким выражением взглядов оратора, обусловленным остротой ситуации.

Принципиальное значение имеет одно место в речи «В защиту Евксениппа», где Гиперид проводит четкое различие между ораторами и гелиастами, т. е. рядовыми гражданами-судьями. В самом таком противопоставлении нет ничего необычного, оно встречается и в других речах Гиперида, и у других ораторов, отражая, очевидно, реальное положение. Гораздо важнее вытекающий отсюда вывод: рядовые афиняне не могут наносить вред полису (там же, XXI). Признавая, таким образом, несовершенство политической структуры афинской демократии своего времени, Гиперид противопоставляет рядовых граждан как своего рода носителей позитивного начала ораторам, которые могут быть как положительными деятелями, так и отрицательными (Гиперид. Против Демада. 19, 5).

Подобные мысли противоположны, например, взглядам Эсхина (о чем будет сказано ниже), который и в добрую природу людей не верит, и ораторов в целом склонен оценивать негативно. Вместе с тем Гиперил разлеляет, в сущности, почти всеобщее неловольство строем современных Афин, но это неловольство обусловлено иными исходными позициями, нежели у Демосфена и Эсхина. Гиперид дважды развивает эту мысль. (Учитывая, как мало сохранилось от его речей, допустимо полагать, что этот тезис занимал заметное положение в системе его воззрений.) В первой речи «В зашиту Ликофрона» Гиперил пишет: «Или разве есть в нашем государстве более демократическое установление, чем то, что умеющие выступать с речами решаются помогать гражданам, не способным говорить, когла те подвергаются опасности?» (Гиперид. Фр. IV. Сгб. VII. 10). Та же мысль звучит в речи «В зашиту Евксениппа» (VIII): союз и взаимопомощь рядовых афинян и определенной группы ораторов (народных ораторов). Заметим, что именно эта возможность решительно оспаривается Ликургом как антидемократическая.

Далее, если мы вспомним основное положение, которым определялась внешнеполитическая позиция Ликурга, — необходимость выжидания, поскольку полис, находящийся под властью врагов, сохраняет надежду на освобождение и возрождение и только разрушение города кладет конец всяким надеждам, то в этом контексте, словно возражая Ликургу, Гиперид в речи «Против Филиппида» утверждает совершенно противоположное: «Многие города после полного разрушения вновь обрели силу» (Гиперид. Фр. ХХІ, Сгб. IV, 8).

Не следует ли в подобных мыслях Гиперида видеть полемику внутри антимакедонского лагеря: подчиниться ли власти Македонии в надежде на будущее возрождение или идти в войне с ней до конца? Ликург не хотел рисковать, Гиперид готов идти до конца. Анонимный автор жизнеописания Гиперида отмечает, что он находился в дружеских отношениях с Демосфеном, Ликургом и их сторонниками, но не остался таковым до конца, имея в виду выступление Гиперида обвинителем Демосфена по делу Гарпала (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 848 F). Однако этот суд лишь завершил то постепенное расхождение между ними, начало которого восходит к более раннему времени. Весьма знаменательно, что Плутарх называет Гиперида (и Эсхина) «неизменными обвинителями Демосфена» (Плутарх. Демосфен. XII).

Вероятнее всего, их пути стали расходиться после Херонеи, причина крылась в различных позициях по ряду вопросов, а основной формой борьбы были политические процессы. Как известно, Гиперид защищал Ликофрона (две речи), которого обвинял Ликург (тоже две речи); та же расстановка сил и в деле Евксениппа: Гиперид написал речь в защиту Евксениппа, Ликург выступил в числе его обвинителей.

Наконец, еще один нюанс отличает Гиперида и от Ликурга, и от Демосфена. Если оба оратора придают большое значение происхождению человека, то Гиперид придерживается иного суждения: происхождение афинских граждан столь благородно, что им не нужны собственные родословные.

Во внешнеполитической сфере Гиперид всегда сохранял резко антимакедонскую позицию, что приводило к борьбе не только с явными сторонниками Македонии, но и с ее более умеренными противниками, поэтому, очевидно, и создается впечатление о некоторой изолированности Гиперида.

Хотя Гиперида называли в числе тех афинян, которым Эфиальт передал персидские деньги (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 848 Е), а в комедии Тимокла «Делос» он обвинялся в причастности к деньгам Гарпала: «Взял что-то также языкастый Гиперид» (Афиней. Пир мудрецов. VIII, 341 е-342 а), в отличие от Демада и даже Демосфена, он избежал репутации взяточника, и «единственный из всех остальных остался неподкупленным» (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 848 F).

Свидетельства относительно взглядов и деятельности Гиперида (насколько о них вообще можно судить на основании имеющихся в нашем распоряжении источников) показывают, что традицион-

ная точка зрения, согласно которой самыми последовательными противниками Македонии выступали наиболее демократические слои населения полисов, в том числе в Афинах, верна. Но, с другой стороны, именно позиция Гиперида заставляет усомниться в правомерности отождествления радикальной демократии с беднейшими гражданами. Вождь наиболее радикального крыла афинской демократии — богатый человек, деловые интересы его связаны с одним из имущественных слоев, а именно с теми гражданами, которые извлекали свои доходы прежде всего из разработок Лаврийских рудников. Можно предполагать, что причины последовательно антимакедонской позиции (во всяком случае, частично) имеют и экономическую подоплеку — снижение эффективности эксплуатации рудников в связи с политикой Александра (а еще ранее Филиппа, разрабатывавшего рудники в Пангее).

Итак, рассмотренный материал показывает, что нет оснований говорить о какой-то единой антимакедонской партии в Афинах. Источники свидетельствуют по крайней мере о трех различных политических группировках, отличающихся друг от друга настолько, чтобы их выделить. Эти различия охватывают довольно широкий круг вопросов как внешней, так и внутренней политики. Они касаются прежде всего оценки состояния Афин, перспектив дальнейшего их развития. Но за этими различиями, находящимися, так сказать, на поверхности, проглядывают более глубокие расхождения, связанные с отношением к некоторым сторонам политики и социальной структуры полиса. Кроме того, можно предполагать связи руководителей этих групп с определенными имущественными слоями населения Афин, которые накладывали отпечаток на их позиции. На этом фоне становятся более ясными и понятными различные нюансы в антимакедонской политике каждой из них, готовность одних идти до конца в борьбе с Македонией или склонность других к определенным уступкам и компромиссам.

Эсхин — главный политический противник Демосфена

Столь же неоднородными были и ряды тех, кого обычно в научной литературе называют македонской партией. Уже *а priori* можно предполагать, что помимо прямых наймитов македонских царей в Афинах Действовали те, кто был готов пойти на соглашение с Македонией и Даже выражал согласие на определенную степень подчинения, исходя

136

Рис. 17. Эсхин. Копия с греческого оригинала конца IV в. до н. э. [Philip of Macedon. Ed. by Miltiades B. Hatzopoulos, Louisa D. Loukopoulos. Athens, 1980. Pict. 691

из более принципиальных соображений. К числу самых решительных сторонников Македонии историки относят Эсхина, которого, бесспорно, нельзя рассматривать просто как платного агента македонских царей (рис. 17).

Оценка Эсхина в литературе Нового времени в общем дается по принципу противоположности суждениям историков о Демосфене, хотя личность Эсхина и его деятельность не вызвали такой обширной литературы, такой страстности и такой полярности в оценках, как Демосфен. Ни в общих трудах по истории Греции, ни в специальных исследованиях об Эсхине мы не найдем ничего подобного тому восхищению, которое вызывала и продолжает вызывать фигура прославленного оратора и борца за свободу греков. Естественно, у поклонников Филиппа, считающих, что македонский царь смог победить партикуляризм эллинов и объединить полисы, Эсхин находит полное одобрение. Так, К. Белох относит Эсхина к числу деятелей, патриотизм которых

не кончался на границах Аттики, и хотя Эсхина поносили как предателя, грязь, которой его забросали политические противники, не смогла запятнать его чистой натуры. Вульгарная демагогия была чужда этой благородной личности.

Сторонники греческой демократии судили об Эсхине более сурово, при этом если одни писали об искренности убеждений Эсхина, то другие не верили в нее, и слова «предатель», «наймит», «взяточник» и т. п. неоднократно прилагались к нему. Например, безоговорочно считает Эсхина агентом Македонии С. И. Радциг. По мнению А. Боннара, Эсхин — явный изменник, хвастун, ослепленный тщеславием.

Но ряд исследователей придерживается более умеренных взглядов, полагая, что Эсхин был искренне убежден в необходимости для Афин дружеских отношений с Македонией. Как, например, считает Адамс, поведение Эсхина объяснимо для человека средних способностей, преувеличивавшего свои успехи в качестве дипломата и оратора, что использовал Филипп — проницательный политик, хороший психолог и мастер интриг. По мнению Садурни, видеть в Эсхине просто предателя и продажного политика — значит упрощать проблему. Он рассматривает Эсхина как оппортуниста, т. е. политика, который приспосабливался к обстановке. Объективно его политика служила интересам Македонии, Филипп же умело использовал Эсхина, льстя его тшеславию и самолюбию.

Согласно исследованию Рамминга, автора одной из немногих книг об Эсхине, придя в 347 г. до н. э. к выводу о неизбежности подчинения Афин Македонии. Эсхин поспешил заключить с ней союз в интересах Афин. чтобы обеспечить им хоть и полчиненное, но второе место в Греции. Лействия Эсхина были продуманы и далеки от предательства. Реалист, верно оценивающий обстановку и трезво смотрящий в будущее, Эсхин противопоставляется Раммингом **Пемосфену** — ограниченному идеалисту. Однако, как мне кажется. источники не доказывают реалистичность политики Эсхина, якобы открытого панэллинскому будущему.

Не так давно появилась наиболее удачная работа об Эсхине, принадлежащая перу Э. М. Харриса, — «Эсхин и афинская политика» (1995). Начиная свою книгу, Э. М. Харрис справедливо оценивает десятилетие 348-338 гг. до н. э. как критическое в греческой истории. До этого времени Македония, в сущности, оставалась маргинальным государством, которому не удавалось играть сколько-нибудь серьезную роль в греческих делах. Попытки территориальной экспансии в V в. до н. э. были остановлены Афинским морским союзом, а в начале IV в. до н. э. — Спартой и Фивами. Только битва при Мантинее в 362 г. до н. э. сняла барьеры перед македонской экспансией, и взошедший на престол в 359 г. до н. э. Филипп II умело воспользовался новыми обстоятельствами. Он смог стабилизировать обстановку в стране, увеличил ее военный потенциал, и благодаря этому те возможности, которые появились у Македонии, были реализованы. К 348 г. до н. э. македонский царь достиг значительных успехов. Были разбиты племена пеонийцев и иллирийцев, перестала существовать Халкидская

Рис. 18. Золотая монета (статер) македонского царя Филиппа II; на аверсе - голова Аполлона, на реверсе - бига (колесница, запряженная двумя лошадьми) [Philip of Macedon. Ed. by Miltiades B. Hatzopoulos, Louisa D. Loukopoulos. Athens, 1980. Act. 29]

лига, а центр ее — Олинф — был захвачен, македоняне и их союзники фессалийцы разгромили фокидян. Но все эти успехи были только прелюдией к тому, что произошло позднее Через 10 лет Филипп стал полным хозяином в Элладе и начал войну с Персией, которую победоносно завершил его сын.

Естественно, встает вопрос: почему все это стало возможным? Такой вопрос задавали себе древние, задают его и современные историки. Один из возможных ответов предложил Демосфен, который видел главную причину поражения греков в наличии среди них предателей, которых подкупил Филипп и которые срывали все усилия по организации сопротивления афинян македонской экспансии. Он поименно называл их, и в его «черном списке» среди других, естественно, оказался Эсхин (рис. 18).

Э. М. Харрис детально изучает деятельность Эсхина, стремится выявить те мотивы, которыми тот руководствовался, вырабатывая свою политическую линию и методы, которыми она проводилась.

Особое внимание Э. М. Харрис обращает на характер источников, имеющихся в нашем распоряжении для решения обозначенных вопросов. Основой наших знаний служат

судебные речи, произнесенные Эсхином и Демосфеном. Помимо них есть и другие: написанные Плутархом биографии Демосфена, Фокиона и Александра, соответствующие главы трудов Юстина и Диодора, сохранившиеся фрагменты утраченных исторических со-

чинений Андротиона, Деметрия Фалерского и др., а также некоторое количество надписей.

Стремясь выявить своеобразие судебных речей, Э. М. Харрис обращается к афинской судебной практике. Афинский суд обладал чертами, заметно отличающими его от суда современного. Прежде всего, суд представлял собой очень мощное оружие в политической борьбе: поражение обвиняемого в судебном процессе могло означать смерть, изгнание или конфискацию имущества; с другой стороны, если обвинитель не мог собрать более одной пятой голосов судей, он должен был уплатить тысячу драхм и более не имел права выступать обвинителем ни по какому другому общественному делу. Все это приводило к большому накалу страстей во время процесса, а поскольку афинский суд проходил по своеобразной процедуре, то и обвинитель, и обвиняемый в своих речах могли использовать не только твердо установленные факты, но и всякого рода слухи, ложные утверждения, предположения, не исключая и прямой клеветы. Сложность в изучении такого рода источников состоит не только в том, что часто Эсхин и Демосфен давали различную интерпретацию одним и тем же фактам, но еще больше в том, что они сами по-разному описывали произошедшие события. Вдобавок и Эсхин, и Демосфен иногда об одном и том же событии в различных речах рассказывали по-разному.

Рассматривая происхождение Эсхина и ранние годы его жизни, Э. М. Харрис обращает внимание на обстоятельства, благоприятные для будущего оратора и политика. Его отец, какое-то время бывший школьным учителем, способствовал тому, что сын получил традиционное образование. В годы юности Эсхин был вынужден работать, исполняя обязанности секретаря при различных магистратах, и это занятие в дальнейшем очень помогло ему, дав хорошее знание афинских законов. Затем Эсхин выступает в качестве актера, что также оказалось для него весьма полезным, дав опыт обращения к большой аудитории, столь необходимый политическому оратору.

Своим вхождением в политику Эсхин обязан Фокиону (о нем речь пойдет позже), под началом которого служил во время афинской экспедиции на Эвбею в 348 г. до н. э. Во время решающего сражения в этой кампании Эсхин настолько отличился, что был увенчан венком в народном собрании. Очевидно, благодаря Фокиону он познакомился и подружился также с Эвбулом и вскоре

впервые выступил в экклесии, поддержав предложение Эвбула Благодаря Эвбулу Эсхин познакомился с несколькими важными на политической сцене Афин лицами, в том числе с Мидием (о нем речь шла выше). Очевидно, Фокион и Эвбул обратили внимание на ораторские способности Эсхина, тем более ценные, что ни тот ни другой таковыми не обладали.

Э. М. Харрис приходит к совершенно обоснованному, с нашей точки зрения, заключению, что Эсхин никогда не был агентом Филиппа. Он был афинским патриотом, который, однако, совершенно по-иному, нежели Лемосфен, понимал потребности родного полиса и в соответствии с этим строил свою политику. Вместе с тем автор очень точно, как нам кажется, показывает основной источник политических ошибок Эсхина (и Демосфена). Оба были афинянами и афинскими патриотами и оба в равной мере оказались заражены афиноцентризмом, воспринимая политику сквозь призму своих представлений о роли Афин в тогдашнем мире. Они по-прежнему считали Афины центром мира и поэтому политику Филиппа видели только в одном аспекте, хотя и по-разному. Согласно Демосфену, вся политика Филиппа определялась желанием сокрушить Афины. Для Эсхина, наоборот, главная цель политики македонского царя заключалась в достижении соглашения с афинским полисом. Оба взгляда совершенно неправильны, оба не отвечали реалиям тогдашнего времени и оба приводили к фатальным ошибкам в их собственной деятельности и в конечном итоге в международной политике Афин.

Более конкретные выводы Э. М. Харриса можно сформулировать следующим образом. Конечно, нет никаких оснований говорить о существовании единой промакедонской партии ни в Афинах, ни в других городах Греции. Взгляды Эсхина по мере развития политической ситуации неоднократно менялись. В самом начале своей деятельности он был настроен достаточно враждебно по отношению к царю Македонии, изменение же его взглядов объясняется не подкупом со стороны Филиппа, как доказывал Демосфен, а все большим пониманием растущей мощи Македонии. Эвбул, при помощи которого началась политическая деятельность Эсхина, стремился объединить греков для сопротивления Филиппу. Афины первоначально пытались опереться на своих союзников в Северной Греции, но те один за другим пали в результате мастерских дипломатических и военных ударов македонского царя. Теперь настала пора попытаться поднять всю Элладу против Македо-

нии. Миссия Эсхина в Пелопоннесе для осуществления этого плана оказалась безуспешной. Многие послы видели в Филиппе не угрозу, а возможного благодетеля при решении их бесконечных мелких споров. Даже в начале переговоров с Филиппом в 346 г. до н. э. Эсхин не терял надежды объединить греков хотя бы для того, чтобы остановить его дальнейшее продвижение, однако греки предпочли отправить отдельные посольства к Филиппу. Афиняне и сами стремились достигнуть соглашения с царем, поскольку македонские завоевания во Фракии угрожали их владениям в районе Геллеспонта и тем самым ставили под угрозу снабжение Афин хлебом. Видя невозможность создать эллинский союз, Эсхин (как Демосфен и Филократ) выступил сторонником скорейшего заключения мира и союза, предложенного Филиппом. В отличие от Демосфена, Эсхин никогда более не обращался к идее широкого союза греков против Македонии, — таков оказался результат его собственного тяжелого опыта.

Второе посольство в Македонию привело к еще большему отходу Эсхина от его первоначальных позиций. Он встретил здесь множество послов из греческих городов, уговаривавших Филиппа вмешаться в «Священную войну». Эсхин, понимая, что такое вмешательство неизбежно, постарался добиться решения, наиболее благоприятного для Афин. Хотя Филипп не дал обещания учитывать афинские интересы, тем не менее Эсхин считал, что тот это сделает. По возвращении посольства Демосфен обвиняет Эсхина и других послов в предательстве, а развернувшиеся позднее события придают его обвинениям еще большую убедительность. В этой ситуации Эсхин продолжал верить в обещания Филиппа, но переговоры с ним ничего не дали, и оратор оказался в сложном положении, потому что пришлось зашишаться от обвинений в том, что он полдерживал македонского царя, за взятки от него умышленно затянув переговоры. Враги Македонии начали наступление. Демосфен в 343 г. до н. э. возбудил против Эсхина процесс, который тот благодаря поддержке Эвбула и Фокиона смог выиграть. Но сам процесс подорвал репутацию Эсхина и ослабил его влияние в народном собрании.

В это время, когда влияние Эсхина падало, а влияние Демосфена росло, последний снова пытается объединить греков в коалицию против Филиппа, и деятельность его оказалась более успешной, чем попытка Эсхина, предпринятая несколькими годами ранее. Причина заключалась в изменении обстановки. Ранее Филипп действовал в Северной

Греции, и полисы Средней Греции и Пелопоннеса не ощущали угрозы с его стороны, теперь же, когда Македония столь активно вмешалась в дела Средней Греции, многие стали осознавать опасность.

Когда война с Филиппом разразилась, Эсхин, естественно, защищал афинские интересы, как мог и считал правильным. Он критиковал Демосфена, в частности, за недостатки в проведении реформы триерархии и отказ начать мирные переговоры с Филиппом. После поражения при Херонее Афины призвали Эсхина, Демада и Фокиона выступить послами в переговорах с Филиппом. Эсхин смог добиться достаточно приемлемых условий мира, что, однако, не прибавило ему престижа, поскольку Афины все-таки лишились остатков своей империи. Последняя фаза политической карьеры Эсхина — до известного процесса «о венке» — время ожидания решающего удара со стороны Демосфена и его политических соратников.

Деятельность Эсхина и его сторонников, бесспорно, вдохновлялась достаточно отчетливой системой воззрений, некоторые сведения о которой можно найти в его речах, хотя в них она отражена не в самой ясной форме, а его собственные взгляды на основные политические проблемы проскальзывают обычно только попутно, в системе аргументации, в нападках на политических противников. Наиболее кратко и определенно об Эсхине сказал его анонимный биограф: «Занимаясь политической деятельностью на стороне, враждебной Демосфену, Эсхин добился известности» (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 840 В), подчеркнув тем самым три важных момента: известность Эсхина, противостояние Демосфену в политике, связь обоих с определенными группами граждан.

Биографические сведения об Эсхине содержатся, кроме уже упомянутого анонимного автора «Жизниописаний 10 ораторов», которые приводятся в большинстве рукописей его речей, также у Аполлония, в «Библиотеке» Фотия и у «Суды». Все они, в конечном счете, восходят к двум источникам, которые дошли до нас, — XVIII речи Демосфена и III речи Эсхина, произнесенных на процессе «о венке».

Свидетельства о происхождении Эсхина не совсем ясны, однако нет оснований верить Демосфену и полагать, что Эсхин был низкого, чуть ли не рабского происхождения. Согласно Демосфену, Эсхин воспитывался в нужде, исполняя обязанности домашнего раба, и носил колодки и ошейник, а его мать занималась «среди белого дня развратом». Эти и подобные утверждения содержатся в речи «За

Ктесифонта о венке» (XVIII, 129-131, 258-263), произнесенной в защиту Ктесифонта, внесшего предложение об увенчании Демосфена за его деятельность на благо родины и обвиненного Эсхином в противозаконности. Обе речи — и Демосфена, и Эсхина — полны злобных и грубых личных нападок. Но Демосфен выступал, когда отец Эсхина уже умер, мало кто из слушателей помнил об его семье, к тому же, говоря последним, он не боялся возражений и поэтому дал волю своему злобному воображению. Во всяком случае весьма показательно, что за 13 лет до этого процесса, когда Демосфен выступал обвинителем против самого Эсхина и говорил раньше него, в произнесенной тогда речи «О преступном посольстве», упоминая о бедности Эсхина и с иронией отзываясь об его матери, Демосфен ограничился теми фактами, которые, видимо, соответствуют действительности (Демосфен. XIX, 199, 249, 281).

Отеп Эсхина, Атромет, из лема Котокилы, был школьным учителем, и мальчиком сын помогал ему, мать — жрицей какого-то мистического культа (там же, XIX, 199-200, 249, 281). Что касается Эсхина, то он, естественно, и в речи «О преступном посольстве», и в речи «Против Ктесифонта» всячески восхваляет отца и других родственников. Отец его был коренной афинянин, хотя и не столь высокого происхождения, как, например, Ликург, однако, учитывая характер должностей, которые занимали его родные, нет оснований считать, что оно было совсем низким. Его старший брат, Филохор, три года был стратегом, а младший брат, Афобет, исполнял обязанности посла у персидского царя и был избран управлять государственной казной (Эсхин. II, 147-149). Что касается имущественного положения, то родители Эсхина были богаты, но отец потерял все имущество при тирании тридцати (там же, 147). В общем, ни по происхождению, ни по богатству Эсхин не принадлежал к знати (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 840 А).

Вероятнее всего, Эсхин не получил специального ораторского образования. Античная традиция называет его учеником Исократа и Платона, но современные ученые обычно отвергают ее исходя из характера его речей, стиль которых обнаруживает только поверхностное знакомство с их произведениями.

Первоначально Эсхин выступает как противник Македонии, но со временем меняет свою позицию. В литературе этот перелом связывают с участием оратора в посольстве в Пелопоннес, когда Эсхин

Лекции

осознал эгоизм греков, не способных объединиться против Филиппа. В его речах мало прямых восхвалений Филиппа и Александра,
однако много всякого рода высказываний, в которых он стремится
оправдать действия македонских царей. Показательно, например,
его отношение к разрушению Фив: в этом виноват не Александр,
а Демосфен, который спровоцировал его.

Если обратиться к политическим взглядам Эсхина, то прежде всего бросается в глаза, что он постоянно полчеркивает свою приверженность демократии. Так, говоря о своих родственниках, оратор перечисляет их заслуги перед демосом. В частности, его отец «содействовал воссстановлению демократии» (Эсхин. II. 78, 147-148). В рассуждениях Эсхина о демократии можно заметить некоторые нюансы, показывающие их своеобразие. В отличие от Ликурга, Эсхин (как и Лемосфен) резко выражает свое недовольство состоянием демократии в Афинах, подчеркивая, что она заметно отличается от того, что было раньше, и ссылаясь на отца, который «на досуге часто рассказывал» сыну о прошлом (Эсхин. III. 191-192). Полобное противопоставление худого настоящего славному прошлому довольно обычно в афинской политической мысли IV в. до н. э., но у Ликурга его нет. a у Эсхина выражено весьма отчетливо: «Если бы кто-нибудь спросил у вас, когда, по-вашему, наш город пользовался большей славой — в нынешние времена или при наших предках, то вы единодушно согласились бы, что при предках. А люди когда были лучше — тогла или теперь? — Тогла были выдающиеся люди, а теперь много хуже» (там же. III. 178), «Теперь уничтожено все то, что прежде единодушно признавали прекрасным» (там же. III. 3) — в те времена, «когда государство управлялось лучше и имело лучших руководителей» (там же. III. 154).

Нюанс в отношении к прошлому, отличающий Эсхина от политиков — его современников: он критикует прошлое, и эта критика весьма знаменательна. Так, Эсхин обрушивается на вождя радикальной демократии конца Пелопоннесской войны Клеофонта, который, «как говорят, погубил наш город» и которого Эсхин (подчеркнем, несправедливо) обвиняет в рабском происхождении («его многие помнят с оковами на ногах») и в том, что он противозаконно попал в число граждан (Эсхин. II, 76; III, 150).

Как же представляет себе Эсхин демократию, в чем, по его мнению, заключается отличие современного ему строя от истинной

демократии, в чем он видит причину произошедших изменений? Мысли Эсхина, к сожалению, выражены в такой форме, которая затрудняет их осмысление, поскольку здесь Эсхин противопоставляет истинного демократа — Демосфену (там же. III. 168). Но сквозь шелуху инвектив пробивается достаточно отчетливо образ приверженца демократии, преданного народу, в понимании Эсхина. Его характеризуют следующие врожденные качества: вопервых, он должен быть человеком хорошего происхождения и со стороны отца, и со стороны матери: во-вторых, он должен иметь предков, совершивших что-либо хорошее для народа или во всяком случае не питавших к народу вражды; в-третьих, он должен быть рассудительным и скромным в повседневной жизни: в-четвертых, он должен быть благоразумным человеком и искусным оратором. Итак, хорошее происхождение, определенное состояние, риторическое образование — перед нами вырисовывается облик гражданина, принадлежавшего к верхним слоям общества. Эсхин обосновывает необходимость каждого из названных качеств. поскольку «человеку олигархических убеждений обязательно присуши качества, противоположные перечисленным» (Эсхин. III. 168-170). Сравнивая эту «идеальную модель» с Демосфеном. Эсхин возмущается его происхождением, трусостью. расточительностью, вследствие которой Демосфену не хватит никаких богатств (там же. III. 170-176).

Свое понимание демократии Эсхин излагает дважды — во вводных частях речей «Против Тимарха» и «Против Ктесифонта», и уже одно это показывает (учитывая, что сохранились только три его речи), какое место в его мировоззрении занимают развиваемые положения. Эсхин отмечает наличие трех видов государственного строя: тирании, олигархии и демократии. Различие между двумя первыми и третьим заключается в том, что «тирания и олигархия управляются личной волей правителя, а государства с демократическим строем — установленными законами»; «безопасность граждан демократического государства и его политический строй охраняют законы», именно законы — подлинная основа демократии (Эсхин. I, 4; III, 6).

Однако раньше государственный строй более полно отвечал демократическим принципам, сейчас же демократия находится под угрозой. Какова причина этого? «Страсть к чувственным

Лекции

наслаждениям и постоянная неудовлетворенность». Сила этих стремлений столь велика. что она «пополняет шайки разбойников и поставляет экипажи лля пиратских кораблей... побужлает люлей резать глотки своим согражданам, прислуживать тиранам и принимать участие в ниспровержении демократии». Настало такое время, когда «люди не считаются ни с позором, ни с наказанием, которому они подвергнутся. Нет, удовольствия, которым они могут предаться в случае успеха, — вот что их прельщает» (Эсхин. I, 191).

В результате изменяются не только люди, меняется и сам демократический строй: «демократия ускользает от вас», «народное собрание в пренебрежении», «народ же в отчаянии от случившегося, как будто, одряхлев и утратив разум, только по имени представляет демократию» (Эсхин. III, 249-251). Все это происходит потому, что законы оказались в пренебрежении.

И теперь мы полошли к важнейшему во взглялах Эсхина вопросу, а именно: в чем опасность такого положения? Опасность заключается в том, что в Афинах решения экклесии стали играть более важную роль, чем законы. Эта проблема представляется ключевой для Эсхина, и к ней он обращается неоднократно. «Однако от вас зависит теперь, чтобы эти законы были полезными или бесполезными» (там же, I, 36). Вновь и вновь возвращаясь к проблеме исполнения законов или пренебрежения ими, Эсхин утверждает, что афинские законы — самые лучшие, но народ позволяет во время заседаний экклесии и судов совершать «самые страшные злоупотребления». «Тем самым упраздняются законы, рушится демократия», а «вы с легкостью одобряете речи, которые не подкреплены честной жизнью ораторов» (там же, I, 178-179). Так Эсхин говорит в речи «Против Тимарха». Еще более яркая картина разрушения демократии нарисована в начале речи «Против Ктесифонта», где повторяется мысль о том, что причина всего — пренебрежение законами: судят не по законам (т. е. не в суде), а на основании псефисм (т. е. решений народного собрания). Более всего виноваты в этом ораторы типа Демосфена. Оратор — одна из главных мишеней Эсхина. Ораторы хитросплетениями своих мыслей и интриг уводят граждан от прямого следования законам, заставляют уступить свою власть немногим и. «полчиняя себе простых люлей и лобиваясь лля себя самовластия», «считают, что госуларство является уже не общим, но их личным достоянием» — они-то и «уничтожили

судебные разбирательства по законам, а судят с пристрастием, на основании псефисм». «А с разнузданностью ораторов уже не в состоянии совладать ни законы, ни пританы, ни председательствуюшая фила» (там же. III. 3-4).

Итак, мы снова встречаемся с одной из дилемм греческой политической мысли — противопоставлением закона псефисме (о чем уже шла речь в связи с Лемосфеном). Судя по приведенным отрывкам. Эсхин полдерживал идею «власти закона», получившую широкое распространение в IV в. до н. э.. и тем самым смыкался здесь с Лемосфеном. В литературе последнего времени отмечается. что одной из главных проблем, стоявших перед греческой политической теорией, было достижение стабильности в полисе, преодоление опасности внутренних конфликтов. Именно с попыткой достижения этой цели связывают широкое распространение тогда идеи «власти закона».

Но Эсхин не ограничивается этими теоретическими рассуждениями, которые имеют в его речах выход непосредственно в сферу политики: в афинском государстве есть определенная категория людей, которые наживаются на войне и вообше на всякого рода обострении обстановки — так утверждает оратор (Эсхин. II. 161). имея в виду демократических лидеров. Говоря о поборниках мира, он подразумевает Филократа и вспоминает процесс против него, когда обвинителем Филократа во взяточничестве выступил не кто иной. как Гиперид. Война — явная угроза демократии. Эта мысль доказывается историческим экскурсом (Эсхин. II, 172-176), который начинается греко-персидскими войнами, причем в результате рассуждений Эсхина оказывается, что в истории Афин наблюдается прямое соотношение: война приволила к гибели лемократии, а мир — к ее укреплению. Мысль доводится до современности: «Демократия расцвела и опять усилилась, но явились самозванные граждане, которые постоянно привлекали к себе незлоровые элементы госуларства. Своей политикой они вызывали войну за войной: во время мира они предсказывали в своих речах страшные опасности, волновали честолюбивые и слишком впечатлительные умы, а на войне не касались оружия. Становясь контролерами в армии и уполномоченными по снаряжению флота, усыновляя детей от гетер, позоря себя доносами, они подвергали наше государство крайним опасностям. Идею демократии они уважали только в своих льстивых речах, а своими

поступками старались нарушить мир, благодаря которому сохраняется демократия, и вызывали войны, вследствие чего демократия ниспровергается» (Эсхин. II, 177).

В общем, особенно в более ранние времена, историки весьма низко оценивали Эсхина как политика. В нем видели человека посредственного ума, недалекого и ограниченного. Эсхин не поднялся до панэллинских идей Исократа и Демосфена. Хотя фигура Эсхина не вызывает симпатий, он не заслуживает таких определений, как «предатель» или «агент Филиппа». Это был, очевидно, убежденный в своей правоте и искренний в своих убеждениях политик (что, впрочем, не исключает влияния личных мотивов, симпатий и антипатий). В научной литературе, по-моему, недооценивают интеллект Эсхина, который не принадлежал к числу глубоких умов времени, давшего блестящих мыслителей, но вряд ли все-таки правомерно всю его деятельность на благо родных Афин объяснять только тщеславием и ограниченностью.

Будем помнить также, что Эсхин был одаренным оратором и как один из выдающихся представителей аттического красноречия вошел в так называемый «Канон десяти аттических ораторов». Древние отмечали силу и блеск речей Эсхина, которых отличают четкость композиции, ясность и богатство мыслей, легкость изложения, патетика и ироничность. Но он не был логографом, не получил риторического образования, отсюда — повторения и некоторая напыщенность стиля.

Сказанное позволяет видеть в Эсхине выразителя такого направления в политической жизни Афин, которое определялось, видимо, какой-то группировкой имущественной верхушки полиса. Эта группа, в силу неясных нам причин, не была заинтересована во внешней экспансии, связанной всегда с демократическим направлением, отсюда — ее ставка на мир, что в условиях того времени вело к союзу с Македонией и даже к подчинению ей в рамках этого союза. Во внутриполитической сфере она резко настроена против тех крайних форм, которые демократия приняла, хотя Эсхин свою нелюбовь обряжает в демократические одежды, выступая защитником «истинной» демократии против существующей. В конкретной обстановке, сложившейся после Херонеи, такая политика отчасти совпадала с политикой группы Ликурга: обе они стояли за мир, против активной внешней политики, хотя, очевидно, и по разным причинам.

7. Гражданин Афин перед судом

Известный греческий оратор и политик IV в. до н. э. Гиперид написал речь для защиты в суде одного из граждан — Ликофрона («Первая речь в защиту Ликофрона»), афинского гражданина, занимавшегося коневодством. В течение трех лет Ликофрон исполнял обязанности гиппарха на острове Лемнос, т. е. командовал отрядом афинской конницы.

В этой речи имеется одно чрезвычайно важное и показательное место, дающее нам ясное представление о менталитете афинянина, как участника процесса, так и судьи: «Протекшее время является наиболее точным свидетелем образа жизни каждого», и судьи должны рассудить его дело, «приняв во внимание всю прожитую мною жизнь», а не по наветам обвинителя (Гиперид. За Ликофрона. I, 14-15).

Ликофрон никогда не был обвинен в чем-либо дурном, и сам никого из граждан ни в чем не обвинял, сам никогда не привлекался к суду и другого не привлекал. Сперва его избрали филархом, затем — гиппархом на Лемносе. Он, единственный из всех когда-либо занимавших эту должность был там гиппархом два года и остался еще на третий. В награду он получил венки от лемносских полисов: один — от граждан Гефестии и два — от граждан Мирины. «Никто здесь не предъявил мне обвинения ни по частному, ни по общественному делу», и все сказанное должно служить доказательством того, что обвинения против Ликофрона в данном процессе ложны (Гиперид. За Ликофрона, I, 16-18).

Естественно, что значительная часть речи посвящена разбору дела, являющегося предметом судебного процесса, доказательству невиновности Ликофрона в том проступке, который послужил основанием для его привлечения к суду (прелюбодеяние), но в качестве аргументов ответчик, как видим, ссылается на свою порядочность в личной жизни и честное исполнение гражданских обязанностей.

Чтение судебных речей, особенно защитительных, показывает, что такого рода аргументы в них часты. Кроме того, поскольку решение суда зависело и от расположения судей, выступавшие стремились использовать также всякого рода средства и приемы, не имеющие непосредственного отношения к существу рассматриваемого дела: ссылались на свою неопытность, приглашали друзей, приводили стариков-родителей и детей, всячески поносили противника,

говоря об его жестокости, корыстолюбии, распутстве, мотовстве; отмечали его вызывающий образ жизни, необщительность, отсутствие друзей, надменность и т. д. вплоть до непривлекательной внешности, мрачного взора, манеры говорить высокопарно и быстро ходить, как например, Тимократ в речи Демосфена «Против Тимократа» (Демосфен. XXIV, 195-196), Аристогитон в другой речи Демосфенова Корпуса — «Против Аристогитона. І» (Демосфен. XXV, 51-52) или Тимарх в речи Эсхина «Против Тимарха» (Эсхин. І, 41слл.). Более того, судьи внимали даже рассказам защитников об их собственных заслугах и добрых деяниях их предков (Лисий. XIV, 24).

Мне хотелось бы привлечь внимание к той группе аргументов, с которых я начала лекцию, а именно к обстоятельствам жизни — личной (\mathbf{voto}) и гражданской (или, как обычно переводят, общественной — $\mathbf{zotov}(\alpha)$.

Начну со старейшего из ораторов, вошедших в «Канон десяти аттических ораторов», — Антифонта. Вторая речь в первой из его «Тетралогий» дает прекрасный пример (в данном случае не имеет значения, что так называемые «Тетралогии» не являются подлинными судебными речами, а представляют собой нечто среднее между школьными упражнениями и настоящими речами, написанными для произнесения в суде). Обвиняемый, перечисляя свои заслуги, заявляет: «Я платил многие и большие налоги, много раз был триерархом, блистательно исполнял хорегии... Не считайте подобного человека нечестивым и гнусным» (Тетралогии. А, β, 12).

Афинский юноша Эпикрат (его имя восстанавливается предположительно) вчинил иск метеку Афиногену — «мастеру составлять речи, рыночному завсегдатаю, и — что самое главное — египтянину» (Гиперид. Против Афиногена. 3). Занимаясь парфюмерным делом уже в третьем поколении, он владеет тремя парфюмерными эргастериями и лавками на агоре, тогда как Эпикрат не продает парфюмерии и не занимается никаким другим доходным делом, но обрабатывает землю, которую дал ему отец (Гиперид. Против Афиногена. 19, 26).

Вопреки закону, запрещающему метекам выезжать во время войны, Афиноген во время войны с Филиппом перед самым сражением покинул город и не отправился вместе с войском к Херонее, а переселился в Трезену. Более того, этот человек настолько, по словам Эпикрата, был подл, что сумел получить в Трезене права гражданина и, сделавшись архонтом, даже изгнал из города граждан, которых

афиняне приняли и даровали гражданские права в память о благодеяниях, оказанных трезенцами во время греко-персидских войн (Гиперид. Против Афиногена. 29-31). Отметим, что Эпикрат счел необходимым противопоставить себя — гражданина, обрабатывающего полученную от отца землю и не занимающегося никаким доходным делом, метеку Афиногену — владельцу эргастерия, что было совершенно в духе моральных ценностей полиса.

Напротив, в другой речи Гиперида, написанной в защиту Евксениппа, утверждается, что его образ жизни не дает повода к порицанию (Гиперид. Первая речь в защиту Евксениппа. 23). Что касается богатства Евксениппа, то к существу разбираемого дела не имеет никакого отношения, «большое ли состояние у Евксениппа или малое», но один из обвинителей, Полиевкт, многократно напоминал в своей речи, что Евксенипп богат, и «говоря это, злонамеренно создает у судей неосновательное предубеждение, чтобы они вынесли решение на основании не самого дела, а чего-то другого, независимо от того, провинился ли в отношении вас подсудимый или нет» (Гиперид. 32).

В речи Динарха «Против Аристогитона», подвергшегося судебному преследованию по так называемому делу о деньгах Гарпала (казначея Александра Македонского, бежавшего в Грецию с частью казны), помимо изложения существа дела и перечисления ряда законов, которые нарушил Аристогитон, мы находим перечень совершенных им, по словам обвинителя, преступлений. Еще «в прежние времена он уже много совершил проступков, заслуживающих смертной казни. В тюрьме он провел больше времени, чем вне ее»; «он совершил много других страшных преступлений». Его отца, Кидимаха, присудили к смерти, и тот бежал из Афин, «любящий» же сын спокойно позволил, чтобы отец при жизни терпел нужду в самом необходимом, а после смерти был лишен полагающихся обрядов. Даже в тюрьме Аристогитон занимался воровством у заключенных. «И действительно, афиняне, какого образа мыслей должен быть человек, который из-за подлости своей попал в тюрьму, а там среди остальных злодеев, исключенных из человеческого общества, был сочтен таким негодяем, что даже они не стали относиться к нему так же, как к другим?» — так эмоционально вопрошает подсудимый (Динарх. Против Аристогитона. 9-10). Будучи должником государственной казны, Аристогитон выступает с речами в народном собрании, хотя не имеет на это права.

153

Еще большим пафосом проникнута другая речь Динарха, произнесенная тоже по поводу денег Гарпала, речь против Филокла — гиппарха и стратега, избиравшегося более 10 раз на эту должность. Но он предал и продал эту высокую честь, серебро и золото он ценит больше доверия сограждан, ни клятве, ни стыду, ни справедливости он не придает такого значения, как взятке. Народ проголосовал против его назначения попечителем эфебов, решив, что небезопасно вверять такому человеку своих детей. «Этот мерзавец и предатель» не удержался от денег, раздававшихся в качестве взятки во вред отечеству (Динарх. Против Филокла. 10, 12, 15,18).

Заявив в речи «О своем возвращении», связанной со скандальным процессом о разрушении герм, что превыше всего он ставит «возможность оказания нашему городу какой-либо доброй услуги», Андокид «везде, где дело было сопряжено с каким-либо риском... не щадил ни себя самого, ни своего имущества». Он доставил бревна для весел афинскому войску на Самосе, поскольку македонский царь Архелай, издавна связанный с семьей Андокида узами дружбы, разрешил ему рубить и вывозить лес, сколько тот хотел. Однако примечательно, что Андокид продал бревна Афинам, правда, по себестоимости, хотя мог получить больше. Он привез также хлеб и медь. Благодаря Андокиду воины сумели победить в морском сражении пелопоннесцев «и одни во всем мире спасли тогда наш город». «Немалая заслуга в этом по справедливости принадлежит мне», — без ложной скромности утверждает Андокид (Андокид. II, 11-12, 16).

Андокид сумел также сорвать замысел людей, которые хотели лишить афинян хлеба с Кипра. По его словам, он оказался настолько ловким, что разрушил их планы, «количество груженых хлебом кораблей, которые собираются пристать в Пирее, уже равно четырнадцати», и «остальные корабли, отплывшие с Кипра, придут сюда все вместе немного попозже» (Андокид. II, 21).

Завершает свою защитительную речь Андокид утверждением, что сам он — сторонник демократии, как и его предки: дед его отца, Леогор, поднялся на защиту демократии против тиранов. И «хотя он мог, покончив с враждой и породнившись с тиранами, разделить с ними власть, он предпочел быть изгнанным вместе со сторонниками демократии и в изгнании терпеть всяческие невзгоды, нежели предать дело народа» (Андокид. II, 26).

Итак, оказанные полису личные услуги и приверженность демократии самого Андокида и его предков — вот о чем счел необходимым прежде всего сказать в своей апологии этот представитель элитарного, аристократического слоя, стремясь вернуться на родину.

В речи против Алкивиада, приписываемой древними Андокиду (но современными исследователями она почти единодушно признаётся произведением какого-то позднейшего софиста), обсуждается вопрос об изгнании путем остракизма Алкивиада, а также и Андокида. Большая часть ее посвящена описанию вреда, который Алкивиад нанес афинянам и их союзникам, а также его поведению в частной жизни. В общем, Алкивиад «превзошел всякую меру в своих преступлениях» (Андокид. IV, 22).

О себе же оратор говорит немного только в начале и конце речи. В начале речи утверждается, что хороший гражданин должен заботиться не о собственном благе — «лишь те, кто заботится об общественном благе, делают государства сильными и свободными» (Андокид. IV, 1). Заявив в конце речи, что хочет напомнить отом, что совершил он сам, автор ссылается на свою деятельность посла в Фессалии и Македонии, Молоссии и Феспротии, Италии и Сицилии, где он примирил с Афинами одних, расположил в их пользу других и заставил отказаться от поддержки врагов третьих. О своих литургиях Андокид не считает нужным упоминать, но подчеркивает, что всегда оплачивал их из собственных средств. Впрочем, он все-таки называет победы, одержанные им на состязаниях в мужской красоте, в беге с факелами и при постановке трагедий; речь, несомненно, идет не о личном участии, а об исполнении литургий, связанных с подбором, обучением и содержанием участников того или иного состязания.

Самый богатый материал об интересующем нас вопросе содержится в речах Лисия. Рассмотрим некоторые из них.

В речи против обвинений Симона в защиту подсудимого, имя которого не названо, — пожилого состоятельного человека, большую часть занимает рассказ об оскорблениях, нанесенных ему Симоном. Инкриминируемое ему преступление имеет отношение к делам об убийстве, и поэтому суд происходит не в гелиэе, а в Ареопаге. На суде в Ареопаге закон не разрешал говорить о том, что не имело непосредственного отношения к тяжбе, поэтому истец, ссылаясь на этот закон, ограничивается одним фактом, отметив, что мог бы сказать о Симоне еще много другого: во время Коринфской войны

Симон подрался с таксиархом Лахетом и единственный из участвовавших в войне граждан был исключен стратегами из войска «как человек, совершенно не подчиняющийся дисциплине и никуда не годный» (Лисий. III, 45). О своих же заслугах истец говорит очень кратко, в самой общей форме: для блага отечества он подвергался многим опасностям, нес много повинностей, не причинил ему никакого зла, а пользы принес много, подражая в этом своим предкам. «Поэтому, — как заключает истец, — я имею право рассчитывать на ваше сострадание» (Лисий. III, 47) (рис. 19).

В речи «Против Андокида по обвинению его в нечестии» мы вновь встречаемся с уже упомянутым процессом о порче герм и профанации мистерий. Речь эта интересна для нас в одном отношении: анонимный автор (ученые не считают ее принадлежащей Лисию) задается вопросом: что судьи должны принять во внимание, чтобы оправдать Андокида? Может быть, то, что он храбрый воин? Нет, оказывается, он никогда не участвовал ни в одном походе ни гоплитом, ни кавалеристом и не служил во флоте, тогда как «много понесли вы и лично труда, много потратили денег как своих собственных, так и государственных, много доблестных граждан вы похоронили из-за бывшей тогда войны». Человек богатый, влиятельный благодаря своему состоянию, собственник судна, он «не захотел, даже в надеж-

Рис. 19. Ареопаг (буквально - холм Ареса, бога войны), где заседал Совет Ареопага [Greece in colour. Editions K. Gouvoussis. P. 25]

де на выгоду, привезти хлеб и помочь отечеству» (Лисий. VI, 46-49). Исходя из этого, можно, очевидно, судить о том, в чем в первую очередь заключался долг гражданина: рядового — быть храбрым воином на благо отечества, богатого — помогать ему своим состоянием, в том числе в снабжении хлебом.

Прежде всего о тратах на благо родного полиса говорит в оправдание своего отца обвиняемый в речи Лисия «В защиту имущества Аристофана, произнесенной в процессе с государственным казначейством»: «Мой отец в течение всей своей жизни больше истратил денег на государство, чем на себя и своих близких» (Лисий. XIX, 9). В продолжение 50 лет он служил государству и деньгами, и своим трудом. Как человек, считавшийся искони состоятельным, он не уклонялся ни от одной траты, семь раз был триерархом, исполнял все хорегии. В подтверждение своих слов он просит секретаря прочитать о каждой литургии в отдельности (Лисий. XIX, 57-58).

Поскольку тяжба касалась оставленного отцом истца имущества, которое оказалось гораздо меньше, чем ожидалось, обвиняемый говорит о суммах, израсходованных его отцом на государство и друзей, и сообщает, что тот, как человек порядочный, оказывал помощь друзьям и согражданам: некоторым нуждающимся помог выдать замуж дочерей и сестер, иных выкупил из плена у неприятелей, другим давал деньги на похороны (Лисий. XIX, 56, 59). В заключение обвиняемый добавляет, что все траты его отца были таковы, что от них полис получил честь. Так, например, когда он служил в кавалерии, то не только купил превосходных лошадей, но и своими рысаками выиграл состязания на Истмийских и Немейских играх, так что «наш город был провозглашен победителем, и сам он получил в награду венок» (Лисий. XIX, 63).

Истец по делу об уничтожении священной маслины, имя которого нам неизвестно, в своей защитительной речи прямо просит судей, помимо существа тяжбы, «иметь в виду как сказанное мною, так и вообще всю мою жизнь как гражданина» (Лисий, VII, 30). Как и в уже упомянутой третьей речи Лисия, дело разбирается в Ареопаге, и поэтому подсудимый не имеет права распространяться о своих заслугах. Тем не менее он не может удержаться, чтобы не сказать о них хотя бы кратко, отметив, как очевидно, основное, а именно: «...все возложенные на меня повинности я выполнял с большим усердием, чем к тому обязывало меня государство:

снаряжал военные суда, вносил военные налоги, устраивал хоры и вообще исполнял все повинности, не жалея денег, не хуже кого другого из граждан» (там же, VII, 31).

Дать «отчет во всей прожитой жизни» заставили Мантифея обвинения, высказанные при его докимасии, т. е. проверке, которой подвергались граждане — кандидаты на государственную должность. О желании рассказать про прежнюю деятельность Мантифей говорит трижды и даже выражает глубокую благодарность своим обвинителям, которые оказали ему величайшую услугу, заставив дать отчет о всей его жизни (там же, XVI, 1-2, 9). Речь эта считается одним из лучших образцов этопеи Лисия. Перед нами молодой аристократ, храбрый и честолюбивый, стремящийся к государственной деятельности. В своей жизни он воздержан, не склонен к кутежам, игре в кости, попойкам и другим беспутствам. На суде держится уверено и, пожалуй, несколько заносчиво.

Мантифей начинает свою защитительную речь, краткую, насколько возможно, с рассказа о своих семейных делах: двух сестер он выдал замуж, дав им приданое, а с братом они поделили все отцовское наследство.

Что касается жизни общественной, то Мантифей, по его словам, никогда не находился под судом за какое-нибудь позорное гражданское, или уголовное, или политическое преступление. Назначенный в кавалерию, он попросил перевести его в гоплиты, считая для себя позором быть вне опасности. Как он объясняет, «по общему мнению, кавалерия должна была быть вне опасности, а опасность грозила гоплитам» (там же, XVI, 13). На общем собрании своего дема Мантифей предложил его состоятельным членам в походе помочь беднякам деньгами и сам дал двоим гражданам по 30 мин. Во время похода в Коринфскую область он просил поставить его в первом ряду. Мантифей не только с готовностью исполнял распоряжения начальства, но и сам смело искал опасностей. Он поступал так, чтобы заслужить славу доброго гражданина и «получить все, на что имею право, в случае какого-либо несправедливого обвинения» (там же, XVI, 13-17). И в дальнейшем Мантифей никогда не уклонялся от военной службы, идя в поход в числе первых и отступая в числе последних.

Отвечая тем, кто осуждает его за честолюбие, Мантифей ссылается на своих предков, память о которых живет в его душе: они никогда

не переставали принимать участие в общественной жизни. Делом и словом он тоже хочет служить на благо отечества.

Тот же мотив — заслужить в глазах судей славу доброго гражданина и «в случае какого несчастья выступить на суде с большей надеждой на успех» — звучит в защитительной речи Лисия по поводу обвинения его в попытке низвержения демократии (Лисий. XXV, 1.3). Именно с этой целью истец, выполняя свои обязанности, нес расходы в большем размере, чем требовало государство (ср. Лисий, VII, 31). Пять раз он был триерархом, четыре раза участвовал в морских сражениях, налогов во время войны платил много и другие литургии исполнял не хуже других граждан (Лисий. XXV, 12).

Как и в речи Лисия в защиту Мантифея, истец по делу о восстановлении пенсии тоже благодарен своему противнику за то, что тот, возбудив против него судебный процесс, тем самым предоставил ему повод дать отчет о своей жизни, тогла как раньше у него не было такой возможности (там же. XXIV. 1). Он — инвалид и бедняк, ремесло дает ему мало прибыли, к тому же самому ему заниматься им уже тяжело, а купить раба он не может. Не может он и купить мула, так что в случае нужды ему приходится брать чужую лошадь. Какие же доводы выдвигает в свою защиту этот бедняк, умоляющий вернуть себе пенсию, помимо аргументов по существу дела? Приводятся некоторые обычные доказательства. с которыми мы уже встречались неоднократно: он — честный гражданин, никогда никого не привлекал к суду и по его жалобе никто не лишился своего имущества. Никогда он не вмешивался в чужие дела, не дерзок и не свардив, не гордец и не буян. В правление тридцати тиранов он бежал в Халкиду и никому не сделал зла (там же, XXIV, 24-25).

Перед нами жалкий бедняк-калека, слезно умоляющий вернуть ему пенсию в один обол, соответственны и его доказательства своей честности как гражданина. Воевать он, разумеется, не мог, как и выполнять литургии. У него другие достоинства: он никого не привлекал к суду, и это единственное, что сближает его с другими гражданами, о которых речь шла ранее. К тому же он достойно вел себя при тирании тридцати, бежав в Халкиду и деля с другими беглецами опасность. Свои телесные недостатки он уравновешивает душевными достоинствами (Лисий. XXIV, 3). Вот, пожалуй, и все аргументы, которые мог оратор привести в пользу своего заказчика.

Ло сих пор я отбирала материал из зашитительных речей Лисия. поскольку, естественно, меня интересовали доводы в пользу истца. Показательны, однако, и доводы обвинителя, которые содержатся в речи Лисия, написанной против Филона при его докимасии (ему выпал жребий быть членом Буле). В числе многих мотивов против избрания Филона обвинитель приводит и отсутствие у него чувства гражданского долга. Во время правления триднати тиранов он не примкнул к демократам. По сравнению со всеми другими гражданами, которые по мере сил старались помочь отечеству. Филон поступил как раз наоборот: он собрал свои пожитки и уехал в Ороп, где поселился, платя установленный для метеков налог. «Он предпочел жить у них метеком, чем быть с нами гражданином». Филон не сделал ничего полезного для общего блага демократии. Он не был слаб и мог переносить тяготы войны. Не был он и беден и мог своим состоянием прийти на помощь отечеству. Но он «счел за благо лучше самому проводить жизнь в безопасности, чем спасать отечество, деля опасности со всеми гражданами» (Лисий, XXXI. 7, 9-16). Действия Филона чужды демократическому строю — так заключает свою речь против Филона его обвинитель, который, как он заверяет, руководствовался не личной враждой к подсудимому в своем обвинении, а лишь обязанностью соблюдать данные им клятвы (Лисий, XXXI, 2).

Неожиданный для меня результат принесло чтение Корпуса речей Демосфена: они содержат весьма незначительный материал о том, к каким аргументам в свое оправдание прибегали обвиняемые. Объяснение, очевидно, заключается в самом характере речей: Демосфен предпочитал писать обвинительные речи, из 42 судебных речей в Корпусе его речей 40 — обвинительные и только 2 — защитительные («В защиту Формиона» и «О венке за триерархию»).

Речь «В защиту Формиона» отличается от тех, на которые я ранее ссылалась, — в ней предстает иной мир, иные люди: купец и финансовый делец Пасион, его сын Аполлодор, бывший раб Формион. Отмечаются честность Формиона, его справедливость и человеколюбие. Он не причинил «никакого зла ни одному человеку ни в частной, ни в общественной жизни» (Демосфен. XXXVI, 44, 55, 57). Формион был полезен государству и многим гражданам. Благодаря своей репутации он предоставил Афинам кредит — такие деньги, которыми сам не владеет. И все это он делает «не ради имущественной

выгоды, а ради человеколюбия, вследствие своей добропорядочности» (там же, 57-59).

В связи с этим утверждением уместно упомянуть о рассуждениях Никобула в речи, написанной Демосфеном для процесса против Пантэнета. В ответ на утверждение, что «афиняне ненавидят людей, дающих взаймы», Никобул поясняет, что негодование заслуженно вызывают те, «которые превращают это в профессию, руководствуясь не человечностью... а исключительно стремлением к выгоде», тогда как Никобул приобрел свои небольшие средства, потратив столько трудов, плавая и рискуя жизнью, и отдал их взаймы, желая оказать услугу. Людей, подобных ему, нельзя отнести к числу профессиональных заимодавцев (Демосфен. XXXVII, 52-54).

Совсем иначе обрисован богач Стефан, который дает деньги взаймы под проценты и наживается на несчастье людей. Я имею в виду первую речь «Против Стефана о лжесвидетельстве», которую для его обвинителя Аполлодора — уже упомянутого сына трапезита Пасиона, — по-видимому, составил тоже Демосфен. «Исследуйте жизнь, которую он прожил», — призывает судей обвинитель. Оказывается, Стефан обобрал трапезита Аристолоха, жульничал и судился, приобретя дурную репутацию. Он стремился скрывать от государства свое имущество, «получая через трапезу неуловимые доходы», и делал это, «чтобы не исполнять хорегий, триерархий, всего другого, что надлежит исполнять гражданину. Это ему и удавалось... Никто не видел, чтобы он нес какую-либо литургию, даже самую незначительную» (Демосфен. XLV, 63-66). Он подл, и подлость его основывается на богатстве, ради которого он сделает, пожалуй, все что угодно. Как видим, некоторые полезные для статьи сведения можно извлечь и из обвинительных речей.

К заслугам своих предков обращается Эпихар в речи «Против Феокрина» (написанной либо Демосфеном, либо Динархом). Его дед, тоже Эпихар, одержав победу на Олимпийских играх в забеге мальчиков на стадий, «увенчал венком победителя наш город и умер, пользуясь у ваших предков доброй славой». Во имя Афин много подвигов совершил Аристократ, сын Скелия, — дядя деда Эпихара, чье имя носит присутствующий на суде брат произносящего речь Эпихара (там же, LVIII, 66-67). Правда, этими фактами Эпихар и ограничивается, доказывая подлость Феокрина и его сторонников и противопоставляя им своих предков.

Пожалуй, с точки зрения господствующей тогда системы ценностей небезынтересно сослаться на обвинение Аристогитона в том, что «его душа не занята никакими заботами об общественном благе. Он не занят ни ремеслом, ни земледелием, ни какой-либо другой полезной деятельностью, его не соединяет ни с кем ни общение, ни человеколюбие» (там же, XXV, 51).

Как видим, приведенный материал свидетельствует, что сложился своего рода набор аргументов, к которым прибегали в судебных речах обвиняемые в свою зашиту. Ссылаются на свое стремление служить отечеству и помогать ему. Говорят о своей воинской службе. участии в походах и сражениях. Поскольку мы имеем дело преимущественно с людьми состоятельными, одно из основных доказательств честного выполнения гражданского долга — исполнение литургий: триерархии, хорегии и др. Упоминание о литургиях встречается особенно часто. Напоминают о денежных тратах — уплате налогов, помоши хлебом, предоставлении полису кредита. Сутяжничество, очевидно, не входило в число гражданских добродетелей. судя по тому, как часто в речах ссылаются на то, что ни сами не привлекались к суду, ни другим не вчиняли иска. В согласии с господствующими моральными нормами, себе в заслугу ставят заботу о родителях и родственниках, помощь друзьям. В общем, о том же говорится и в обвинительных речах, только, так сказать, со знаком минус. т. е. об отсутствии этих достоинств. всего того, что сопряжено с понятием доброго гражданина.

Думаю, что причины такого поведения очевидны: возможность сослаться на свои заслуги в случае необходимости. Афиняне, оказавшиеся вовлеченными в судебный процесс, не скрывали этого. Как говорит обвинитель Аристогитона, «мне приходилось видеть обвиняемых, которые, будучи уличены в проступках и не имея возможности доказать свою невиновность, одни прибегали к ссылкам на умеренность и разумность своего образа жизни, другие говорили о добрых делах и литургиях своих предков, третьи — о других вещах подобного рода. Этим они вызвали у судей сочувствие и человеколюбие» (Демосфен. XXV, 76). Единственная поправка, которую я бы сочла нужным сделать, — ко всем этим аргументам прибегали и тогда, когда были возможности доказать невиновность.

В свое время мне приходилось уже писать о стимулах, побуждающих некоторых состоятельных граждан при исполнении литургии

нести расходы, превосходящие обязательные (см. Человек и общество в античном мире, 1998. С. 316 слл.). Приведенный теперь материал позволяет рассматривать этот вопрос несколько шире — в том смысле, что следует говорить не только о литургиях, но и об иных тратах, прежде всего об уплате налогов, а также о других проявлениях необязательного рвения и шедрости в отношении полиса, превышающих обычный уровень.

Я отмечала также, что одной из основных причин такого поведения была филотимия, т. е. стремление к почету как одно из выражений свойственного греческой цивилизации агонального духа. Подобного рода мотивация выглядит вполне резонно в условиях такой общественной структуры, как полис, который представлял образование общинного типа с достаточно сильным коллективистским началом.

Однако, как я уверена, было бы неправильно ограничиваться филотимией. Помимо этого, так сказать, идеального стимула выявляется и второй, более приземленный и практический. Позволю себе вернуться к двум речам Лисия, отрывки из которых приводились выше. Мантифей во время войны «сам смело искал опасностей», и хотя ему было страшно, он хотел заслужить в глазах сограждан славу доброго гражданина и получить все, на что имеет право «в случае какого-либо несправедливого обвинения» (Лисий. XVI, 17). Еще более определенно та же мысль высказана в другой речи Лисия: «Но я нес расходы в большем размере, чем требовало государство, с той целью. чтобы этим заслужить в ваших глазах славу доброго гражданина и в случае какого несчастья выступить на суде с большей надеждой на успех» (там же, XXV, 13). С наивной простотой и непосредственностью здесь высказывается даже не надежда, а уверенность в том, что все сделанное для родного полиса сверх необходимого обеспечит гражданину более благоприятное отношение судей.

Афинская судебная практика конца V-IV в. до н. э. дает большое количество свидетельств такого рода, что приводит к убеждению, что подобная аргументация выглядела в глазах судей достаточно убедительной.

Видимо, данная черта юридической мысли греков существовала не сама по себе, но в связи с более общей концепцией, отличающейся от современных взглядов. Быть может, суть ее с неожиданным Для него лаконизмом лучше всего высказал Демосфен: «...дар по справедливости заслуживает благодарности и похвалы» (Демосфен. XVIII, 113). Демосфен говорит как раз о расходах в пользу полиса. В качестве примера он называет еще четырех граждан, которые приложили собственные средства, за что были награждены венками и получили благодарность от государства. Ряд исследователей справедливо ставят генезис этого убеждения в связь с общей «теорией дара» как социальной категории, типичной для архаических обществ (см. Мосс, 1996).

Дар в соответствии с этой теорией выступает универсальным средством установления отношений в архаических обществах и не имеет ничего общего с обменом или торговлей, хотя иногла может. став традиционным, заменить их. В раннеархаическом обществе институт этот уже известен, обмен дарами гомеровских героев — классическое проявление действия данного института. Становление и развитие демократического полиса существенно изменили его, особенно после введения литургий, ориентированных не на отдельных индивидов, но на коллектив в целом, однако сама идея обязательств, возникающих при даре, сохранилась. В ответ на литургии, уплату налогов и другие расходы гражданин рассчитывал на благодарность и похвалу, проявляющиеся в славе доброго гражданина, а в случае судебного процесса — не только на благоприятное отношение к себе со стороны судей, но и на некоторые привилегии. Широкое распространение в судебных речах такой системы аргументации побуждает считать, что подобная практика была живой и действенной в рассматриваемое время (рис. 20).

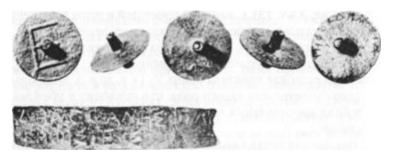

Рис. 20. Бронзовые или деревянные жетоны судей IV в. до н. э. Жетон без отверстия означает - невиновен, с отверстием - виновен [The Athenian citizen. Prepared by M. Lang. New Jersey, 1960. Pict. 22]

8. О характере политической борьбы во второй половике IV в. до н. э.

Фокион — приверженец прошлого

О Фокионе и его группировке, к сожалению, можно сказать весьма немного. К тому же самые яркие факты, характеризующие позицию Фокиона, относятся к несколько более позднему времени — к годам после окончания Ламийской войны, однако мне представляется возможным использовать и их как практическое выражение тех умонастроений, которые сложились ранее.

Библиография Фокиона не богата именами. Помимо общих трудов и нескольких статей мне известны только два специальных исследования о нем: книга Бернаиса «Фокион и его новый критик», во многом устаревшая, и труд Герке «Фокион». Следует, кроме того, назвать диссертацию Уильямса «Афины без демократии: олигархия Фокиона и тирания Деметрия Фалерского. 322-307 гг. до н. э.». Для Бернаиса Фокион прежде всего философ академической школы, примыкавший к партии мира (консерваторам), основу которой составляли философы Академии и перипатоса. Подобно тем философам, которые симпатизировали сильным личностям и монархическим идеям, Фокион одобрял присоединение Афин к Македонии и создание великого греческого государства, что сулило к тому же их освобождение от неограниченной демократии.

Герке отвергает конвергенцию философов и консерваторов и справедливо критикует трактовку Фокиона Бернаисом. В частности, он указывает, что члены Академии и перипатетики не стояли во главе промакедонской партии. Герке рисует другой образ Фокиона: человека, трезво оценивающего соотношение сил, реалиста в политике, основу поведения которого составляли осмотрительность, сдержанность и пассивность. Абсолютно лишенный честолюбия, Фокион не принадлежал к числу руководителей политикой, он был «человеком второй шеренги». Политику, которую он разделял, представляли другие: Эвбул, Каллистрат, Эсхин, Демад. Поэтому Фокион никогда не стоял на «линии огня», меньше подвергался критике, поэтому же никогда и не исчезал с политической арены. Но когда наступал критический момент, пробивал его час, он становился определяющей фигурой. Политически независимый,

Фокион был неизменно консервативен, и Герке считает, что наиболее точно было бы назвать его радикальным олигархом. Такая позиция определялась интеллектуальной самостоятельностью Фокиона, который, как показывает анализ его апофтегм, обладал замечательной духовной силой. Представляется, однако, что Герке преувеличивает политическую независимость Фокиона и его изолированность, вытекающие, по его мнению, из духовной силы Фокиона. К тому же ученый традиционно пишет о промакедонской и антимакедонской партиях как основных в политической борьбе в Афинах того времени.

Диссертация Уильямса посвящена более позднему времени, чем интересующее нас, но содержит вступительную главу о Ликурговых Афинах, где говорится и о деятельности Фокиона в эти годы. Автор называет его «промакедонским генералом», который, по его словам, соединял в себе черты Аристида и Сократа.

По мнению Уильямса, Фокион выступал за подчинение Афин Македонии, чтобы получить ее поддержку в борьбе против демократов. Нет свидетельств, что в своей политике мира он руководствовался иными соображениями, кроме искренней убежденности в том, что Афины не могут победить Македонию. Но после Ламийской войны Фокион, как кажется, изменился и видел в македонском гарнизоне опору нового режима и гарантию его сохранения.

Ставя вопрос о том, принадлежал ли Фокион к олигархам, Уильяме присоединяется к тем ученым (Белох, Фергюсон), которые дают положительный ответ: Фокион пренебрегал мнением демоса, считал, что демократия не способна проводить благоприятную для полиса политику и выставлять хороших воинов. Уильямс справедливо полагает, что даже если источники не дают достаточно оснований говорить об олигархических симпатиях Фокиона, его позиция после установления в Афинах нового строя подтверждает такую оценку. Фокион был сторонником умеренной олигархии, столь убежденным в превосходстве этой политической формы, что, пытаясь предотвратить ее свержение, предал безопасность родного полиса и заплатил за это собственной жизнью. В подтверждение олигархических симпатий Фокиона Уильяме ссылается на Плутархову биографию Фокиона и «Историческую библиотеку» Диодора (Диодор. XVIII, 55-56, 64-66). Вместе с Фокионом оказались осуждены и другие олигархи: Гегемон, Никокл, Фудипп, Пифокл.

Что касается более обших трудов, то у их авторов личность Фокиона, в общем, не вызывает споров, и разница заключается только в нюансах и тональности отдельных характеристик. Все единодушны в том, что Фокион был честным человеком, неподкупным, суровым и благородным. Он принадлежал к промакедонской партии и был одним из ее вождей. Свой долг Фокион видел в служении родине, но. реально оценивая обстановку, считал борьбу с Македонией невозможной и примирился с ее властью. В социальных позициях Фокиона считают противником демократии и консерватором, его называют аристократическим лидером имуших классов, главой олигархической партии. Установленную Антипатром в Афинах конституцию Фокион воспринял как осуществление своих политических идеалов (Матье, Гомм, Белох, Фергюсон, Момильяно, Люччиони, Моссе). Этот список нетрудно продолжить, но ничего принципиально нового мы бы не узнали. Поэтому сошлемся на одну из более поздних работ, а именно на книгу Босворта об Александре, который отмечает реалистичность оценки Фокионом военной силы Македонии и трезвость его призывов к бездействию (см. Bosworth, 1988).

8. О характере политической борьбы во второй половине We. до н. э.

Единственным сколько-нибудь полным источником для понимания взглядов и деятельности Фокиона является его биография. написанная Плутархом. Из созданных им жизнеописаний Фокионово — одно из самых сложных с точки зрения выяснения источников и достоверности. Именно Плутарху в значительной мере обязана идеализацией и морализирующей тенденцией старая литература о Фокионе. На вопрос о том, в какой мере Плутарх искажал факты. чтобы создать желаемый образ Фокиона, ответить трудно. Герке отчасти следует тем ученым, кто подчеркивал элементы трагизма в биографии Фокиона в ушерб правдивости. Но Уильяме проявляет значительно больше доверия к Плутарху, кроме рассказа о суде над Фокионом и его смерти. Здесь он находит много общего с описанием процесса над стратегами после сражения у Аргинусских островов и суда над Сократом. В общем. Уильяме склонен использовать этот источник, пока, как он отмечает, не будет доказана его ошибочность. Основным источником Плутарха в биографии Фокиона одни ученые называют Гиеронима из Кардии, другие — Дурида и считают, что традиция восходит к произведениям круга перипатетиков.

Насколько можно представить политические воззрения Фокиона, они определялись несколькими моментами. Во внешней полиЛекиии

тике он стремился не обострять отношений с Македонией, но было бы неверно считать, что он исходил из интересов Македонии, а не по-своему понятых интересов Афин. Древние достаточно отчетливо понимали разницу между Фокионом как государственным деятелем, руководителем определенной политической группы, имеющей свое собственное лицо, и прямыми наймитами Македонии. Плутарх называет Фокиона «порядочным человеком и государственным мужем» и, объединяя его с Катоном, характеризует следующим образом: «Но высокие качества Катона и Фокиона до последних, самых мелких особенностей несут один и тот же чекан и образ, свидетельствуют об одних и тех же оттенках характера: в равных пропорциях смешаны в обоих строгость и милосердие, осторожность и мужество, забота о других и личное бесстрашие, одинаково сочетаются отвращение ко всему грязному и горячая преданность справедливости» (Плутарх. Фокион. III).

Фокион, насколько известно, всегда старался сохранить мир. В самой общей форме об этом говорит Плутарх: «Он постоянно, если стоял у власти, стремился направить государство к миру и покою» (Плутарх. VIII). Вполне понятны поэтому его враждебные отношения с Демосфеном, которого Плутарх называет «одним из его противников на государственном поприще» (гл. IX). Когда афиняне уже начали открытую борьбу с Филиппом, Фокион пытался убедить народ принять предложенное македонским царем перемирие, решительно противился военным действиям перед Херонеей и считал нужным подчиняться всем требованиям Филиппа. Показательно и отношение Фокиона к вступлению Афин в Коринфский союз, когда он советовал выждать, пока не станет известно, какие условия предложит Филипп (там же, XVI).

После смерти Филиппа Фокион возражал Демосфену, организовывавшему силы сопротивления, и соглашался на выдачу десяти руководителей антимакедонского лагеря по требованию Александра после разрушения Фив, за что Ликург осыпал его в экклесии «хулой и упреками» (Фокион. IX, XVII). Фокион советовал афинянам выполнить волю Александра, когда тот потребовал прислать ему триеры (там же, XXI), а после смерти Александра, «видя, что народ склонен к мятежу и перевороту, пытался утихомирить сограждан» (там же, XXII), был до крайности недоволен Леосфеном, готовившим силы для войны с Македонией, и всячески противился этой войне.

Приведенные факты показывают вполне определенную политику Фокиона. Стремясь любой ценой не обострять отношения ни с кем и прежде всего с Македонией, он, очевидно, исходил из соотношения сил, как их понимал и оценивал. Доказательство этому мы находим все в той же биографии Плутарха. Рассказывая, что афиняне хотели решить пограничный спор с беотийцами не судом, а войной. Плутарх сообщает, что «Фокион советовал им состязаться словами, в которых они сильнее, а не оружием, в котором сила не на их стороне» (Фокион. ІХ). И второй факт, быть может, еще более красноречивый: после смерти Александра, когда в Афинах шли активные приготовления к войне и многие восхишались силой набранного войска. Фокион выступил против войны на том основании. «что больше у нашего города нет ни денег, ни кораблей, ни гоплитов» (там же. XXIII). Поддержку своей позиции он находил в прошлом, когда предки, «то начальствуя, то подчиняясь, но одинаково хорошо исполняя и то и другое, спасли и свой город, и всю Грецию» (там же, XVI). Именно с этим (во всяком случае, отчасти), видимо, связана и мягкая политика Фокиона по отношению к союзникам, контрастирующая с обычным поведением афинских стратегов (там же, VII, XIV).

Страх, что борьба с Македонией приведет родной полис к гибели, красной линией проходит во всей политике Фокиона. Это отчетливо проявилось, например, во время фиванских событий. Когда македоняне уже подходили к Фивам, Фокион сказал Демосфену, осыпавшему бранью Александра: «Или, может, ты хочешь, раз уже поблизости пылает такой громадный костер, поджечь и наш город? Но я ради того и принял должность стратега, чтобы не дать этим людям погибнуть, хотя бы даже они и рвались навстречу гибели» (Плутарх. Фокион. XVII).

Вместе с тем, когда Афины оказались втянуты в войну с Македонией и Фокиону как стратегу пришлось командовать войсками полиса, он вел военные действия энергично и часто весьма успешно. Фокион, в частности, отличился на Эвбее, именно его руководству обязаны афиняне успехом в 340 г. до н. э. в Византии и Перинфе (там же, XII-XIV). Все это характеризует его как патриота.

Еще один аспект программы (или, быть может, умонастроений) Фокиона — стремление перенести македонскую агрессию на Восток. Возможно, не без влияния панэллинских идей Исократа Фокион чисто прагматически подходил к проблеме, во всяком случае,

характер сообщений Плутарха склоняет к такому толкованию его замыслов. Говоря с Александром, Фокион «советовал... положить войне конец, если Александр жаждет мира, или же увести ее из греческих пределов и взвалить на плечи варварам, если он стремится к славе» (там же, XVII).

Во внутриполитических делах позиция Фокиона тоже довольно определенна. Бесспорно, в своих симпатиях он был весьма далек от настоящего демократизма. То большое внимание, которое Плутарх улеляет противоречиям межлу Фокионом и афинским лемосом (хотя иногда и описывает их в несколько утрированном виде), говорит об его антидемократизме. Отметим, что не кто иной, как Гиперид, обвинил Фокиона во взяточничестве, хотя, очевидно, несправедливо, поскольку суд Фокиона оправдал; но для нас в данном случае важно другое: кто именно поставил под сомнение честность Фокиона и возбудил против него судебный процесс.

Логическое завершение позиция Фокиона нашла после окончания Ламийской войны, когда в результате реформы белнейшая часть афинских граждан лишилась своих прав. Хотя изменение конституции произошло по настоянию Антипатра, потребовавшего восстановления «строя предков», что понималось как введение имущественного ценза, реформа отвечала настроениям Фокиона, во всяком случае, и он. и его политические сторонники, участвовавшие в переговорах о мире, нашли условия мягкими и остались довольны. Фокион, настаивавший на некотором изменении условий мирного договора (он просил не вводить в Афины македонский гарнизон). относительно характера новой конституции протеста не заявил. Очевидно, изменение строя шло в русле его взглядов.

В данной связи целесообразно сделать небольшое отступление и отметить, что тема «конституции предков» восходит к годам Пелопоннесской войны, когда в политической борьбе она начала разрабатываться как реакция на развитие афинской лемократии, превратившись со временем в идеал ее противников. Исторической фигурой, к которой обращались сторонники «конституции предков», стал по преимуществу Солон. С ним связывали становление строя, когда объем политических прав определялся в зависимости от величины лохола. Понятно, почему сторонники нового строя, установленного под защитой македонского оружия (тимократии), обратились именно к этому лозунгу политической пропаганды. Кстати, это был

последний случай использования темы «конституции предков» в истории Афин.

8. О характере политической борьбы во второй половине IV в. до н. з.

Приверженцы демократии первоначально ссылались на Клисфена как родоначальника радикальных демократических установлений. В ходе политической борьбы Солон и Клисфен постепенно приобретали черты легендарных героев, из реальных исторических лиц превращаясь в идеал государственных мужей, воплощение определенных политических направлений. Но со временем образ Солона стали использовать в своей пропаганде и демократы, полчеркивая демократический дух его законов. Солон и Клисфен уже не противопоставлялись друг другу, они стали признанными основателями афинской демократии и как таковые упоминались в произведениях IV в. до н. э.

Вернемся к Фокиону. Более сложен вопрос о том, интересы каких социальных слоев гражданства он выражал. Рассказывая о том, что происходило в Афинах после Херонеи. Плутарх противопоставляет «смутьянов и бунтовшиков» «лучшим гражданам», которые испугались, что стратегом станет Харидем, но так как их поддержал Совет Ареопага, то с большим трудом им «удалось убедить афинян вверить сульбу государства Фокиону» (Плутарх, Фокион, XVI). Во время суда над ним «все лучшие и самые честные граждане... закрыли лица. поникли головами и заплакали», а когда один из них выступил в зашиту Фокиона и его друзей, толпа заревела от возмущения, раздались крики, что надо побить камнями «приверженцев олигархии и врагов демократии» (там же. XXXIV). О казни Фокиона скорбели «афинские всадники», иные из них сняли венки, иные со слезами взглянули на двери темницы (в день казни Фокиона всадники, прославляя Зевса, торжественно объезжали город) (там же, XXXVII).

Итак, согласно Плутарху, сторонники Фокиона — «лучшие граждане», а сам Фокион и его друзья характеризуются их врагами как олигархи и противники демоса. Вряд ли можно сказать, насколько точна социальная терминология Плутарха, которая зависит от его источников для соответствующего отрывка биографии. но они не всегда даже указаны. В самой общей форме ясно, что Фокиона подлерживала какая-то часть имущих слоев, он — политический представитель собственников, причем отнюдь не демократического толка. Однако приведенные Плутархом данные столь обши, что на их основе нельзя сделать более определенный вывод. Но есть еще

одна возможность попытаться выявить тот круг граждан, на который мог ориентироваться Фокион и интересы которого мог выражать. Как я думаю, это возможность социально-психологического анализа, выяснение того идеала, которому он хотел следовать.

Фокион старался подражать древним в образе жизни, одежде, следовал традиционным нормам поведения. Проявлялось это в подчеркнутой скромности домашней обстановки, нападках на роскошь. Фокион неоднократно отказывался от подарков Александра. Антипатра. Он был неподвластен могушеству золота, и историки Нового времени относили его к числу тех. в общем, немногочисленных политиков, подкупить которых было невозможно (Аристид. Эфиальт, Перикл. Ликург). Показательно также его стремление воспитывать сына в соответствии со спартанскими обычаями. И в своей государственной деятельности Фокион стремился следовать примерам прошлого. Это было время, когда «вершители общественных дел», говоря словами Плутарха (Фокион. VII), «словно по жребию разделили между собой поприша военное и гражданское», время отделения стратегов как военных командиров от ораторов — политических руководителей (о чем речь уже шла), и деятельность Фокиона была, очевилно, и в этом отношении тогла уже настолько необычна, что Плутарх (вернее, его источник) счел необходимым специально отметить, что «Фокион желал усвоить сам и возродить к жизни обычаи и правила Перикла. Аристила. Солона, считая их совершенными. поскольку этими правилами охватывались обе стороны государственной жизни» (Фокион. VII).

Очевидно, следует говорить о цельности натуры Фокиона — человека и политика, ориентировавшегося на традиционную, уже частично отжившую или, вернее, отживавшую систему ценностей.

У Плутарха есть еще два замечания, позволяющие, как кажется, уточнить картину. Отказываясь от подарков Александра, Фокион ссылался, в частности, на то, что он не сумеет воспользоваться царскими деньгами и они будут лежать у него «без всякого проку» (Фокион. XVIII). В условиях Афин того времени, с их высоким уровнем развития товарно-денежных отношений, широкими возможностями вложить деньги в торговлю, ремесло, ростовщичество, разработку рудников, такой ответ свидетельствует о социопсихологическом стереотипе, ориентированном не только на прошлое, но и на определенные ценности современного ему мира — ценности крестьянина,

менее, чем другие слои общества, связанного с рынком. Упомянем также в этой связи о совете Фокиона, данном уже после окончания Ламийской войны и установления нового строя: он «беспокойным, бунтарям, которым уже само устранение от власти, от шумной деятельности сильно поубавило пыла, советовал побольше сидеть в деревне и целиком отдаться сельским работам» (Фокион, XXIX). Этот совет также весьма красноречив, выражая традиционные представления о земледелии как той моральной школе, которая способствует выработке единственно правильного взгляда на мир и жизнь.

Подводя итоги, выскажем в самой гипотетической форме предположение, что в своей деятельности Фокион прежде всего ориентировался на средних земельных собственников. Возможно, это отчасти объясняется его «средним происхождением». Высказанное предположение можно полкрепить еще олним соображением. В послелнее время в литературе все более укрепляется мысль о том, что в IV в. до н. э. (в отличие от того, что писали ранее) не происходило массового обезземеливания крестьянства. Кроме того (как уже упоминалось), в 30-е гг. до н. э. аттическое земледелие переживало кратковременный подъем, вызванный, как считают, в значительной мере трудностями с доставкой в Грецию зерновых. В речи «Против Фениппа об обмене имуществом» из Демосфенова Корпуса речей говорится о богачах, которые производят много ячменя и вина, продают их втрое дороже обычного и разбогатели (Псевдо-Демосфен. XLII, 20-21, 31). Этот подъем должен был благоприятно сказаться на состоянии крестьян, во всяком случае более богатой их части, усилить их уверенность к себе, уважение к традиционным ценностям. Не исключено, что Фокион ориентировался именно на этот слой, и его взгляды отвечали интересам и настроениям этого слоя: цензовая конституция, т. е. зависимость гражданских прав от величины дохода, неприязнь к богачам, особенно городским богатеям — носителям совершенно иных социопсихологических настроений, желание ограничить активность во внешней политике, которая мало что могла дать крестьянам, стремление к миру, который способствует развитию сельского хозяйства. Вместе с тем неприязнь к низам — тем, кого обычно называют «морской сброд», «толпа», — могла привлечь к Фокиону, его друзьям и сподвижникам симпатии и богатых землевладельнев типа Фениппа из упомянутой XLII речи, которые в трудные годы наживались на спекуляции зерном и вином.

Рассмотрение взглядов и деятельности промакедонских группировок в Афинах приводит, в сущности, к тем же выводам, что и анализ группировок антимакедонских: нет никаких оснований считать, что в Афинах действовала единая партия сторонников Македонии и ее власти. Существовал блок различных сил, включавший как прямых наймитов Филиппа и Александра, так и политиков, которые в силу тех или иных причин считали, что борьба с Македонией пагубна для их полиса, что сложившаяся ситуация настоятельно требует, чтобы Афины прекратили активную внешнюю политику и следовали в фарватере македонской политики. Однако в некоторых вопросах позиции обоих лагерей оказывались близкими.

Итак, мы попытались выделить политические группировки в Афинах, выяснить их взгляды на обстановку в государстве и его внешнюю политику. Вместе с тем не удается выявить у этих соперничавших группировок их программ, которые были бы разработаны на теоретическом уровне. Их лидеры не поднимались до теоретического осмысления и обоснования своих взглядов, планов и поступков. Выдвигая предложения и даже практические планы, они обращались к одним и тем же политическим понятиям, но, действуя в рамках единой полисной идеологии, по-разному трактовали их, в общем, оставаясь в стороне от исканий и учений своих великих современников-философов. У лидеров политических группировок отсутствовали принципиальные программы, предполагающие действительный учет интересов гражданского общества.

Изложенные выводы помогают, как кажется, лучше понять характер политической борьбы в Афинах в период от Херонеи до начала Ламийской войны. Если освободиться от миража противостояния двух партий и рассматривать ход политического развития как в известной мере результат взаимодействия различных сил в каждом конкретном случае, то такой подход, видимо, отразит реальность более адекватно, чем упрощенная схема борьбы антимакедонской и промакедонской партий.

Политические группировки в Афинах

Попытаюсь сопоставить сделанные конкретные наблюдения и выводы с результатами, которые были достигнуты антиковедами, изучавшими политическую борьбу в Афинах.

В подходе к этой проблеме некоторое время сказывалось влияние модернизма. Например, политическую борьбу в Аттике времени Солона анализировали с точки зрения борьбы трех партий: педиеев, паралиев и диакриев. Классы и соответствующие им партии рассматривались в контексте социального развития, удивительно напоминавшего социальное развитие Европы на переходе от средневековья к Новому времени: подъем индустрии и торговли, возрастание роли городских элементов в противоположность сельским. В применении к истории поздней Римской республики подобный подход проявился в исследовании всего политического развития как противоборства двух партий (оптиматов и популяров), имеющих чуть ли не современный характер.

Интересующий нас период тоже не избежал такой участи. Политическая борьба в Афинах изучалась с точки зрения противоборства двух партий: промакедонской и антимакедонской, причем, как считал Белох, под этим противоборством скрывался антагонизм собственников и неимущих. Детализируя, Белох выделяет четыре «партийных оттенка»: македонско-консервативный видит своего вождя в Фокионе, македонско-радикальный — в Демаде, антимакедонско-консервативный — в Ликурге, антимакедонско-радикальный — в Демосфене. В результате соглашения между ними было создано «компромиссное правительство», все они стояли во главе правительства и разделяли между собой высшие военные и финансовые должности.

В общем, сходную картину мы видим в работах Тарна, Фергюсона, Глотца и Коэна, Пикард-Кэмбриджа, взгляды которых, однако, различаются некоторыми деталями. По мнению Фергюсона, в Афинах правило своего рода коалиционное правительство, в котором объединились аристократы и демократы; аристократы заботились о внешней политике, демократы — о внутренней. В ходе дела Гарпала радикалы подняли народ против Демосфена, в результате чего коалиционное правительство пало.

Тарн реально находит четыре партии: олигархи во главе с Фокионом, считавшим, что дни Афин сочтены, и покровительствовавшие политике покорности Македонии; умеренные, возглавляемые Демадом, ловким и продажным политиком, способным именно благодаря своему характеру оказывать услуги Афинам в отношениях с Македонией; радикалы под руководством Гиперида, ненавидевшие Александра и готовые воевать с ним в любое время; самая важная —

демократическая партия, включавшая богатых и бедных, следующих за Демосфеном, который ради блага Афин отстранился от власти, передав ее Ликургу. Оба были убеждены в необходимости войны с Македонией, когда возникнет благоприятная ситуация, пока же считали нужным готовить силы для борьбы. Последний удар коалиционному правительству нанес процесс Гарпала.

Лекиии

К мнению о коалиционном правительстве присоединяется Герке, ссылаясь на Белоха, Фергюсона и Глотца, тогда как Клоше пишет об относительном союзе двух партий.

Число примеров нетрудно увеличить, но ограничимся сказанным. Во всех этих трудах, явно отмеченных печатью модернизма, не учитывается в должной мере специфика демократического полиса, политические партии считаются выразителями интересов классов, которые определяются как бедные и богатые. Политическая борьба трактуется по образцу буржуазной парламентской республики, откуда и идет идея компромиссного, коалиционного правительства.

Такой подход вызвал естественную реакцию, выразившуюся в появлении работ, авторы которых стоят на подчеркнуто «демодернизаторских» позициях, причем подобная реакция наблюдается при изучении политической борьбы в различные периоды античности. Так, применительно к Аттике времени Солона реакцией на модернизаторские построения стала статья Р. Сили «Регионализм в архаических Афинах» (1960). Желанный ключ Сили видит в понятии регионализма, т. е. борьбы местных интересов. Регионализм — доминирующая черта истории этого времени. Партии были не протагонистами противоположных экономических интересов, но небольшими группами, связанными с вождем прочными личными узами. По своему характеру политическая борьба в VI в. до н. э., по мнению Сили, схожа с положением в V-IV вв. до н. э.

Помимо Р. Сили в пересмотре проблемы политической борьбы и политических партий в Афинах IV в. до н. э. положительную роль сыграли работы Ш. Пелмана, а именно его две статьи — о политиках и политическом лидерстве в Афинах IV в. до н. э. Он считает, что основу демократического режима Афин, стабильного по своему характеру, составляло большинство граждан — класс средних собственников. Имелось небольшое число очень богатых и небольшое число бедных, но они играли незначительную роль в жизни полиса, подавляемые «средним классом». Но и богатые собственники: про-

мышленники, торговцы, денежные люди — были заинтересованы в демократии, так как одной из основ ее внешней политики было сохранение влияния Афин на греческий мир. Конституционно крайняя, по своей социальной структуре афинская демократия была умеренной, умеренность составляла и руководящий принцип политики ее вождей. Политические группы в IV в. до н. э. не являлись партиями с противоположными социально-политическими программами. Их лидеры не принадлежали к различным социальным классам. но все были выходнами из «среднего класса» или «высшего слоя среднего класса», и борьба между ними не вызывалась какими-либо глубокими, принципиальными расхождениями относительно основных социальных и политических проблем, они не придерживались на этот счет различных мнений, их речи свидетельствуют, что они не стремились осуществить широкие социальные и экономические изменения. Взаимные конфликты между лидерами и возглавляемыми ими группами порождались различным отношением к частным вопросам внутренней и внешней политики. Политическая борьба не была проявлением глубоких идеологических расхождений, и принадлежность к той или иной группе объяснялась не социальными принципами, а лишь личными связями.

В качестве позитивных черт указанных статей отметим, помимо отрицания модернизаторского подхода и отказа от рассмотрения политической борьбы по аналогии с современностью, внимание их авторов к специфике общественной структуры Афин, выявление значения личных связей. Однако в их взглядах вызывает раздражение отказ видеть связь политических группировок с определенными слоями гражданства. Как уже справедливо указывалось, «личное и локальное соперничество могло играть известную роль в этой борьбе, но сводить целиком к этому моменту сложную историю политического развития Афин невозможно» (Зельин, 1964. С. 31).

Пелман и особенно Сили, как кажется, несколько упрощают представление о взаимосвязи между классами и политическими партиями, выражающими их интересы. Кажется неоправданным мнение Пелмана относительно того, что именно разделяло отдельные политические группировки. Он считает, что расхождения касались мелких вопросов, что в них не чувствуются большие принципиальные проблемы. Однако эти «мелкие» расхождения имели под собой неизмеримо более важную основу — отношение к Македонии, т. е. вопрос о судьбе Афин. Разве

предложение Гиперида об освобождении рабов можно считать «мелким»? Конечно, это предложение носило исключительный характер, как исключительны были и поролившие его обстоятельства. Слелует повторить слова, произнесенные в свое оправлание Гиперилом: «Не я предложил эту псефисму, а Херонейская битва» (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания 10 ораторов. 849 А). Но это предложение все-таки было сделано, и внес его не кто иной, а именно Гиперид. Я вовсе не склонна приписывать политикам стремление к осуществлению широких социальных и экономических преобразований, имеющих лалеко идущие последствия (и здесь Пелман прав). Однако не могу согласиться с тем, что эта борьба носила личный характер, как считают Пелман и Сили, по словам которого «афинская общественная жизнь была сценой личной и семейной вражды» (Сили, 1960. С. 81).

На ученых, заполнивших свои книги и статьи разного рода партиями, справедливо обрушился Коннор в своей работе о новых политиках в Афинах V в. до н. э. Трудно, пишет Коннор, определить ущерб, который нанесло науке использование этого понятия, приведя к фальсификации истории. В результате страдала и политическая, и социальная история, ученые путали социальные классы и политические партии и группировки: олигархическую, умеренную, демократическую, — тесно связывали их с социальными и экономическими классами: богатыми, средним классом, бедными.

Назову еще три имени: К. Пекорелла Лонго, К. Моссе и М. Г. Хансен. Пекорелла Лонго — автор книги о гетериях, которые играли активную роль в политической борьбе V в. до н. э. Наибольшее их распространение относится ко времени Пелопоннесской войны. Под гетериями понимали своего рода политические «клубы» родственников и друзей, часто ровесников, принадлежащих к одному классу или социальному слою и связанных общей идеологией и интересами. Такого рода ассоциации создавались для достижения определенных целей — политических, юридических, для взаимопомощи на выборах, защиты в суде, организации и проведения симпосиев, имевших тогла в значительной степени политическую окраску. Члены гетерий объединялись обычно вокруг отдельных политиков. Как правило. они были тайными и связывали своих членов клятвами. В кризисной обстановке гетерии открыто выходили на политическую арену. прямо влияли на ход событий, переходя на «неконституционные» методы, а порой к прямому насилию.

В IV в. до н. э. гетерии трансформировались в общества по совместным действиям в судебных процессах. Политики продолжали объединяться, но эти новые ассоциации теперь уже не назывались гетериями, они перестали объединять людей одного поколения, одинакового воспитания и общественного положения и, что особенно важно, связанных обшностью интересов. Несомненно, всякий политик, пользовавшийся влиянием, был окружен группой граждан. его поддерживавших, — «гетерами-друзьями». Другой слой людей, входивших в такую группу, рассчитывал на определенные материальные выголы. — «гетеры-клиенты», по определению Пекорелла Лонго. Часто этот последний слой граждан включал продажных политических поденшиков.

8. О характере политической борьбы во второй половине IV в. до н.э.

Обязанностью «гетеров-друзей» и «гетеров-клиентов» было по мере необходимости помогать своему патрону, защищая его на всевозможных пропессах и выступая вместо него с обвинениями против его политических противников. Обстановка в Афинах была такова, что всякий гражданин, не присоединившийся к той или иной «партии», рисковал остаться в одиночестве, таившем в себе опасные последствия, поэтому необходимо было примкнуть к одной из группировок демократического или олигархического толка. Существование такого рода политических групп, оказывавших повседневное влияние на общественную и частную жизнь граждан, по мнению Пекорелла Лонго, является одной из характерных особенностей самого существования афинского полиса. Уделяя большое внимание различным политическим группам. Пекорелла Лонго посвящает отдельные главы группам македонофильской партии (Мидий, Эвбул, Эсхин), Демосфену (его отношению с Тимархом, сотрудничеству с радикалами в 346-343 гг. до н. э., друзьям Демосфена — Аристиону и Аристарху, взаимоотношениям Демосфена с лицами, замешанными в деле Гарпала), Фокиону и его «гетерам».

Цель Моссе (в статье о политических процессах) — показать в политических процессах развитие противоречий в гражданском коллективе и рост политической индифферентности демоса (Mosse, 1979). Она считает несомненным, что политическая жизнь в IV в. до н. э. все более превращается в дело профессионалов, которые часто личные раздоры ставят выше интересов полиса, ловко определяя решения народного собрания, тогда как демос все больше отходит от политических игр и не озабочен ничем, кроме обеспечения своего существования. В этом смысле, по мнению Моссе, Р. Сили имел основание поставить на первый план конфликты политических группировок (но региональные связи, как замечает Моссе, в IV в. до н. э. становятся почти иллюзорными). Моссе с одобрением отзывается о выводе Пекорелла Лонго относительно окружения влиятельных политиков клиентелой друзей и наемников. Именно эта личная клиентела и состояние в основном определяли ту роль, которую тот или иной политик играл в экклесии и суде. Моссе подчеркивает, что политическую борьбу во второй половине IV в. до н. э. нельзя сводить к борьбе политических группировок. Политические процессы последнего периода истории независимых Афин свидетельствуют, по ее мнению, о новой исторической ситуации. Антагонизм между сторонниками и противниками Македонии только частично перекрывал антагонизм между «пацифистами» и «империалистами», между умеренными и демократами, между богатыми и бедными, который господствовал в первой половине IV в. до н. э. В работе Моссе привлекает стремление подчеркнуть сложность политической борьбы, выйти за рамки личных отношений, указать на несовпадение деления граждан с точки зрения классовой, сословной, «партийной».

Хансен в книге «Афинское народное собрание в век Демосфена» обращается к политическим партиям в рамках изучения афинской демократии и экклесии времени Демосфена (Hansen, 1987). Отвергая концепцию «политических партий» применительно к античным обществам, он считает, что в IV в. до н. э. политические лидеры образовывали небольшие политические группы, о характере которых трудно составить ясное представление. Исследование лексики показало, что в греческом языке классического времени нет слов, соответствующих нашему слову «партия», но сам терминологический анализ Хансен не считает решающим доказательством. Каких-либо соответствующих групп сторонников лидера, по мнению Хансена, не было, но лидера, проявившего в политике инициативу, поддерживали группы граждан в экклесии. Экклесия функционировала в соответствии с идеалами демократии, и решения действительно принимались в народном собрании.

Возражая антиковедам, акцентирующим внимание на различиях между античной (афинской) и современной западной демократией, Хансен подчеркивает сходство между ними. Образование политических партий и групп сделали, по мнению специалистов, нынеш-

нюю демократию более олигархической, власть сосредоточилась в руках элиты, поэтому изучение политической системы должно быть направлено прежде всего на неформальные структуры влиятельных лидеров и заинтересованных групп. Стало модно (продолжает Хансен) полвергать полобным обвинениям и афинскую демократию, считать, что понять ее можно, исследуя не Буле, экклесию и дикастерии, а реальную власть ведущих политиков, влиятельных семей и политических групп. Такой подход Хансен считает анахронизмом. Все источники указывают, что ораторы проводили свою политику скорее путем дебатов в народном собрании, чем посредством неформальных переговоров в рамках политических групп. Нет никаких следов деятельности неформальных организаций, которые бы соответствовали политическим партиям и заинтересованным группам современных демократий. Источники свидетельствуют только о сотрудничестве ораторов и стратегов и о существовании небольших политических групп. Вместе с тем Хансен пишет о постоянной и важной оппозиции между социальными группами и о значительной роли, которую в конституционных дебатах играли разногласия между богатыми и бедными, одни из которых были привержены олигархии, другие — демократии. Но, строя своей анализ на источниках IV в. до н. э., т. е. преимущественно на речах аттических ораторов. говоря о противоречиях между богатыми и бедными и отмечая приверженность одних к олигархам, а других — к демократам, датский специалист оперирует в большей мере материалом V в. до н. э. и конкретно ссылается только на события 413-403 гг. до н. э.

8. О характере политической борьбы во второй половине IV в. до н. з.

Я пыталась показать, что по крайней мере некоторые из политических группировок были связаны с определенными кругами граждан: группировка Ликурга — со старой, «традиционалистской» аристократией Афин, основу богатства и влияния которой составляла земля, группировка Демосфена — с торгово-ростовщическими кругами, группировка Гиперида — с предпринимателями, наживавшимися на эксплуатации Лаврийских рудников, группировка Фокиона, — видимо, с какими-то кругами землевладельцев. Экономические факторы выступают в качестве определенной подоплеки политической борьбы. Каждая политическая группа стремится проводить свою линию, ориентируясь на то, какие выгоды именно ей может и должна она принести или чем грозит политика противников ее интересам. Жестокая борьба с Македонией, когда ее агрессия

угрожает торговым связям Афин с Севером, и готовность к компромиссам с ней, когда македонская агрессия перемещается на Восток. а Пирей возрождается. — такова политика Демосфена и его сторонников. Непримиримость группы Гиперида объясняется угрозой ее благосостоянию политикой как Филиппа, так и Александра.

Несколько сложнее выявить позиции различных категорий землевлалельнев в условиях краткого полъема аттического сельского хозяйства: здесь проявляются и стремление одних к прекрашению всякой внешней активности. в конечном счете пагубной для сельского хозяйства, и мечты других о возрождении былой мощи Афин и их гегемонии, но в будущем, когда обстановка окажется благоприятной. Напомним об обвинениях Эсхина в адрес владельцев оружейных мастерских и торговцев оружием: они разжигают войну, потому что это им выгодно. Такого рода аргументы, при всей их заостренности. должны были производить впечатление, поскольку аудитория граждане, собравшиеся на Пниксе, сами отчетливо сознавали связь политики и непосредственных экономических интересов.

Конечно, сказанное выглялит слишком схематично и такую систему связей нельзя понимать как простую готовность одних пожертвовать интересами государства ради своих корыстных целей. А именно так упрощенно иногда объясняли позицию промакедонской партии: богачи предали и продали родину Македонии, защищая свои классовые интересы. Но вместе с тем, как писал Диодор (XV11I, 10, 1), узнав о смерти Александра, собственники советовали сохранять спокойствие, демагоги же возбуждали народ и призывали его к войне. Суть, однако, в ином: в видении политики полиса сквозь призму своих интересов, возможно, не всегда осознанное стремление направить общую политику Афин так, чтобы она лучше отвечала интересам определенной части гражданского коллектива. В конечном счете эта система воззрений свидетельствует о разложении полисного мировоззрения.

Вместе с тем можно указать и на некоторые особенности политических группировок Афин в целом и их роль в политической борьбе.

Первая черта — большая дробность политических сил. Я выявила пять политических группировок, но, очевидно, были и более мелкие. Ушло в прошлое противостояние олигархов и демократов. политическая ситуация определяется теперь более сложным соотношением сил, их борьбой, соглашениями, равновесием. Одни и те же деятели могут выступать совместно при одной обстановке и бороться друг с другом — при иных обстоятельствах. В такой ситуации разгром одних политических сил другими достаточно редок, и изменение направления политики полиса, действительно, не означает разгрома какой-то из группировок — противницы новой политики. На протяжении изучаемого периода известен только один пример — устранение Эсхина. Подобные явления были редкостью. но их редкость была обусловлена совершенно иными причинами. чем полагает Р. Сили. По-видимому, за каждой политической группой, как я пыталась показать, стояли определенные круги граждан. а разгром той или иной из них немыслим без уничтожения ее основы. т. е. этих граждан. Показательно, что исчезает с политической арены именно группа Эсхина, относительно основы которой не удалось найти в источниках какие-либо сведения (в отличие от остальных). Сказанное наводит на предположение, что она, возможно, была лишена прочной основы, в силу чего представляла более эфемерное образование, выражающее настроения отдельных представителей гражданства.

8. О характере политической борьбы to второй половине IV в. до н. з.

Вторая черта политических групп, обусловленная тем, что они возникли и действовали в рамках полиса, состоит в том, что они не могли выражать «твердую классовую позицию». Включая представителей двух классов — рабовладельнев и мелких производителей, они вместе противостояли классу рабов, их объединяла общая принадлежность к гражданской общине, что противополагало их и метекам.

Далее и собственно классовые различия между крупными землевладельцами и рабовладельцами, с одной стороны, и мелкими крестьянами и ремесленниками, являвшимися мелкими собственниками, к тому же непосредственными производителями. — с другой. разбивали единство гражданского коллектива. Эти свойственные полисам отношения, перекрещивание классовых и сословных структур еще более усложняли характер политических группировок.

Таким образом, та социально-экономическая основа, которая определяла структуру и характер политических группировок в Афинах, характеризуется большой сложностью. Действуют факторы, способствующие их объединению, и факторы, их разъединяющие, силы центробежные и центростремительные. В позиции каждой из них есть определенные элементы, сближающие ее с другими

группами, но есть и элементы, отделяющие их друг от друга. Нет твердо очерченных границ, до конца отсекающих одну группу от другой, поскольку в позиции каждой есть нечто, что роднит ее с другой, однако с точки зрения иного вопроса соотношение сил меняется. Одни и те же деятели могли выступать совместно в одной ситуации, но бороться друг с другом при иных обстоятельствах. Например, с точки зрения оценки существующей политической системы силы группируются следующим образом: положительно к ней относится группа Ликурга и отрицательно — все остальные. А с точки зрения взаимоотношений с Македонией расстановка сил иная: за выжидательную политику стоят группы Ликурга и Демосфена; за решительную борьбу — Гиперид и его сторонники, следовать в фарватере македонской политики готова группа Эсхина, поддерживавшая Филиппа, а затем Александра; еще одно направление представляет группа Фокиона.

Подобные примеры сложных взаимоотношений можно умножить, но и сказанного, по-моему, достаточно, чтобы считать, что именно в этом и заключается особенность политических группировок в Афинах рассматриваемого времени: они выражают очень дробные интересы различных кругов внутри гражданского коллектива полиса. Изучение этих группировок показывает, что нарушается ранее обычная расстановка сил, когда демократия, как правило, была связана с более бедными слоями гражданства, олигархия — с более состоятельными. Картина усложняется: группа Ликурга, представителя старой землевладельческой аристократии, стоит за сохранение традиционных демократических установлений Афин, тогда как представители богатейших рудных предпринимателей (группа Гиперида) в минуты крайней опасности становятся на позиции радикальной демократии, а лично бедный Фокион доволен олигархической реорганизаций конституции и стремится не обострять отношения с Македонией.

В заключение одна оговорка: было бы упрощением и вульгаризацей сводить всю политику группировок и их лидеров к экономическим интересам. На их воззрения, желания и надежды, как и на практику, несомненно, влияли и иные факторы: происхождение, традиции семьи, характер деятельности и собственности, личные связи, одни отличались большим или меньшим консерватизмом, другие — приверженностью к радикальным мерам.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории.

История Европы. Т. 1. — История Европы. Т. 1 / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1988.

 Φ ролов Э. Д. Парадоксы истории — Φ ролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004.

CJ - Classical Journal.

Cl Med - Classica et Mediaevalia.

CQ - Classical Quarterly.

Davies J. K. - Davies J. K. Athenian Propertied Families. 600-300 B.C. Oxf., 1971.

Democracy 2500? — Democracy 2500? Questions and Challenges. Ed. by I. Morris and K. A. Raaflaub. Dubuque (Iowa), 1997.

Dêmokratia — Dëmokratia. A Conversation on Democracies, Ancient and Modern. Ed. by J. Ober and C. Hedrick. Princeton, 1996.

Die athenische Demokratie — Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3.-7. August 1992, Bellagio. Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995.

GaR — Greece and Rome.

GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies.

JMS — Journal of Hellinic Studies.

Kosmos — Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Atnens. Ed. by P.Cartledge, P. Millett and S. von Reden. Cambr., 1998.

Nomos — Nomos. Essays in Athenian Law, Politics and Society. Ed. by P. Cartledge, P. Millett and S. Todd. Cambr., 1993.

Ober J. The Athenian Revolution — Ober J. The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. 2nded. Princeton, 1999.

REA — Revue des études anciennes.

REG — Revue des études grecques.

Список источников и литературы

1. Источники

Андокид. Речи, или История святотатцев / Пер. и ком. Э. Д. Фролова. СПб.. 1996.

Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подготовили Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996.

Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. / Под ред. В. И. Кузищина. СПб., 2000.

Аристотель. Афинская полития / Пер. и ком. С. И. Радцига. М.-Л., 1936.

Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторики. Собрание текстов. Общая ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978.

Аристотель. Риторика / Пер. О. Цыбенко. М. 2000.

Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н. В. Брагинской // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984.

Аристотель. Политика / Пер. С. А. Жебелева, сверенный А. И. Доватуром // Там же.

Аристофан. Комедии в двух томах / Общая ред. пер. Ф. А. Петровского и В. Н. Ярхо. Т. 1-2. М., 1954.

Аристофан. Комедии. Фрагменты / Пер. А. Пиотровского. М., 2000.

Афиней. Пир мудрецов в пятнадцати книгах. Кн. I-VIII / Изд. подготовили Н. Т. Голинкевич, М. Г. Витковская и др. М., 2003.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Ф. Г. Мищенко. Т. [-II. М., 1888.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и ком. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

Гиперид. Речи / Пер. Л. М. Глускиной. Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. // ВДИ, 1962, № 1.

Демосфен. О предательском посольстве / Пер. С. Ошерова; За Ктесифонта о венке / Пер. Е. Рабинович // Ораторы Греции. Общая ред А. Аверинцева, С. Апта и др. М., 1985.

Демосфен. Речи в трех томах. Т. I-II / Отв. ред. Л. П. Маринович. М., 1994.

Демосфен. Речи в трех томах. Т. III / Пер. С. И. Радцига. М., 1996.

Динарх. Речи. / Пер. Э. Д. Фролова. Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. // ВДИ, 1962, № 2.

Еврипид. Орест. / Пер. И. Анненского; Просительницы / Пер. С. Шервинского // Еврипид. Трагедии. Т. 2. М., 1969.

Исократ. Речи / Пер. под ред. К. М. Колобовой // ВДИ, 1965, № 3-4; 1966, № 1-4; 1967, № 1, 3; 1968, № 1, 2, 4; 1969, № 1, 2.

Ликург. Речи / Пер. Т. В. Прушакевич. Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. // ВДИ, 1962, № 4.

Лисий. Речи / Пер. и ком. С. И. Соболевского. М.-Л., 1933.

Платон. Горгий / Пер. С. П. Маркиша // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 1. М., 1968.

Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова // Там же. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Фемистокл. Перикл. / Пер. С. И. Соболевского. Т. І. Изд. подготовили С. П. Маркиш и С. И. Соболевский. М., 1961.

Плутарх. Фокион. Демосфен / Пер. С. П. Маркиша. Т. III. Изд. подготовил С. П. Маркиш. М.,1964.

Псевдо-Ксенофонт. Афинская полития / Пер. С. И. Радцига // Аристотель. Афинская полития. М.-Л., 1936.

Псевдо-Плутарх. Жизнеописания десяти ораторов. Гиперид / Пер. Л. М. Глускиной; Ликург / Пер. Т. В. Прушакевич; Эсхин / Пер. Л. М. Глускиной // ВДИ, 1962, № 4.

Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1994.

Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. Изд. подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский, Л., 1981.

Фукидид. История / Пер. Ф. Мищенко, в переработке С. Жебелева. Т. [-II, М., 1915.

Фукидид. История. / Пер. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева. Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1999.

Список источников и литературы

187

Хрестоматия по истории древнего мира / Сост. Н. Н. Пикус и В. С. Соколов. Под ред. В. В. Струве. Т. II. Греция и эллинизм. М., 1951.

Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. М., 1964.

Эсхин. І. Против Тимарха / Пер. Э. Д. Фролова. Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. // ВДИ, 1962, № 3; II. О преступном посольстве / Пер. Н. И. Новосадского // Там же; III. Против Ктесифонта / Перев. Л. М. Глускиной // ВДИ, 1962, № 4.

Эсхин. О предательском посольстве / Пер. С. Ошерова; Против Ктесифонта о венке / Пер. С. Ошерова и М. Л. Гаспарова // Ораторы Греции. Под общей ред. А. Аверинцева, С. Апта и др. М., 1985.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae", кн. XIII / Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского. Под ред. М. И. Грабарь-Пассек // ВДИ, 1954, № 3.

Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae" / Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского. Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. СПб., 2000.

Diodorus of Sicily. Vol. VII. With an English Translation by C. Sherman. Cambr. (Mass.)-L.,1980; vol. VIII. Translation by C. B. Welles. 1970; vol. XI. Translation by R. M. Geer, 1969.

Minor Attic Orators. Vol. II. Lycurgus. Dinarchus. Demades. Hyperides, with an English Translation by J. O. Burtt. L.-Cambr. (Mass.), 1973.

Inscriptiones Graecae. Vol. II et III editio minor, ed. J. Kirchner. Berolini. Pars I. Fasc. 1, 1913; Pars 2. Fasc. 1, 1927; Pars 2. Fasc. 2, 1931 (IG, II).

Schwenk C.J. Athens in the Age of Alexander. The Dated Laws and Decrees of the Lycourgan Era. 338-322 B. C. Chicago, 1985.

2. Справочная литература

Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность / Пер. с англ. М., 1975.

Мифологический словарь // Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1-2 // Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980-1982.

Реальный словарь классических древностей, по Любкеру / Под ред. Ф. Гельбке и др. СПб., 1885.

Словарь античности / Пер. с нем. Отв. ред. В. И. Кузищин. М., 1989.

Советская историческая энциклопедия. Т. 1-16. М., 1961-1976.

3. Учебники и учебные пособия

Грант М. Классическая Греция / Пер. с англ. М., 1998.

Древняя Греция / Отв. ред. В. В. Струве, Д. П. Каллистов. М., 1956.

Дэвис Дж. К. Демократическая и классическая Греция / Пер. с англ. М., 2004.

История Древней Греции / Под ред. В. И. Авдиева, А. Г. Бокщанина, Н. Н. Пикуса. 2-е изд. М., 1972.

История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. 3-е изд. М., 2005.

История древнего мира. Т. 2. Ч. І. История Древней Греции / Под ред. С. И. Ковалева. М., 1937.

История древнего мира. Т. 3. Ч. П. История Древней Греции / Под ред. С. И. Ковалева. М., 1937.

История древнего мира. 3-е изд. / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989.

Ковалев С. И. История античного общества. Греция. Л., 1936.

Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. Д., 1958.

Лурье С. Я. История Греции / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993.

Сергеев В. С. История Древней Греции. 3-е изд. / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М., 1963.

Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции. Т. 1. Революция. Пг, 1924; Т. 2. Расцвет и кризис демократии. Пб., 1922; Т. 3. Упадок. Пб., 1922.

Хаммонд Н. История Древней Греции / Пер. с англ. М., 2003.

4. Обязательная литература

Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.

Античная Греция / Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. Т. I-II. М., 1983.

Бузескул В. П. История афинской демократии // Вступ. ст. Э. Д. Фролова; науч. ред. Э. Д. Фролова, М. М. Холода. СПб., 2003.

Бузескул В. П. Лекции по истории Греции. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2005.

Доватур А. И. Социальная и политическая терминология в «Афинской политии» Аристотеля // ВДИ, 1958, № 3.

Зайцев А. И. Перикл и его преемники (К вопросу о приемах политического руководства в древности) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Межвузов, сб. Л., 1983.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н.э. Л., 1985.

Исаева В. И. Греция в IV в. до н. э. // История Европы. М., 1988. Т. 1. Γ л.7.

Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.

Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982.

Карпюк С. Г. Оχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ, 1995, № 4.

Карпюк С. Г. Роль толпы в политической жизни архаической и классической Греции // ВДИ, 2000, № 3.

Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.

Колобова К. М. Афины в борьбе за независимость // ВДИ, 1963, № 1- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. СПб., 1997. *Маринович Л. П.* Афины при Александре // Античная Греция. Т. 2. М., 1983.

Маринович Л. П. Греция в V в. до н. э. // История Европы. Т. 1. Гл. 6. М., 1988.

Маринович Л. П. Некоторые уроки афинской демократии // Античность и современность. М., 1991.

Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М., 1993.

Маринович Л. П. Закон и власть в классических Афинах // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997.

Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М., 2000.

Павловская А. И. Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. Гл. 10. М., 1988.

Родс П. Дж. Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // ВДИ, 1998, № 3.

Родс П. Дж. Афинская демократия // Античность и средневековье Европы. Межвузов, сб. / Под ред. И. Л. Маяк и А. 3. Нюркаевой. Пермь, 1998.

Строгецкий В. М. К вопросу об элитарном характере социальнополитической организации греческого полиса в классический период // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М., 1989.

Суриков И. Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ, 1996, № 4.

Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. Т. 2(16), 2005.

Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии (Опыт типологической характеристики) // Фролов Э. Д. Парадоксы истории.

Фролов Э.Д. Социальная революция, тирания и демократия в античной Греции // Фролов Э. Д. Парадоксы истории.

 Φ ролов Э. Д. Античная демократия (К оценке исторического феномена) // Φ ролов Э. Д. Парадоксы истории.

Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1991.

Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999.

Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.

Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 1-2. Казань, 1960, 1963.

Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1990.

5. Дополнительная литература

Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Межвузов, сб. Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л., 1979.

Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966

Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.

Гущин В. Р. Простаты и демагоги в «Политике» Аристотеля // Политическая история и историография (от античности до современности). Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1994.

Доватур А. И. Политика и политии Аристотеля. М.-Л., 1965.

Зельин К. К. Возникновение и распад державы Александра Македонского // Всемирная история. Отв. ред. С. Л. Утченко. Т. II. Гл. VIII. М., 1956.

Каллистов Д. П. Пелопоннесская война. Упадок Афин и возвышение Македонии // Всемирная история. Отв. ред. С. Л. Утченко. Т. П. Гл. III. М., 1956.

Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 1998.

Маринович Л. П. Конец классической Греции (Ламийская война) // Эллинизм: экономика, политика, культура. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1990.

Медовичев А. Е. Проблемы античной демократии в современной англо-американской историографии // Научно-аналитический обзор. М., 1990.

Медовичев А. Е. Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография)// Реферативный журнал. Серия 5. История, № 4. М., 1998.

Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и ранееклассической эпох. М., 2000.

Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Изд. 2-е. СПб., 2004.

Хабихт X. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. L, 1977.

Bauman R. A, Political Trials in Ancient Greece. L.-N.Y, 1990.

Cawkwell G. Philip and Athens // Philip of Macedon. Ed. by M.B. Hatzopoulos and L. D. Loukoupolos. Athens, 1980.

Davies J. K. Athenian Propertied Families. 600-300 B. C. Oxf., 1971.

Davies J. K. Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. Salem (N.H.), 1981.

Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambr. et al., 1983.

Fouchard A. Aristocratie et démocratie. Idéologies et sociétés en Grèce ancienne. P., 1997.

Garnsey P. Famine et approvisionnement dans le monde gréco-romain. P. 1996.

Gunderson L. L. Alexander and the Attic Orators // Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson. Thessaloniki, 1981.

Hansen M. H. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Structure, Principles and Ideology. Oxf.-Cambr. (Mass.), 1991.

Hunter V. Gossip and the Politics of Reputation in Classical Athens // Phoenix. Vol. XLIV, 1990.

Jones A. H. M. Athenian Democracy. Oxf., 1957.

Lintott A. Aristotle and Democracy // CQ.Vol. XLII, 1992.

Mossé Cl. Politique et société en Grèce ancienne. Le "modèle" athénien. P., 1995.

Nouhaud M. L'utilisation de l'histoire par les orateurs attiques. P., 1982.

OberJ. Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.

OberJ., Hedrick C. Democracies Ancient and Modern // Dëmokratia.

Ober J. Public Speech and the Power of the People in Democratic Athens // The Athenian Revolution.

Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, New Jersey, 1999.

Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley-Los Angeles-L., 1986.

Ostwald M. Oligarchia: the Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart, 2000.

Penman S. The Historical Example, its Use and Importance as Political Propaganda in the Attic Orators // Studies in Historty. Ed. by A.Fuks and I. Halperin. Jerusalem, 1961.

Raaflaub K. A. Equalities and Inequalities in Athenian Democracy // Dëmokratia.

Rhodes P.J. A. Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981.

Rhodes P.J. Political Activity in Classical Athens //JHS. Vol. CV1, 1986. Romilly J. de. Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975.

Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambr., 1989.

Staveley E. S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca (N.Y.), 1972.

Todd S. C. The Use and Abuse of the Attic Orators // GaR. Vol. XXXVII, 1990.

Todd S. The Rhetoric of Enmity in the Attic Orators // Kosmos.

Wallace R. W. Speech, Song and Text, Public and Private. Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth Century Athens // Die athenische Demokratie.

Worthington I. Greek Oratory, Revision of Speeches and the Problem of Historical Reliability // Cl Med. XLII, 1991.

6. Специальная литература (для рефератов и докладов)

Клекции 1

Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество / Альтернативные пути к цивилизации. Под ред. Н. Н. Крадина и др. М., 2000.

Дилигенский Г. Г. Проблемы истории античного рабства на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме // ВДИ, 1961, № 2.

Суриков И. Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX-XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // Studia historica, IV. М., 2004.

Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Ed. by R.Brock and S. Hodkinson. Oxf., 2000.

The Birth of Democracy: An Exhibition Celebrating the 2500th Anniversary of Democracy. Ed. by Ober J. and Hedrick C. W., Phinceton, 1993.

Cloché P. La démocratie athénienne. P., 1951.

Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie.

Finley M. I. Democracy Ancient and Modern. L, 1973.

Gallant. T. W. Risk and Survival in Ancient Greece. Reconstructing the Rural Domestic Economy. Stanford, 1991.

Hansen M. H. The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.

Hansen M. H. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.

195

Hansen M. H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Ed. by O. Murray and S. Price. Oxf., 1991.

Hansen M. H, The 2500th Anniversary of Cleisthenes' Reforms and the Tradition of Athenian Democracy // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to David Lewis. Ed. by R. Osborne and S. Hornblower. Oxf., 1994.

Hansen M. H. The Ancient Athenian and the Modern Liberal View of Liberty as a Democratic Ideal // Dëmokratia.

Hansen M. H. 95 Theses about the Greek Polis in the Archaic and Classical Periods. A Report on the Results Obtained by the Copenhagen Polis Centre in the Period 1993-2003 // Historia. Bd. 52, 2003.

Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. P., 1973.

Clisthène et la démocratie athénienne // Actes du Colloque de la Sorbonne tenu le 15 janvier 1994, sous la présidence deJ.-P. Vernant. P., 1995.

Ober J. The Athenian Revolution of 508/7 B.C.: Violence, Authority, and the Origins of Democracy // Ober J. The Athenian Revolution.

Osborne R. Demos: the Discovery of Classical Attika. Cambr. et al., 1985.

Raaflaub K. A. Power in the Hands of the People: Foundations of Athenian Democracy // Democracy 2500?

Rhodes P. J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie.

Rhodes P.J. Enmity in the Fourth-Century Athens // Kosmos.

Rhodes P.J. Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003.

Roberts J. T. Athens on Trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton, 1996.

Robinson E. W. The First Democracies. Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997.

Samons L.J. What's Wrong with Democracy? From Athenian Practice to American Worship. Berkeley, Los Angeles, London, 2004.

Sealey R. The Athenian Republic. Democracy or the Rule of Law? Pennsylvania State University Press, 1987.

Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte - eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie.

Слисок источников и литературы

Vidal-Naquet, P. La démocratie grecque vue d'ailleurs. Essais d'historiographie ancienne et moderne. P., 1990.

Wood E. M. Peasant -citizen and Slaves. The Foundations of Athenian Democracy. L.-N.Y., 1988.

К лекции 2

Глускина JI. М. Гражданство и права человека в греческом полисе классического периода // Античность и современность. М., 1991.

Исаева В. И. Принципы межполисных отношений в Греции конца V - середины IV в. до н. э. // Античная Греция. Т. II. М., 1983.

Сахненко Л. А. Греческая социально-политическая лексика периода Пелопоннесской войны // Филологические науки. М., 1978, N = 6.

 Φ ролов Э. Д. Античная демократия (К оценке исторического феномена) // Φ ролов Э. Д. Парадоксы истории.

 Φ ролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии (Опыт типологической характеристики) // Φ ролов Э.Д. Парадоксы истории.

Cohen D. Law, Violence, and Community in Classical Athens, Cambr., 1995.

Cohen D. Democracy and Individual Rights in Athens // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd.1 14. Graz, 1997.

Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

Farrar C. The Origins of Democratic Thinking. The Invention of Politics in Classical Athens. Cambr. et al., 1988

Finley M. I. Athenian Demagogues // Finley M. I. Studies in Ancient Society. L- Boston, 1974.

Finley M. I. The Freedom of the Citizen in the Greek World // Finley M.I. Economy and Society in Ancient Greece. N.Y., 1983.

Hansen M. H. Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens // GRBS. Vol. 19, 1978.

Hansen M. H. The Athenian Heliaia from Solon to Aristotle // CI Med. Vol. 33, 1982.

Hansen M. H. The Athenian Ecclesia. A Collection of Articles 1976-83. Copenhagen, 1983.

Hansen M. H. Athenian Nomothesia // GRBS. Vol. 26, 1985.

Hansen M. H. The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.

Hansen M. H. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988.

Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II. A Collection of Articles 1883-89. Copenhagen, 1989.

Hansen M. H. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.

Hansen M. H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Cetury Athens // The Greek City from Homer to Alexander, ed. by O. Murray and S. Price. Oxf., 1991.

Herman G. How Violent was Athenian Society? // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to David Lewis. Ed. by R.Osborne and S. Hornblower. Oxf., 1994.

Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie.

Laix R. A. de. Probouleusis at Athens: A Study of Political Decision-Making. Berkeley-Los Angeles, 1973.

LintottA. Aristotle and Democracy // CQ, N.S. Vol. XLII, 1992.

MacKendrick P. The Athenian Aristocracy, 399-31 B.C. Cambr. (Mass.), 1969.

Ober J. Public Speech and the Power of the People in Democratic Athens // Ober J. The Athenian Revolution.

 $\mathit{Ober}\,J.$ The Nature of Athenian Democracy // Ober J. The Athenian Revolution.

Osborne R. Law in Action in Classical Athens //JHS. Vol. CV, 1985.

Ostwald M. Autonomia: Its Genesis and Early History. Chico (Cal.), 1982.

Raaflaub K. A. Equalities and Inequalities in Athenian Democracy // Demokratia.

Rhodes P.J. The Athenian Boulc. Oxf., 1972.

Rhodes P.J. Nomothesia in Fourth-Century Athens // CQ. Vol. 35, 1984.

Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambr., 1989.

Staveleu E. S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca (N.Y.), 1972.

Wallace R. W. Law, Freedom, and the Concept of Citizens' Rights in Democratic Athens // Demokratia.

Will W. Athen und Alexander. Untersuchungen zur Geschichteder Stadt von 338 bis 322 v. Chr. Miinchen, 1983.

К лекции 3

Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.

Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии: Опыт типологической характеристики // Фролов Э. Д. Парадоксы истории.

Carlier P. Demosthene. P., 1990.

Carter L. B. The Quiet Athenian. Oxf., 1986.

Hansen M. H. Initiative and Decision: the Separation of Powers in Fourth-Century Athens // GRBS.Vol. 22, 1981.

Hansen M. H. The Athenian "Politicians," 403-322 // GRBS. Vol. 24, 1983.

Hansen M. H. Rhetores and Strategoi in Fourth-Century Athens // GRBS. Vol.24, 1983.

Hansen M. H. Rhetores and Strategoi: Addenda et Corrigenda // GRBS. Vol. 28,1987.

Harding P. Rhetoric and Politics in Fourth-Century Athens // Phoenix. Vol. XLI, 1987.

Humphreys S. Lycurgus of Butadae: an Athenian Aristocrat // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr. Ed. by J. W. Eadieand J. Ober. Lanham-N.Y.-L., 1985.

Mitchel F. W. Lykourgan Athens: 338-322 B.C. Cincinnati, 1970.

Mossé C. Citoyens actifs et citoyens "passifs" dans les cités grecques: une approche théorique du problème // RE A. T. 81, 1979.

Mossé C. Lycurgue l'Athénien: l'homme du passé ou précurseur de l'avenir? // Quaderni di Storia. Vol. 30, 1989.

Mossé C. Politeuomenoi et idiôtai: l'affirmation d'une classe politique à Athènes au IV siècle // REA. Vol. 86, 1984.

Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie.

Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.

Ober J. Power and Oratory in Democratic Athens: Demosthenes 21, Against Meidias // Ober J. The Athenian Revolution.

Rhodes P.J. Athenian Democracy after 403 B.C. // CJ. Vol. 75, 1980.

Roberts J. T. Athens' So-Called Unofficial Politicians // Hermes. Bd. 110, 1982.

Rubinstein L. The Athenian Political Reception of the Idiotes // Kosmos.

К лекции 4

Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. *Боннар А.* Греческая цивилизация. Т. 3. М., 1962.

Маринович Л. П. Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ, 1998, № 2.

Моссе Кл. Демосфен как тип афинского политика // ВДИ, 1996, № 2. Радциг С. И. Демосфен — оратор и политический деятель // Демосфен. Речи в трех томах. Т. III / Пер. с греч., ст. и прим. С. И. Радцига. М., 1954. Carlier P. Démosthène. P.,1990. Cawkwell G. L. Demosthenes'Policy after the Peace of Philocrates // CQ, Vol. 56, 1963.

Cloché P. Démosthène et la fin de la démocratie athénienne. P., 1957.

Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie.

Davies J. K. Athenian Propertied Families. 600-300 B.C. Oxf., 1971.

Finley M. L. Politics in the Ancient World. Cambr. et al., 1983.

Garland R. The Piraeus from the Fifth to the First Century B.C. L. 1987.

Hansen M. H. Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens // GRBS. Vol. 19, 1978.

Harvey D. The sykophant and sykophaney: vexatious redefinition? // Nomos.

Jones A. H. M. The Athens of Demosthenes. L, 1952.

LuccioniJ. Démosthène et le Panhellénisme. P., 1961.

Montgomery H. The Way to Chaeronea. Foreign Policy, Decision-Making and Political Influence in Demosthenes' Speeches. Bergen, 1983.

Mossé C. Démosthène ou les Ambiquïtés de la Politique. P., 1994.

Osborne R. Vexatious litigation in classical Athens: sykophancy and the sykophant // Nomos.

Perlman S. The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // Athenaeum, N.S. Vol. XLI, 1963.

Perlman S. Political Leadership in Athens in the Fourth Century B.C. // La Parola del Passato. Fasc. CXIV 1967.

Pickard- Cambridge A. W. Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom, 384-322 B.C., L.-N.Y., 1914.

RomillyJ. de. La loi dans la pensée grecque des origines à Aristote. P., 1971.

Romilly J. de. Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975.

Sealey R. On the Athenian Concept of Law // CJ. Vol. 77, 1982.

Sealey R. Demosthenes and His Time. A Study in Defeat. N.Y.-L., 1993.

Yunis H. Taming Democracy. Models of Political Rhetoric in Classical Athens. Ithaca-L., 1996.

К лекции 5

Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э. Л., 1975.

Маринович Л. П. Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ, 1998, № 2.

Cohen E. E. Athenian Economy and Society. A Banking Perspective. Princeton, 1992.

Davies J. K, Athenian Propertied Families. 600-300 B.C., Oxf., 1971.

Demosthenes / Vol. III, with an English Translation by J. H. Vince. Cambr. (Mass.)-L., 1986.

Demosthenes. Against Meidias (Oration 21) / Ed. with Introduction, Translation and Commentary by D. M. MacDowell. Oxf., 1990.

Fisher N. The law of hubris in Athens // Nomos.

Harris E. M. Demosthenes'Speech against Meidias // Harvard Studies in Classical Philology, Vol. 92, Cambr. (Mass.), 1989.

Herman G. How Violent was Athenian Society // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to David Lewis. Ed. by R. Osborne and S. Hornblower. Oxf., 1994.

Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie.

Murray O. The Solonian law of hubris // Nomos.

OberJ. Power and Oratory in Democratic Athens: Demosthenes 21, Against Meidias // Ober J. The Athenian Revolution.

Vannier F. Finances publiques et richesses privees dans le discours athenien aux Ve et IVe siecles. P., 1988.

Wilson P.J. Demosthenes 21 (against Meidias): Democratic Abuse // Proceedings of the Cambr. Philolog. Society. Vol. 37, 1991.

Worthington I. Greek Oratory, Revision of Speeches and the Problem of Historical Reliability // CIMed. Vol. XLI1, 1991.

К лекции 6

Андреев В. Н. Лаврийские серебряные рудники как источник частного обогащения в V-IV вв. до н. э. // Лен. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. XXX Герценовские чтения. Исторические науки. Научные доклады. Л., 1977.

Глускина Л. М. Судебные процессы по делам, связанным с рудниками в Афинах IV в. до н. э. // ВДИ, 1967, № 1.

Глускина Л. М. Лаврийские серебряные рудники в экономике Афин IV в. до н.э. // Очерки всеобщей истории. Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 307, 1969.

Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин в IV в. до н.э. Л., 1975.

Davies J. K. Athenian Propertied Families. 600-300 B.C. Oxf., 1971.

Dyck A. R. The Function and Persuasive Power of Demosthenes' Portrait of Aeschines in the Speech On the Crown // GaR. Vol. 32, 1985.

Harris E. M. Aeschines and Athenian Politics. N.Y.-Oxf., 1995.

Harney F. D. Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics // Crux. Essays in Greek History presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th birthday. Ed. by P. A. Cartledge and F. D. Harvey. Exeter, 1985.

Lauffer S. Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten // Historia. Bd. 6, 1957.

Lauffer S. Bergwerkssklaven von Laureion. 2. Aufl., Wiesbaden, 1979.

Loraux N. L'invention d'Athènes. Histoire de l'oraison funèbre dans la "cité classique". P.-N.Y, 1981.

Perlman S. The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // Athenaeum, N.S.Vol. XLI, 1963.

Perlman S. Political Leadership in Athens in the Fourth Century B.C. // La Paroladel Passato. Fasc. CXIV, 1967.

Ramming G. Die politischen Ziele und Wege des Aischines. Erlangen, 1965.

Rankin D. I. The Mining Lobby at Athens // Ancient Society. Vol. 19, 1988.

Rowe G. O. The Portrait of Aeschines in the Oration On the Crown // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Chico (Cal.). Vol. XCVII, 1966.

К лекпии 7

Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. Отв. ред. Л. П. Маринович. М., 1998.

 $\it Маринович Л. П. Вся прожитая мною жизнь // Мνήμα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В. Д. Жигунина. Казань, 2002.$

Mocc М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Фролов Э. Д. Из истории политической борьбы в Афинах в конце V в. до н. э. // Андокид. Речи, или История святотатцев. Пер. и ком. Э.Д. Фролова. СПб., 1996.

Carter L. B. Quiet Athenian. Oxf., 1986.

Davies J. K. Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. Salem (N.H), 1981.

Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.

Whitehead D. Competitive Outlay and Community Profit. ΦΙΛΟΤΙΜΙΑ in Democratic Athens // ClMed. Vol. 34, 1983.

К лекции 8

Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964.

Никитю Е. В. Политические сообщества (гетерии) в классической Греции // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002.

Суриков И. Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // Власть, человек, общество в античном мире. Российская ассоциация антиковедов. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1997.

Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ, 2001, № 2.

Beloch J. Die attische Politik seit Perikles. Lpz., 1884.

Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd.3. Abt. 2., 2. Aufl.B.-Lpz., 1923.

Bemays J. Phokion und seine neueren Beurtheiler. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Philosophie und Politik. B., 1881.

Bosworth A. B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambr., 1988.

Cloché P. Démosthène et la fin de la démocratie athénienne. P., 1957.

Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

Ferguson W. S. Hellenistic Athens. An Historical Essay. Chicago. 1974 (Unchanged Reprint of the Edition. L, 1911).

Gehrke H.-J. Phokion. Studien zur Erfassung seiner historischen Gestalt. München, 1976.

Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974.

Hansen M. H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // CIMed. Vol. XL, 1989.

Mossé C. Les procès politiques et la crise de la démocratie athénienne // Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 1, 1974.

Mossé C. Comment s'élabore un mythe politique: Solon, "père fondateur" de la démocratie athénienne // Annales. T. 34, 1979.

Pecorella Longo Ch. "Eterie" e gruppi politici nell'Atene del IV sec. a. C. Firenze, 1971.

Perlman S. The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // Athenaeum. N.S., Vol. XLI, 1963.

Perlman S. Political Leadership in Athens in the Fourth Century B.C. // La Parola del Passato. Fasc. CX1V, 1967.

Sealey R. Callistratos of Aphidna and his Contemporaries // Historia. Bd. 5, 1956.

Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // Historia. Bd. 9, 1960.

Tarn W. W. Greece: 335 to 321 B.C. // The Cambridge Ancient History. Vol. 6. Cambr., 1927.

Williams J. M. Athens without Democracy: the Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322-307 B.C. Ann Arbor, 1982.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примерные темы курсовых работ

- Антидемократическая традиция в античности.
- 2. Оценка античности идеологами Великой французской революции.
- 3. Новый этап дискуссий о характере афинской демократии (3. Лауффер, А. Джонс, М. Финли).
- 2500-летие афинской демократии и роль Клисфена.
- 5. Была ли революция в Афинах?
- 6. Первые демократии в Элладе.
- Массы и элита в демократических Афинах.
- 8. Новые политики в Афинах V в. до н. э.
- Простаты и демагоги в «Политике» Аристотеля.
- Становление афинской демократии в современной историографии.

- 11. Античная и современная демократии: сходства и различия.
- 12. Итоги деятельности Копенгагенского центра изучения полиса.
- Государственные формы в Древней Греции (проект Лидского и Манчестерского университетов).
- 14. Динамика развития афинской демократии в работах последних десятилетий (М. Освальд, Р. Сили, М. Г. Хансен, К. Моссе, П. Родс, Дж. Обер).
- 15. Понятия исономии и исегории.
- 16. Народное собрание, его прерогативы и обязанности.
- 17. Совет пятисот, состав и функции.
- 18. Гелиэя (суд присяжных) и система охраны демократического строя в Афинах.
- 19. Магистратуры и избрание на государственные должности.
- 20. Аристократия как особый социальный слой.
- 21. Аристократический этос.
- 22. Личность и коллектив (взаимоотношения частного и общественного).
- 23. Закон и права афинского гражданина.
- 24. Общие принципы законодательства. Закон и псефисма.
- 25. Процедура принятия новых законов.
- 26. Понятие свободы в классических Афинах.
- 27. Политические лидеры в Афинах IV в. до н. э. Ораторы и стратеги.
- 28. Ликургова программа обновления Афин.
- Речь Ликурга против Леократа и традиционные ценности греческой демократии.
- Характер критики Демосфеном современной ему демократии в Афинах.
- 31. Источники о взглядах и деятельности Гиперида.
- 32. Гиперид как враг Македонии. Речь Гиперида «В защиту Евксениппа» и речь XVII Демосфенова Корпуса «О договоре с Александром».
- Надгробная речь Гиперида в честь афинян, павших в Ламийской войне.
- 34. Приверженность Эсхина демократии и его критика современной демократии в Афинах.
- 35. Особенности политических группировок в Афинах.

- Политические группировки и проблема их социально-экономической основы.
- 37. Характеристика Мидия, данная Демосфеном в речи XXI.
- 38. Источники об имущественном положении и политических симпатиях друзей и сторонников Мидия.
- 39. Антиплутократическая демагогия Демосфена в речи «Против Мидия о пошечине» (XXI).
- 40. Афинский гражданин перед судом.
- 41. Филотимия, агональный дух греческой цивилизации и «теория дара».
- 42. Судебные речи как источник изучения мировоззрения афинского гражданина.
- 43. Античная демократия и современная идеология.
- 44. Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. (симпозиум в Белладжо, 1992 г.).
- 45. Симпозиум в Белладжо (1992 г.) и проблема кризиса греческого полиса.
- 46. Концепция смены парадигмы «власти народа» парадигмой «власти закона», ее приверженцы и противники.
- 47. Социальная и политическая терминология в «Афинской политии» Аристотеля.
- Охлос история слова в контексте истории афинской демократии.
- 49. Роль толпы в политической жизни античной Греции.
- 50. Закон и власть в классических Афинах.
- О характере политической борьбы в Афинах эпохи поздней классики. Гетерии.
- Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства).
- 53. Кому принадлежала власть в демократических Афинах?
- 54. История в речах греческих ораторов и политическая пропаганда.
- 55. Политическая мысль древнегреческой демократии.
- Практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности.
- 57. Аристотель и демократия.

Темы рефератов

- 1. Взгляды В. Митфорда и Дж. Грота на афинскую демократию и ее институты.
- 2. Оценка Ликурга в историографии Нового времени (Ф. Митчел, С. Хамфрис, К. Моссе).
- 3. Демосфен политик и оратор в Новое время (С. И. Радциг, Ж. Матье, П. Клоше, А. Боннар, Г. Монтгомери).
- 4. Демосфен как тип «нового политика» и как «человек эмпория» (взгляды К. Моссе).
- 5. Эсхин в литературе Нового времени (С. И. Радциг, А. Боннар, Г. Рамминг, Э. Харрис).
- 6. Оценка Фокиона современными учеными (X. Герке, Д. Уильямс, К. Белох, У. Фергюсон, К. Моссе).
- 7. Ученые-модернизаторы о политической борьбе в Афинах IV в. до н. э. и их критики (Р. Сили, Ш. Пелман).
- 8. У. Коннор и «политические партии» в историографии Нового времени.
- 9. Взгляды К. Пекорелла Лонго, К. Моссе и М. Г. Хансена на характер политической борьбы в Афинах V-IV вв. до н. э.
- 10. Становление политического «класса» (просопографические исследования К. Моссе).
- Сопоставление афинской и современной демократии в работах М. Г. Хансена.

контрольные вопросы по материалу лекций

1

- 1. Как греческие историки относились к демократии?
- 2. Кто из римлян критиковал государственную систему Афин и за что?
- 3. Место античности во взглядах деятелей Великой французской революции.
- 4. Какое влияние на интеллектуальную элиту Европы оказал Дж. Грот?

- 5. Что объединяет работы 3. Лауффера, А. Джонса и М. Финли?
- 6. Какие причины вызвали празднование 2500-летие рождения демократии в Афинах?
- 7. В какой мере правомерно считать Клисфена создателем афинской демократии?
- 8. Являлись ли Афины первым демократическим государством в Греции (работа Э. Робинсона)?
- 9. Можно ли считать аристократию особым социальным слоем?

2

- 1. Какие неполисные формы политической организации существовали в Древней Греции?
- 2. Как вы понимаете полис?
- 3. Какие органы власти были в Афинах эпохи классики?
- Возможна ли прямая демократия в современном государстве?
- 5. Каковы прерогативы экклесии?
- 6. В чем заключались функции Буле?
- 7. Кто создал Буле?
- 8. Какими основными правами обладали афинские граждане?
- 9. Кто был в Афинах гражданином?
- 10. Была ли афинская революция?

3

- 1. Какие черты присущи аристократическому этосу?
- 2. Какие концепции свободы в античной Греции вам известны?
- 3. Какие вопросы являются основными в современных дискуссиях об афинской демократии?
- 4. Кто такие демагоги?
- 5. В чем заключалась концепция борьбы двух партий?
- 6. Какие основные политические группировки можно выделить в Афинах IV в. до н. э.?
- 7. Как оценивается деятельность Ликурга в историографии Нового времени?
- 8. В чем заключалась программа обновления Афин, осуществлявшаяся под руководством Ликурга?

4

- 1. Какие две основные тенденции можно выделить в оценке Демосфена современной историографией?
- 2. Каково политическое мировоззрение Демосфена?
- 3. Был ли Демосфоен причастен к деньгам персидского царя и к исчезновению части сокровиш, привезенных в Афины Гарпалом?
- 4. Что больше всего возмущало Демосфена в согражданах? В чем он их упрекал?
- 5. Какие речи Демосфена вам известны?
- 6. Почему К. Моссе считает Демосфена «человеком эмпория»?
- 7. Кто основал Коринфский союз?
- 8. Хотел ли Филипп II подчинить Афины Македонии?
- 9. Как закончил свою жизнь Демосфен?

5

- 1. Кто такой Мидий?
- 2. В чем Демосфен обвиняет Мидия в своей речи «Против Мидия о пошечине»?
- 3. В чем, по мнению Демосфена, заключается опасность для афинских граждан людей, подобных Мидию и его друзьям?
- 4. Какую тактику Демосфен считал наиболее эффективной, подготавливая речь для судебного процесса против Мидия, и почему?
- 5. Насколько афинское общество было склонно к насилию?

6

- 1. Какие речи Гиперида сохранились?
- 2. Почему можно считать автором речи «О договоре с Александром» Гиперида?
- 3. Какие крайние меры предложил Гиперид после поражения Афин в битве при Херонее?
- 4. Был ли Гиперид врагом Македонии?
- 5. Какую войну называют Ламийской? Кто в ней участвовал? Чем она завершилась?
- 6. Что вы знаете об эпитафии?
- 7. Как оценивали Эсхина, политика и оратора, в литературе Нового времени?
- 8. Был ли Эсхин приверженцем демократии?

9. Почему Эсхина считают главным политическим противником Лемосфена?

7

- 1. К какого рода аргументации прибегал подсудимый в свою защиту?
- 2. Что такое триерархия?
- 3. Что такое хорегия?
- 4. В чем выражался принцип состязательности в афинском суде?
- 5. Кто такие логографы?

8

- 1. Какое место в политической пропаганде занимал лозунг «Конституция предков»?
- 2. Какую политику стремился проводить Фокион?
- 3. В чем заключалась реакция антиковедов второй половины XX в. на работы своих предшественников о политической борьбе и партиях в греческой античности (У. Коннор, К. Пекорелла Лонго, К. Моссе, М. Г. Хансен)?
- 4. Какую эволюцию претерпели политические лидеры в классических Афинах?
- 5. Кому принадлежала власть в демократических Афинах в IV в. до н. э.?
- 6. Кто такой охлос?
- 7. Что такое гетерии? Какова их природа?
- 8. Насколько правомерно видеть социально-экономические основы политических группировок?
- 9. Какие черты свойственны политическим группировкам Афин эпохи поздней классики?

Учебное излание

Людмила Петровна Маринович

АНТИЧНАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОПОСТАВЛЕНИЮ

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*Ведущий редактор *Юшмкин М. С.*Редактор *Иванова Н. В.*Корректоры *Иванова В. В., Ширяева Н. Н.,*Художник серии *Новикова В. М.*Компьютерная верстка *Чикин П. А.*

Директор издательства Чепыжов В. В.

Подп. в печать 09.02.2007 Формат 60х84/16. Бумага офсетная Гарнитура «PetersburgC». Печать цифровая Усл. печ. л. 12,32. Тираж 1000 экз. Заказ № Т-186

ООО «Издательство «КДУ». 119234, г. Москва, а/я 587 Тел./факс: (495) 939-57-32, 939-40-51 <u>Http://www.kdu.ru</u>. E-mail: <u>kdu@kdu.ru</u>

Отпечатано в типографии КДУ Тел./факс: (495) 939-40-36. E-mail: press@kdu.ru